ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ВЫПУСК VIII

Prof. SIGMUND FREUD

ОЧЕРКИ ПО ПСИХОЛОГИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Перевод д-ра М. В. ВУЛЬФА

С пред. проф. Ив. Дм. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ и ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА Ив. Дм. ЕРМАКОВА
Выпуск VIII

Prof. Sigmund FREUD

ОЧЕРКИ ПО ПСИХОЛОГИИ СЕКСУАЛЬНОСТИ

ПЕРЕВОД Д-РА М. В. ВУЛЬФА
С ПРЕД. ПРОФ. Ив. Дм. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Гиз № 4965. Главлит № 14286. 8.000 экз.

„Мосполиграф". 16-я типография, Трехпрудный, 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем томике «Очерков по психологии сексуальности» мы об'единили целый ряд работ Freud'а как прежних, так и новых. В основу положены знаменитые «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie», вновь переведенные с последнего значительно дополненного издания этой книги. Беспрестанно работая и расширяя основные положения своей теории, Freud, однако, может быть больше, чем кто-либо, видит всю невозможность в настоящее время выступить с готовой, завершенной теорией. Тем не менее по этому чрезвычайно важному и мало разработанному вопросу у психоанализа найдается немало очень ценного, что может послужить в дальнейшем фундаментом для будущей теории.

Каковы бы ни были наши отношения к психоанализу, как бы сильно ни задевали нас те или иные из его достижений, мы должны твердо помнить, что из всех попыток, сделанных в этом направлении, теория Freud'а дает нам наиболее цельное, последовательное и основательно построенное знание, тем более вызывающее интерес, что оно все базируется на таких исследованиях и возможности понять человека, которыми мы не располагали до сих пор.

Книга Freud'а написана совсем не так, как это принято в целом ряде исследований по психологии любви; она поражает своей сжатостью, строгостью изложения, возможной точностью формулировок и чрезвычайной скупостью на примеры. Всюду видна глубокая работа ума и меньше всего уделено место иллюстрациям. Поэтому глубоко ошибется тот, кто, смотря на психоанализ как на научный соблазн, будет искать в этой книге легкое чтение: читать ее трудно, ее нужно изучать, продумывать главу за главой, параграф за параграфом. — К вопросу о половой жизни следует отне-

стись со всей серьезностью и сдержанностью, какая приличествует такому большому вопросу. Те, кто хотел бы получить от книги не описание соблазнительных примеров, действующих определенным образом на воображение, а последовательное и систематическое изложение развития и судеб полового влечения и того, что называется любовной жизнью; те, изучая настоящие работы Freud'а, найдут ответы на многие вопросы, которые ставит перед нами действительность.

Сжатость изложения «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie» об'ясняется еще и тем, что в целом ряде других работ, часть которых будет напечатана в нашей библиотеке, читатель найдет более подробное изложение того, что в целом подверглось систематизации и раскрытию в этой книге.

Сексуальность взрослого человека создается и обнаруживается не чудесным и непостижимым образом в один прекрасный день, нет, она подготовляется постепенно, проходит в своем развитии очень сложный путь, формируясь и дифференцируясь, обособляясь от целого ряда таких процессов, с которыми она связана сначала самыми тесными узами. Путь развития сексуальности взрослого можно проследить как непосредственным изучением ребенка и его проявлений, так и у тех взрослых, у которых, в силу тех или иных задержек в развитии, процесс остановился, не пошел дальше или при неблагоприятных условиях вернулся к таким стадиям, которые должны были быть уже пройденными в известном возрасте. Указание на этот сложный путь развития, обнаруженный Freud'ом, позволяет совершенно по другому понимать и оценивать такие проявления в сексуальной жизни человека, которые при иных подходах трактуются как дегенеративные проявления.

Такое указание на дегенеративность того или другого проявления в уклонениях от нормального развития сексуальности мало помогало до сих пор разобраться в сложной картине этих уклонений. Нам нехватало картины эволюции развития сексуальности, нам нехватало знания того, что Freud выдвигает как так называемое психосексуальное.

Когда мы задумаемся, из каких источников развивается сексуальность, какие особенности представляет собой поло-

вой инстинкт, какими сложными путями, получая подкрепления энергии то из тех, то из других источников так называемых эрогенных зон, проходит он, тогда только, отбросив все предрассудки, мешавшие нам видеть, мы начнем хотя бы несколько разбираться как в путях, так и в судьбах первоначальных проявлений сексуальности.

Автоэротизм и любовь к об'екту—различные стадии полового развития, различные выражения его; в детстве половое влечение разлито, не сконцентрировано точно так же, как разлито оно у тех, у кого не произошел, не завершился этот процесс и кто пребывает в автоэротической стадии развития полового влечения. В начале развития организуются компоненты сексуальных влечений, сначала выдвигается на первый план оральная эротика (каннибальская фаза), в следующей прегенитальной организации преобладают садизм и анальная эротика и только на вершине развития дело доходит до примата генитальной зоны.

Следующие работы Freud'a, помещенные в этом томике, помогут ближе познакомиться с некоторыми вопросами, затронутыми им в первой части книги — это статья о нарцизме, впервые появляющаяся в переводе на русский язык. Две последующие работы — «об особом типе выбора об'екта» у мужчины и «об унижении любовной жизни», так же как «табу девственности», дают много ценных указаний на такие проявления в любовной жизни, которые можно наблюдать не только у невротиков, но и в так называемом здоровом населении, укажу хотя бы на «снохачество», которое, после работ Freud'a, приобретает новый смысл и значение как, может быть, древний институт. «Табу девственности» позволяет понимать многое загадочное в брачных отношениях у современной женщины и в ней намечается путь дальнейших исследований вопроса.

Проф. Ив. Ермаков.

Предисловие автора к 3-му изданию.

Наблюдая в течение десятилетия за тем, какой прием оказан был этой книге, и какое впечатление она произвела, я хотел бы предпослать третьему изданию несколько замечаний, направленных против неверного ее понимания и пред'являемых к ней неосуществимых притязаний. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что все изложенное в этой книге основано сплошь на ежедневном врачебном опыте, углубленном результатами психоаналитического исследования, научно обоснованном. Три «Статьи по теории сексуальности» не могут содержать ничего другого, кроме положений, необходимо вытекающий из психоанализа или подтверждаемых им. Поэтому совершенно исключается возможность расширить их когда бы то ни было до целой «сексуальной теории»; и вполне понятно, что они вообще не касаются некоторых важных проблем сексуальной жизни. Не следует поэтому думать, что эти пропущенные главы большой темы остались неизвестными автору, или что он придает им второстепенное значение.

Зависимость этого труда от психоаналитического опыта, под влиянием которого он написан, сказывается не только в выборе, но и в порядке расположения материала. Повсюду соблюдается известная инстанция, выдвигаются на первый план моменты, зависящие от случая, а подчеркивающие предрасположение отодвигаются на задний план; и онтогенетическое развитие принимается во внимание прежде, чем филогенетическое. В анализе случайные переживания играют главную роль, он побеждает их почти без остатка: предрасположение же проявляется за его спиной как нечто такое, что пробудилось благодаря переживанию, но значение которого выходит далеко за пределы области психоаналитической работы.

Такая же зависимость господствует в отношениях между онто- и филогенезисом. Онтогенезис можно рассматривать как повторение филогенезиса, поскольку филогенезис не изменяется благодаря свежему переживанию. Филогенетическое предрасположение проявляется за спиной онтогенетического процесса. Но по существу предрасположение представляет собой осадок прежнего переживания рода, к которому присоединяется более позднее переживание отдельного существа в виде суммы случайных моментов.

На-ряду с полной зависимостью от психоаналитического исследования я должен подчеркнуть, что характерной чертой этой моей работы является преднамеренная независимость от биологического исследования. Я тщательно избегал вводить научные предположения из общей сексуальной биологии или из сексуальной биологии отдельных видов животных в исследование, давшее нам возможность изучить сексуальную функцию человека при помощи техники психоанализа. Мною руководила цель — узнать, что̀ можно открыть средствами психологического исследования в области биологии человеческой сексуальной жизни; мне удалось указать на связи и совпадения, выявившиеся при этом исследовании, но мне не следовало скрывать от себя то обстоятельство, что в некоторых важных пунктах психоаналитическое исследование привело к выводам и взглядам, значительно отступающим от основанных только на биологических данных.

В этом третьем издании мною сделано много добавлений; но я не отмечал их, как в предыдущих изданиях, особыми знаками. В настоящее время научная работа в нашей области продвигается более медленными шагами; тем не менее, некоторые дополнения этого труда оказались необходимыми для того, чтобы он не отстал от новейшей психоаналитической литературы.

Вена, октябрь 1914 года.

Предисловие автора к 4-му изданию.

После того, как стихли бушующие волны военного времени, можно с удовлетворением установить, что интерес к психоаналитическому исследованию во всем обширном мире не пострадал. Но не все части учения постигла одинаковая судьба. Чисто психологические положения и открытия психоанализа о бессознательном, о конфликте, ведущем к болезни, о вытеснении, о выгоде от болезни, о механизмах образования симптома и др. пользуются все возрастающим признанием и принимаются во внимание даже принципиальными противниками. Граничащая с биологией часть учения, основы которой изложены в этой маленькой работе, все еще вызывает такие же возражения и даже побудила, и таких лиц, которые некоторое время интенсивно занимались психоанализом, отпасть от психоанализа и выработать новые взгляды, благодаря которым роль сексуального момента в нормальной и больной душевной жизни снова ограничивается.

И все же я не могу решиться допустить, что эта часть психоаналитического учения на много больше отличается от той действительности, которую нужно открыть, чем другая часть. Воспоминание и все повторные исследования говорят мне, что и эта часть продиктована таким же тщательным и чуждым предвзятости наблюдением, и об'яснение указанной диссоциации в общественном признании не представляет трудности. Во-первых, описанные здесь начала человеческой сексуальной жизни могут подтвердить только такие исследователи, у которых имеется достаточно терпения и технической ловкости, чтобы довести анализ до первых детских лет пациента. Часто нет возможности это сделать, так как врачебная деятельность требует более быстрого

окончания лечения, а другим, не врачам, применяющим психоанализ, вообще закрыт доступ в эту область, у них нет возможности составить самостоятельное суждение, свободное от влияния их собственных антипатий и предубеждений. Если бы люди сумели чему-нибудь научиться из непосредственного наблюдения над детьми, то эти три статьи вообще могли бы остаться ненаписанными.

Необходимо, однако, далее припомнить, что многое из того, что составляет содержание этой книги, подчеркивание значения сексуальной жизни во всех проявлениях человеческой деятельности и сделанная здесь попытка расширить понятие сексуальности всегда были самыми могучими мотивами сопротивления против психоанализа. Исходя из потребности в полнозвучном лозунге, дошли до того, что стали говорить о «пансексуализме» психоанализа и делать ему бессмысленный упрек, что он об'ясняет «все» сексуальностью. Можно было бы удивляться, если бы мы были еще только в состоянии сами забыть аффективные моменты, запутывающие и заставляющие все забывать. Ведь философ Artur Schopenhauer уже давно указал людям, насколько их действия и мысли предопределяются сексуальными стремлениями в обычном смысле слова; и целый мир читателей ведь должен был оказаться неспособным на то, чтобы совершенно выкинуть из своей головы такое изумительное указание! Что же касается «расширения» понятия о сексуальности, ставшего необходимым благодаря анализу детей и так называемых перверзных, то да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на психоанализ, как близко расширенная сексуальность психоанализа совпадает с Эросом «божественного» Платона (S. Nachmansohn, «Теория либидо Freud'a в сравнении с учением об Эросе Платона». — «Internat Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse», III, 1915).

Вена, май 1920 г.

К ТЕОРИИ ПОЛОВОГО ВЛЕЧЕНИЯ.

I.

Сексуальные отклонения [1]).

Факт половой потребности у человека и животного выражают в биологии тем, что у них предполагается «половое влечение». При этом допускают аналогию с влечением к принятию пищи, голодом. Соответствующего слову голод обозначения не имеется в народном языке; наука пользуется словом «л и б и д о».

Общепринятый взгляд содержит вполне определенные представления о природе и свойствах этого полового влечения. В детстве его будто бы нет, оно появляется приблизительно ко времени и в связи с процессами созревания, в период возмужалости, выражается проявлениями непреодолимой притягательности, которую один пол оказывает на другой, и цель его состоит в половом соединении или, по крайней мере, в таких действиях, которые находятся на пути к нему.

Но у нас имеется основание видеть в этих данных очень неправильное отражение действительности; если присмотреться к ним ближе, то они оказываются полными ошибок, неточностей и поверхностностей.

---

[1]) Содержащиеся в первой статье данные имеются в известных публикациях v. Krafft-Ebing'a, Moll'я, Moebius'a, Havelock Ellis'a, v. Schrenck Notzing'a, Loewenfeld'a, Eulenburg'a, J. Bloch'a, M. Hirschfeld'a и в работах издаваемого последним „Jahrbuch für sexuelle Zwischenstuffen", так как в этих местах указана и прочая литература на эту тему, то я не считал нужным приводить подробные указания.

Взгляды, основанные на психо-аналитическом исследовании инвертированных заимствованы из сообщений I. Sadger'a и из собственного опыта.

Введем два термина: назовем лицо, которое внушает половое влечение, сексуальным об'ектом, а действие, на которое влечение толкает, сексуальной целью; в таком случае точный научный опыт показывает, что имеются многочисленные отклонения в отношении обоих, как сексуального об'екта, так и сексуальной цели, и их отношение к сексуальной норме требует детального исследования.

1. Отступление в отношении сексуального об'екта.

Общепринятая теория полового влечения больше всего соответствует поэтической сказке о разделении человека на две половины—мужчину и женщину, — стремящихся вновь соединиться в любви, поэтому получается впечатление большой неожиданности, когда слышишь, что встречаются мужчины, сексуальным об'ектом которых является не женщина, а мужчина, и женщины, для которых таким об'ектом является не мужчина, а женщина. Таких лиц называют извращенно-сексуальными или, лучше, инвертированными, а самый факт— инверзией. Число таких лиц очень значительно, хотя точно установить его затруднительно [1]).

А. Инверзия.

Поведение инвертированных.

Эти лица ведут себя в различных направлениях различно.

a) Они абсолютно инвертированы, т.-е. их сексуальный об'ект может быть только одного с ними пола, между тем как противоположный пол никогда не может у них быть предметом полового желания, а оставляет их холодными или даже вызывает у них половое отвращение. Такие мужчины оказываются благодаря отвращению неспособными совершить нормальный половой акт или при выполнении его не испытывают никакого наслаждения.

b) Они амфигенно инвертированы (психосексуальные гермафродиты), т.-е. их сексуальный об'ект может принадлежать как одинаковому с ним, так и другому полу;

---

[1]) Об этих трудностях и о попытке установить число инвертированных см. работу Magnus Hirschfeld'а в „Jahrb. für sexuell. Zwischenstufen", 1904.

инверзия, следовательно, лишена характера исключительности.

c) Они случайно инвертированы, т.-е. при известных внешних условиях, среди которых на первом месте стоят недоступность нормального полового об'екта и подражание. Они могут избрать сексуальным об'ектом лицо одинакового с ними пола и в таком сексуальном акте получить удовлетворение.

Инвертированные проявляют далее различное отношение в своем суждении об особенностях своего полового влечения. Одни из них относятся к инверзии как к чему-то само собой понятному, подобно тому, как нормальный относится к проявлению своего либидо, и энергично отстаивают ее равноправие на-ряду с нормальным. Другие же возмущаются фактом своей инверзии и ощущают ее как болезненную навязчивость [1]).

Другие вариации касаются временных отношений. Особенность инверзии существует у индивида с давних пор, насколько хватает его воспоминаний, или она проявилась у него только в определенный момент до или после половой зрелости [2]). Этот характер сохраняется на всю жизнь или временно исчезает или составляет отдельный эпизод на пути нормального развития. Он может также проявиться в позднем возрасте по истечении длительного периода нормальной половой деятельности. Наблюдалось также периодическое колебание между нормальным и инвертированным сексуальным об'ектом. Особенно интересны случаи, в которых либидо меняется в смысле инверзии после того, как был приобретен мучительный опыт с нормальным сексуальным об'ектом.

Эти различные ряды вариаций в общем существуют независимо один от другого. Относительно крайней формы можно всегда утверждать, что инверзия существовала уже с очень

---

[1]) Такое сопротивление навязчивости инверзии может составить условие, благоприятствующее терапевтическому воздействию при помощи внушения или психоанализа.

[2]) С различных сторон вполне правильно указывалось, что автобиографические данные инвертированных о времени наступления их склонности к инверзии не заслуживают доверия, так как они могут вытеснить из своей памяти доказательство их гетеросексуального ощущения; психоанализ подтвердил это подозрение в отношении доступных ему случаев инверзии, изменив их анамнез устранением детской амнезии.

раннего возраста, и что лицо это вполне мирится с этой особенностью.

Много авторов отказались бы об'единить в одну группу перечисленные здесь случаи и предпочли бы подчеркивать различие в пределах этой группы вместо свойственного всем группам общего; это зависит от предпочитаемого ими взгляда на инверзию. Однако, как ни верны такие разделения, все же необходимо признать, что имеется множество переходных ступеней, так что как бы само собой напрашивается расположение в ряды.

Взгляд на инверзию.

Первая оценка инверзии выразилась во взгляде, что она является врожденным признаком нервной дегенерации; это вполне соответствовало тому факту, что наблюдатели - врачи впервые встретились с ней у нервно-больных или у лиц, производивших впечатление больных. Эта характеристика содержит два указания, которые необходимо рассматривать одно независимо от другого: врожденность и дегенерацию.

Дегенерация.

Относительно дегенерации возникает возражение, которое вообще относится к неуместному применению этого слова. Вошло в обычай относить к дегенерации всякого рода болезненные проявления не непосредственно травматического или инфекционного происхождения. Подразделение дегенератов, сделанное Magnan'ом, дало возможность в самых совершенных проявлениях нервной деятельности не исключать применения понятия дегенерации. При таких условиях позволительно спросить, какой вообще смысл и какое новое содержание имеется в оценке слова «дегенерация». Кажется более целесообразным не говорить о дегенерации:

1) В случаях, когда нет нескольких тяжелых отклонений от нормы; 2) в случаях, когда работоспособность и жизнеспособность в общем тяжело не пострадали [1]).

---

[1]) С какой осторожностью необходимо ставить диагноз дегенерации и какое незначительное практическое значение он имеет, можно видеть из рассуждений Moebius'а („Ueber Entartung. Grenzfragen des Nerv. und Seelenleb.", 1900 № 3): „Если окинуть взором обширное поле вырождения, на которое здесь пролит некоторый свет, то без дальнейшего видно, что диагноз—дегенерация имеет вообще очень мало значения".

Много фактов указывают на то, что инвертированные не являются дегенератами в этом настоящем смысле:

1. Инверзия встречается у лиц, у которых не наблюдается никаких других серьезных уклонений от нормы.

2. Также у лиц, работоспособность которых не нарушена, которые отличаются даже особенно высоким интеллектуальным развитием и этической культурой [1]).

3. Если не обращать внимания на пациентов врачебного опыта и стараться охватить более широкий кругозор, то в двух направлениях встречаешься с фактами, исключающими взгляд на инверзию, как на признак дегенерации.

а) Нужно принимать во внимание, что у древних народов на высшей ступени их культуры инверзия была частым явлением, почти институтом, связанным с важными функциями; в) она чрезвычайно распространена у многих диких и примитивных народов, между тем как понятие дегенерации применяется обыкновенно к высокой цивилизации (J. Bloch). Даже среди цивилизованных народов Европы климат и раса имеют самое большое влияние на распространение инверзии и на отношение к ней [2]).

Врожденность.

Вполне понятно, что врожденность приписывают только первому, самому крайнему классу инвертированных, на основании уверений этих лиц, что ни в какой период жизни у них не проявлялось никакого другого направления полового влечения. Уже самый факт существования двух других классов, специально третьего, трудно соединить со взглядом о врожденном характере инверзии. Поэтому защитники этого взгляда склонны отделить группу абсолютно инвертированных от всех других, что имеет следствием отказ от обобщаю-

---

[1]) Защитникам „уранизма" нужно отдать справедливость в том, что некоторые из самых выдающихся известных нам людей были инвертированными, может быть даже абсолютно инвертированными.

[2]) Во взгляде на инверзию патологическая точка зрения отделена от антропологической. Это изменение является заслугой I. Bloch'а („Beiträge zur Aetiologie der Psychopathia sexualis", 2 части, 1902—3 г.), который энергично подчеркнул факт распространения инверзии у древних культурных народов.

щего взгляда на инверзию. Инверзия по этому взгляду в целом ряде случаев имеет врожденный характер; а в других случаях она могла бы развиться иным способом.

В противоположность этому взгляду существует другой, согласно которому инверзия составляет приобретенный характер полового влечения. Взгляд этот основывается на следующем: 1) у многих (также абсолютно) инвертированных можно открыть подействовавшее в раннем периоде жизни сексуальное впечатление, длительным последствием которого оказывается гомосексуальная склонность; 2) у многих других можно указать на внешние благоприятствующие и противодействующие влияния жизни, приведшие раньше или позднее к фиксации инверзии (исключительное обращение в среде одинакового пола, совместный военный поход, содержание в тюрьме, опасности гетеросексуального общения, целибат, половая слабость и т. д.; 3) что инверзия может быть прекращена при помощи гипнотического внушения, что было бы удивительным при врожденном ее характере.

С точки зрения этого взгляда можно вообще оспаривать несомненность возможности врожденной инверзии. Можно возразить (Havelock Ellis), что более подробные расспросы в случаях, которые относятся к врожденной инверзии, вероятно, также открыли бы переживание в раннем детстве, предопределившее направление либидо; это переживание не сохранилось только в сознательной памяти лица, но при соответствующем воздействии можно вызвать воспоминание о нем. По мнению этих авторов инверзию следовало бы считать частым вариантом полового влечения, предопределенным некоторыми внешними условиями жизни.

Эта, повидимому, утвердившаяся уверенность теряет почву от возражения, что многие люди испытывают, несомненно, подобные же сексуальные влияния (также в ранней юности: совращения, взаимный онанизм), не ставши вследствие этого инвертированными или не сделавшись ими навсегда. Таким образом возникает предположение, что альтернатива: врожденный и приобретенный — или неполна, или не совсем соответствует имеющимся при инверзии обстоятельствам.

Об'яснение инверзии.

Ни положение, что инверзия врождена, ни противоположное ему, что она приобретается, не об'ясняют сущности инверзии. В первом случае нужно выяснить, что̀ именно в ней врожденного, если не принять самого грубого об'яснения, что у человека при рождении имеется уже связь полового влечения с одним определенным сексуальным об'ектом. В противном случае, спрашивается, достаточно ли разнообразных случайных влияний, чтобы об'яснить возникновение инверзии без того, что в самом индивиде не шло коечто навстречу этим влияниям. Отрицание этого последнего момента, согласно нашим прежним указаниям, недопустимо.

Введение бисексуальности.

Для об'яснения возможности сексуальной инверзии со времен Frank Lydstone, Kiernan и Chevalier пользуются ходом мыслей, содержащим новое противоречие общепринятому мнению. Согласно этому мнению, человек может быть или мужчиной, или женщиной. Но науке известны случаи, в которых половые признаки кажутся стертыми и благодаря этому затрудняется определение пола: сначала в области анатомии. Геииталии этих лиц соединяют в себе мужские и женские признаки (гермафродитизм). В редких случаях оба половые аппарата развиты один наряду с другим (истинный гермафродитизм); чаще всего находится двоякое уродство [1]).

Замечательно в этих ненормальностях то, что они неожиданным образом облегчают понимание ненормального образования. Известная степень анатомического гермафродитизма принадлежит норме; у каждого нормально устроенного мужского или женского индивида имеются зачатки аппарата другого пола, сохранившиеся как рудиментарные органы без функции или преобразовавшиеся и взявшие на себя другие функции.

---

[1]) Сравни последнее описание соматического гермафродитизма: Tarutti, „Hermaphroditismus und Zeugungsfähigkeit, немецк. изд. K. Teuscher'a, 1903 и работы Neugebauer'a в нескольких томах „Jahrb. für sexuelle Zwischenstufen“.

Взгляд, вытекающий из этих давно известных анатомических фактов, состоит в допущении первоначального бисексуального предрасположения, переходящего в течение развития в моносексуальность с незначительными остатками другого пола.

Весьма естественно было перенести этот взгляд на психическую область и понимать инверзию в различных ее видах как выражение психического гермафродитизма. Чтобы решить вопрос, недоставало только постоянного совпадения инверзии с душевными и соматическими признаками гермафродитизма.

Однако это ожидание не оправдалось. Зависимость между предполагаемым психическим и легко доказуемым анатомическим гермафродитизмом нельзя представить себе такой тесной. Часто у инвертированных наблюдается вообще понижение полового влечения (Havelock Ellis) и незначительное анатомическое уродство органов. Это встречается часто, но никоим образом не всегда или хотя бы в большинстве случаев. Таким образом приходится признать, что инверзия и соматический гермафродитизм в общем не зависят друг от друга.

Далее придавалось большое значение так называемым вторичным и третичным признакам и подчеркивалось, что они часто встречаются у инвертированных (H. Ellis). И в этом есть большая доля правды, но нельзя забывать, что вторичные и третичные половые признаки вообще встречаются довольно часто у другого пола и образуют таким образом намеки на двуполость, хотя половой об'ект не проявляет при этом изменений в смысле инверзии.

Психический гермафродитизм вылился бы в более телесные формы, если бы параллельно инверзии полового об'екта шли, по крайней мере, изменения прочих душевных свойств, влечений и черт характера в смысле типичных для другого пола. Однако подобную инверзию характера можно встретить с некоторой регулярностью только у инвертированных женщин. У мужчин с инверзией соединяется полнейшее душевное мужество. Если настаивать на существовании душевного гермафродитизма, то необходимо прибавить, что в проявлениях его в различных областях замечается только незначительная противоположная условность. То же

относится и к соматической двуполости; по Halban'у [1]), единичные уродливости органов и вторичные половые признаки встречаются довольно независимо друг от друга.

Учение о бисексуальности в своей самой грубой форме формулировано одним из защитников инвертированных мужчин следующим образом: женский мозг в мужском теле. Однако нам неизвестны признаки «женского мозга». Замена психологической проблемы анатомической в равной мере бессильна и неоправдываема. Об'яснение, предложенное v. Krafft-Ebing'ом, кажется более точно выраженным, чем Ulrich'а, но по существу ничем от него не отличается. V. Krafft-Ebing полагает, что бисексуальное предрасположение награждает индивида как мужскими и женскими мозговыми центрами, так и соматическими половыми органами. Эти центры развиваются только в период наступления половой зрелости, большей частью под влиянием независимых от них по своему строению половых желез. Но к мужским и женским «центрам» применимо то же, что и к мужскому и женскому мозгу, и, кроме того, нам даже неизвестно, следует ли нам предполагать существование ограниченных частей мозга («центры») для половых функций, как, например, для речи.

Две мысли все же сохраняют свою силу после всех этих рассуждений: что для об'яснения инверзии необходимо принимать во внимание бисексуальное предрасположение, но что нам только неизвестно, в чем, кроме анатомической его формы, состоит это предрасположение, и что дело тут идет о нарушениях, касающихся развития полового влечения [2]).

---

[1]) J. Halban. „Die Entstehung der Geschlechtscharaktere",—Archiv für Gynäkologie", т. 70, 1903. Там же указана и литература.

[2]) Первым, кто указал на бисексуальность для об'яснения инверзии был (согласно литературному отчету в 6 томе „Jahrbuch'a für sexuelle Zwichenstufen".), E. Gley, опубликовавший уже в январе 1884 г. статью („Les abérrations de l'instinct sexuel" в „Revue philosophique"). Замечательно впрочем, что большинство авторов, об'ясняющих инверзию бисексуальностью, придают значение этому моменту не только в отношении инвертированных, но и всех нормальных, и, следовательно, понимают инверзию как результат нарушенного развития. Так уже Chevalier („Inversion sexuelle" 1893), v. Krafft-Ebing („Zur Erklärung der konträren Sexualempfindung, Jahrbuch für Psychiatrie und Neurologie" XIII Bd. говорят о том, что име-

Половой об'ект инвертированных.

Теория психического гермафродитизма предполагает, что половой об'ект инвертированных противоположен об'екту нормальных. Инвертированный мужчина не может устоять перед очарованием, исходящим от мужских свойств тела и души, он сам себя чувствует женщиной и ищет мужчину.

Но хотя это и верно по отношению к целому ряду инвертированных, это далеко не составляет общего признака инверсии. Не подлежит никакому сомнению, что бо̀льшая часть инвертированных мужчин сохраняет психический характер мужественности, обладает сравнительно немногими вторичными признаками другого пола и в своем половом об'екте ищет в сущности женских психических черт. Если бы было иначе, то оставалось бы совершенно непонятным, для чего мужская проституция, предлагающая себя инвертированным,—теперь, как и в древности,—копирует во всех внешних формах платья и манеры женщин; ведь такое подражание должно было бы оскорблять идеал инвертированных. У греков, у которых в числе инвертированных встречаются самые мужественные мужчины, ясно, что не мужественный характер мальчика, а телесное приближение его к женскому типу, так же как и женские душевные свойства его, робость, сдержанность, потребность в посторонней помощи и в наставлении, разжигали любовь в мужчине. Как только мальчик становился взрослым, он не был уже больше половым об'ектом для мужчины, а сам становился любителем мальчиков. Сексуальным об'ектом, следовательно, в этом, как

ется множество наблюдений, из которых по меньшей мере явствует возможное существование этого второго центра (неразвившегося пола). D-r Arduin („Die Frauenfrage und die sexuelle Zwischenstufen") высказывает во втором томе „Jahrbuch'а für sexuelle Zwischenstufen" положение: „что в каждом человеке имеются мужские и женские элементы (сравни этот „Jahrbuch" Bd. 1889: „Die objektive Diagnoze der Homosexualität" д-ра M. Hirschfeld'а, S. S. 8–9 и ff.) только соответственно принадлежности тому или другому полу—одни несоразмерно более развиты, чем другие, поскольку дело касается гетеросексуальных лиц". Для G. Herman'а („Genesis, Das Gesetz der Zeugung" 9. Bd., „Libido und Mania", 1903) не подлежит сомнению, „что в каждой женщине — содержатся мужские зародыши и свойства, в каждом мужчине—женские" и т. д... В 1906 г. W. Fliess („Der Aufbau Lebens") пред'явил свое право собственности на идею о бисексуальности (в смысле двуполости).

и во многих других случаях, является не тот же пол, а соединение обоих половых признаков, компромисс между душевным движением, желающим мужчину и желающим женщину при сохранении условия мужественности тела (гениталий), так сказать отражения собственной бисексуальной природы [1]).

[1]) Хотя психоанализ до сих пор не дал об'яснения происхождению инверсии, он все же открыл психический механизм ее происхождения и значительно обогатил вопросы, которые приходится принимать во внимание. Во всех исследованных случаях мы установили, что инвертированные в более позднем возрасте проделали в детстве фазу очень интенсивной, но кратковременной фиксации на женщине (большей частью на матери), по преодолении которой они отождествляют себя с матерью и избирают себя самих в сексуальные об'екты, т.-е., исходя из нарцизма, ищут мужчин в юношеском возрасте, похожих на них самих, которых хотят любить так, как любила их мать. Далее мы часто находили, что кажущиеся инвертированными никоим образом не были нечувствительными к прелестям женщины, а постоянно переносили на мужские об'екты вызванное женщинами возбуждение. Таким образом они всю жизнь воспроизводят механизм, благодаря которому появилась их инверсия. Их навязчивое устремление к мужчине оказалось обусловленным их беспокойным бегством от женщины.

Психоаналитическое исследование самым решительным образом противится попыткам отделить гомосексуальных от других людей как особого рода группу. Изучая еще и другие сексуальные возбуждения, а не только открыто проявляющие себя, оно узнает, что все люди способны на один выбор об'екта одинакового с собой пола и проделывают этот выбор в своем бессознательном. Больше, привязанности либидинозных чувств к лицам своего пола играют, как факторы нормальной душевной жизни, не меньшую, а как моторы заболевания большую роль, чем относящиеся к противоположному полу. Психоанализу, наоборот, кажется первичной независимость выбора об'екта от пола его, одинаково свободная возможность располагать как мужскими, так и женскими об'ектами, как это наблюдается в детском возрасте, в примитивных состояниях и в эпохи древней истории; и из этого первичного состояния путем ограничения в ту или другую сторону развивается нормальный или инвертированный тип. По смыслу психоанализа исключительный сексуальный интерес мужчины к женщине является проблемой, нуждающейся в об'яснении, а не чем-то само собой понятным, что имеет своим основанием химическое притяжение. Решающий момент в отношении окончательного полового выбора наступает только после наступления половой зрелости и является результатом целого ряда неподдающихся еще учету факторов, частью конституциональных, частью случайных по своей природе. Несомненно, некоторые из этих факторов могут оказаться настолько сильными, что имеют соответствующее решающее влияние на эти результаты. Но в общем многочисленность предопределяющих моментов находит свое отражение

Более определенными оказываются отношения у женщины, где активно инвертированные, особенно часть из них, обладают соматическими и душевными признаками мужчины и требуют женственности от своих половых об'ектов, хотя и здесь, при более близком знакомстве, вероятно, окажется бо́льшая пестрота отношений.

Сексуальная цель инвертированных.

Важный факт, который нельзя забывать, состоит в том, что сексуальную цель при инверзиях никоим образом нельзя называть однородной. У мужчин половое общение

в многообразии исходных картин явного сексуального поведения людей. Подтверждается, что у людей инвертированного типа в общем преобладают архаические конституции и примитивные психические механизмы. Самыми существенными признаками их кажется влияние нарцистического выбора об'екта и сохранение эротического значения анальной зоны. Но нет никакой пользы в том, чтобы па основании таких конституциональных свойств отделять крайние типы инвертированных от остальных. То, что находится у таких крайних типов, как, повидимому, вполне достаточное обоснование их ненормальности, можно также найти, только менее сильно выраженным, в конституции переходных типов и у явно нормальных. Различие в результатах по природе своей может быть качественного характера: анализ показывает, что различие в условиях только количественное. Среди факторов, оказывающих случайное влияние на выбор об'екта, заметим, что мы нашли запрещение (сексуальное запугивание в детстве) и обратили внимание на то, что наличность обоих родителей играет большую роль. Отсутствие сильного отца в детстве нередко благоприятствует инверзии. Необходимо, наконец, настаивать на требовании, чтобы проводилось строгое различие между инверзией сексуального об'екта и смешением половых признаков у суб'екта. Известная доля независимости совершенно очевидна и в этом отношении.

Целый ряд значительных точек зрения по вопросу об инверзии указал Ferenczi в статье: „К нозологии мужской гомосексуальности“ (гомоэротики) („Intern. Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse“, II, 1914). Ferenczi вполне справедливо осуждает тот факт, что под названием „гомосексуальность“, которое он хочет заменить более удачным словом „гомоэротика“ смешивают много очень различных неравноценных в органическом и психическом отношении состояний на том основании, что у них всех имеется общий симптом инверзии. Он требует строгого различия, по крайней мере по отношению к двум типам суб'ектгомоэротика, чувствующего и ведущего себя как женщина, и об'ектгомоэротика, абсолютно мужественного и заменившего женский об'ект об'ектом одинакового с собой пола. Первого он считает настоящим „промежуточным сексуальным“ типом в смысле Magnus Hirschfeld'a, второго он—менее удачно—называет невро-

per anum далеко не совпадает с инверзией; мастурбация также часто составляет исключительную цель, и ограничения сексуальной цели—вплоть до одних только излияний чувств — встречаются здесь даже чаще, чем при гетеросексуальной любви. И у женщин сексуальные цели инвертированных разнородны; особенным предпочтением, повидимому, пользуется прикосновение слизистой оболочкой рта.

Выводы.

Хотя мы не чувствуем себя в силах дать удовлетворительное об'яснение образованию инверзии на основании

тиком, страдающим навязчивостью. Борьба со склонностью к инверзии так же, как и возможность психического воздействия, имеется только у об'ектгомоэротика. И по признании этих двух типов необходимо прибавить, что у многих лиц смешивается известная доля суб'ектгомоэротики с некоторой частью об'ектгомоэротики.

В последние годы работы биологов, в первую очередь Eugen Steinach'a, пролили яркий свет на органические условия гомоэротики, как и вообще половых признаков.

Посредством экспериментального опыта кастрации с последующей пересадкой зародышевых желез другого пола удалось у различных млекопитающих превратить самцов в самок и обратно. Превращение коснулось более или менее полно соматических половых признаков и психосексуального поведения (т.-е. суб'ект и об'ект эротики). Носителем этой предопределяющей пол силы считается не та часть зародышевой железы, которая составляет половые клетки, а так называемая интерстициальная ткань этого органа („железа возмужалости").

В одном случае удалась половая перемена у мужчины, лишившегося яичек вследствие туберкулезного заболевания. В половой жизни он вел себя, как пассивный гомосексуальный по-женски, и у него наблюдались очень ясно выраженные женские половые признаки вторичного характера (волосы на голове и лице, скопление жира в грудях и на бедрах.) После пересадки крипторхического человеческого яичка этот мужчина стал вести себя по-мужски и направлять свое либидо нормальным образом на женщину. Одновременно исчезли соматические женские признаки (A. Lipchütz, „Die Pubertätsdrüse und ihre Wirkung", Bern 1919).

Было бы неосновательно утверждать, что благодаря этим прекрасным опытам учение об инверзии приобретает новое основание и преждевременно ждать от них прямо нового пути к общему „излечению" гомосексуальности. W. Fliess вполне правильно подчеркнул, что эти экспериментальные опыты не обесценивают учения об общем бисексуальном врожденном предрасположении высших животных. Мне кажется скорее вероятным, что дальнейшие исследования подобного рода дадут прямое подтверждение предполагаемой бисексуальности.

имеющегося до сих пор материала, мы замечаем, однако, что при этом исследовании пришли к взгляду, который может приобрести для нас бо́льшее значение, чем разрешение поставленной выше задачи. Мы обращаем внимание на то, что представляли себе связь сексуального влечения с сексуальным об'ектом слишком тесной. Опыт со случаями, считающимися ненормальными, показывает нам, что между сексуальным влечением и сексуальным об'ектом имеется спайка, которой нам грозит опасность не заметить при однообразии нормальных форм, в которых влечение как будто бы приносит от рождения с собой и об'ект. Это заставляет нас ослабить в наших мыслях связь между влечениями и об'ектом. Половое влечение, вероятно, сначала не зависит от об'екта и не обязано своим возникновением его прелестям.

B. Животные и незрелые в половом отношении лица, как сексуальные об'екты.

В то время как лица, сексуальный об'ект которых не принадлежит к нормально соответствующему полу, т.-е. инвертированные, кажутся наблюдателю группой индивидов в других отношениях, может быть, полноценных, случаи, в которых сексуальными об'ектами выбираются незрелые в половом отношении лица (дети), кажутся единичными отклонениями. Только в исключительных случаях сексуальными об'ектами являются дети; большей частью они приобретают эту роль, когда ленивый и ставший импотентным индивид или импульсивное (неотложное) влечение не может в данную минуту овладеть подходящим об'ектом. Все же факт, что половое влечение допускает столько вариаций и такое понижение своего об'екта, проливает свет на его природу; голод, гораздо более прочно привязанный к своему об'екту, допустил бы это только в крайнем случае. То же замечание относится к половому общению с животными, вовсе нередко встречающемуся среди сельского населения, при чем половая притягательность переходит границы вида.

Из эстетических соображений является желание приписать это душевнобольным, как и другие тяжелые случаи отклонения полового влечения, но это неправильно. Опыт

показывает, что у последних не наблюдается других нарушений половых влечений, чем у здоровых, у целых рас и сословий. Так сексуальное злоупотребление детьми с жуткой частотой встречается у учителей и нянек просто потому, что им предоставляются для этого наиболее благоприятные случаи. У душевнобольных встречается соответствующее отклонение только в усиленной форме, или, что имеет особое значение, оно стало исключительным и заняло место нормального сексуального удовлетворения.

Это замечательное отношение сексуальных вариаций по скале от здоровья до душевной болезни заставляет задуматься. Мне казалось бы, что нуждающийся в об'яснении факт служит указанием на то, что душевные движения половой жизни относятся к таким, которые и в пределах нормы хуже всего подчиняются высшим видам душевной деятельности. Кто, в каком бы то ни было отношении, душевно ненормален в смысле социальном, этическом, тот, согласно моему опыту, всегда является таким же в своей сексуальной жизни. Но есть много ненормальных в сексуальной жизни и соответствующих во всех остальных пунктах среднему человеку, не отставших от человеческого культурного развития, слабым пунктом которого остается сексуальность. Как на самом общем результате рассуждений, остановимся на взгляде, что под влиянием многочисленных условий у поразительно многих индивидов род и ценность сексуального об'екта отступают на задний план. Существенным и постоянным в половом влечении является что-то другое [1]).

2. Отступление в отношении сексуальной цели.

Нормальной сексуальной целью считается соединение гениталий в акте, называемом совокуплением, ведущем к разрешению сексуального напряжения и к временному уга-

---

[1]) Самое глубокое различие между любовной жизнью древнего мира и нашей состоит, пожалуй, в том, что античный мир ставил ударение на самом влечении, а мы переносим его на об'ект влечения. Древние уважали влечение и готовы были облагородить им и малоценный об'ект, между тем как мы низко оцениваем проявление влечения самого по себе и оправдываем его достоинствами об'екта.

шению сексуального влечения (удовлетворение, аналогичное насыщению при голоде). И все же уже при нормальном сексуальном процессе можно заметить зачатки, развитие которых ведет к отклонениям, которые были описаны, как перверзии. Предварительной сексуальной целью считается известный промежуточный процесс (лежащий на пути к совокуплению) отношения к сексуальному об'екту, как ощупывание и разглядывание его. Эти действия, с одной стороны, сами дают наслаждения, с другой стороны, они повышают возбуждение, которое должно длиться до достижения окончательной сексуальной цели. Одно определенное прикосновение из их числа, взаимное прикосновение слизистой оболочки губ, получило далее как поцелуй у многих народов (в том числе и высоко цивилизованных) высокую сексуальную ценность, хотя имеющиеся при этом в виду части тела не относятся к половому аппарату, а составляют вход в пищеварительный канал. Этим даются моменты, которые позволяют установить связь между перверзией и нормальной сексуальной жизнью, и которые можно использовать для классификации перверзии. Перверзии представляют собой или: a) переход за анатомические границы частей тела, предназначенных для полового соединения, или b) остановку на промежуточных отношениях к сексуальному об'екту, которые нормально быстро проходят на пути к окончательной сексуальной цели.

a) Переход за анатомические границы.

Переоценка сексуального об'екта.

Психическая оценка, которую получает сексуальный об'ект, как желанная цель сексуального влечения, в самых редких случаях ограничивается его гениталиями, а распространяется на все его тело и имеет тенденцию охватить все ощущения, исходящие от сексуального об'екта. Та же переоценка излучается на психическую область и проявляется как логическое ослепление (слабость суждения) по отношению к душевным проявлениям и совершенствам сексуального об'екта, так же как готовность подчиниться и поверить всем его суждениям. Доверчивость любви становится та-

ким образом важным, если не самым первым источником авторитета [1]).

Именно эта сексуальная оценка так плохо гармонирует с ограничениями сексуальной цели соединением одних только гениталий и способствует тому, что другие части тела избираются сексуальной целью [2]).

Значение момента сексуальной переоценки лучше всего изучать у мужчины, любовная жизнь которого только и стала доступной исследованию, между тем как любовная жизнь женщины отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму [3]).

Сексуальное применение слизистой оболочки рта и губ.

Применение рта, как сексуального органа, считается перверзией, если губы (язык) одного лица приходят в соприкосновение с гениталиями другого, но не в том случае, если слизистые оболочки обоих лиц прикасаются друг к другу. В последнем исключении заключается приближение к нормальному. Кому противны другие приемы перверзий, употребляемые, вероятно, с самых древних доисторических времен человечества, тот поддается при этом явному чув-

---

[1]) Не могу отказаться от того, чтобы не напомнить готовности гипнотизируемых подчиниться и поверить гипнотизеру, заставляющее меня предполагать, что сущность гипноза надо видеть в бессознательной фиксации либидо на личность гипнотизера (посредством мазохистического компонента сексуального влечения).

J. Ferenczi связал этот признак внушаемости с отцовским „комплексом" („Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen" I, 1909).

[2]) Однако необходимо заметить, что сексуальная переоценка развита не во всех механизмах выбора об'екта и что ниже мы познакомимся с другим более непосредственным об'яснением сексуальной роли других частей тела. Момент „голода", который приводился Hoche и J. Bloch'ом для об'яснения перехода сексуального интереса с гениталий на другие части тела, как мне кажется, лишен этого значения. Различные пути, по которым идет либидо с самого начала, относятся друг к другу, как сообщающиеся сосуды, и необходимо считаться с феноменом коллатеральных течений.

[3]) В типичных случаях у женщин не замечается сексуальной переоценки мужчин, но она почти никогда не отсутствует по отношению к ребенку, которого она родила.

ству отвращения, которое не допускает его принять такую сексуальную цель. Но граница этого отвращения часто чисто условна; кто со страстью целует губы красивой девушки, тот, может быть, только с отвращением сможет воспользоваться ее зубной щеткой, хотя нет никакого основания предполагать, что полость его собственного рта, которая ему не противна, чище, чем рот девушки. Тут внимание привлекается к моменту отвращения, которое мешает либидинозной переоценке сексуального об'екта, но, в свою очередь, преодолевается либидо. В отвращении хотят видеть одну из сил, которые привели к ограничению сексуальной цели. Обыкновенно влияние этих ограничивающих сил до гениталий не доходит. Но не подлежит сомнению, что и гениталии другого пола сами по себе могут быть предметом отвращения, и что такое поведение составляет характерную черту всех истеричных больных (особенно женщин). Сила сексуального влечения охотно проявляется в преодолении этого отвращения (см. ниже).

Сексуальное применение заднего прохода.

Еще яснее, чем в предыдущем случае, становится ясным при пользовании задним проходом, что именно отвращение налагает печать перверзии на эту сексуальную цель. Но пусть не истолкуют, как известное пристрастие с моей стороны, мое замечание, что оправдание этого отвращения тем, что эта часть тела служит выделениям и приходит в соприкосновение с самым отвратительным — с экскрементами,—не более убедительно, чем то оправдание, которым истеричные девушки пользуются для об'яснения своего отвращения к мужским гениталиям: они служат для мочеиспускания.

Сексуальная роль слизистой оболочки заднего прохода абсолютно не ограничивается общением между мужчинами, оказываемое ей предпочтение не является чем-то характерным для инвертированного чувствования. Наоборот, повидимому, педерастия у мужчины обязана своим значением аналогии с актом с женщиной, между тем как при общении инвертированных сексуальной целью скорее всего является взаимная мастурбация.

Значение других частей тела.

Распространение сексуальной цели на другие части тела не представляет собой во всех своих вариациях нечто принципиально новое, ничего не прибавляет к нашему знанию о половом влечении, которое в этом проявляет только свое намерение во всех направлениях овладеть сексуальным об'ектом. Но на-ряду с сексуальной переоценкой при анатомическом переходе границ половых частей проявляется еще второй момент, который с общепринятой точки зрения кажется странным. Некоторые части тела, как слизистая оболочка рта и заднего прохода, всегда встречающиеся в этих приемах, как бы проявляют притязание, чтобы на них самих смотрели, как на гениталии, и поступали с ними соответственно этому. Мы еще услышим, что это притязание оправдывается развитием сексуального влечения, и что в симптоматологии некоторых болезненных состояний оно осуществляется.

Несоответствующая замена сексуального об'екта — фетишизм.

Совершенно особое впечатление производят те случаи, в которых нормальный сексуальный об'ект заменен другим, имеющим к нему отношение, но совершенно непригодным для того, чтобы служить нормальной сексуальной цели. Согласно принципам классификации половых отклонений нам лучше следовало бы упомянуть об этой крайне интересной группе отклонений полового влечения уже при отступлениях от нормы в отношении сексуального об'екта, но мы отложили это до момента знакомства нашего с *сексуальной переоценкой*, от которой зависят эти явления, связанные с отказом от сексуальной цели.

Заменой сексуального об'екта становится часть тела, в общем очень мало пригодная для сексуальных целей (нога, волосы), или неодушевленный об'ект, имеющий вполне определенное отношение к сексуальному лицу, скорее всего к его сексуальности (части платья, белое белье). Эта замена вполне правильно приравнивается фетишу, в котором дикарь воплощает своего бога.

Переход к случаям фетишизма с отказом от нормальной или извращенной сексуальной цели составляют случаи, в которых требуется присутствие фетишистского условия в сексуальном об'екте для того, чтобы достигнута была сексуальная цель (определенный цвет волос, платье, даже телесные недостатки). Ни одна вариация сексуального влечения, граничащая с патологическим, не имеет такого права на наш интерес, как эта, благодаря странности вызываемых ею явлений. Известное понижение стремления к нормальной сексуальной цели является, повидимому, необходимой предпосылкой для всех случаев (экзекуторная слабость сексуального аппарата) [1]). Связь с нормальным осуществляется посредством психологически необходимой переоценки сексуального об'екта, которая неизбежно переносится на все, ассоциативно с ним связанное. Известная степень такого фетишизма свойственна, поэтому, всегда нормальной любви, особенно в тех стадиях влюбленности, в которой нормальная сексуальная цель кажется недостижимой или достижение ее невозможным.

„Достань мне шарф с ее груди,
Дай мне подвязку моей любви“ (Фауст).

Патологическим случай становится только тогда, когда стремление к фетишу зафиксировалось сильнее, чем при обычных условиях, и заняло место нормальной цели, далее, когда фетиш теряет связь с определенным лицом, становится единственным сексуальным об'ектом. Таковы вообще условия перехода вариации полового влечения в патологические отклонения.

Как впервые утверждал Binet, а впоследствии было доказано многочисленными фактами, в выборе фетиша сказывается непрекращающееся влияние воспринятого, большей частью в раннем детстве, сексуального впечатления, — что можно сравнить с известным постоянством любви нормального человека («On revient toujours à ses premiers amours»). Такое происхождение особенно ясно в случаях, в которых

---

[1]) Эта слабость зависит от конституциональных условий. Психоанализ доказал влияние сексуального запугивания в раннем детстве как случайного условия, оттесняющего от нормальной сексуальной цели побуждающего к ее замене.

выбор сексуального об'екта обусловлен только фетишем. С значением сексуальных впечатлений в раннем детстве мы встретимся еще и в другом месте [1]).

В других случаях к замене об'екта фетишем привел символический ход мыслей, большей частью неосознанный данным лицом. Пути этого ряда мыслей не всегда можно доказать с уверенностью (нога представляет собой древний сексуальный символ уже в мифах) [2]); «мех» обязан своей ролью фетиша ассоциации с волосами на mons Veneris; однако и эта символика, повидимому, не всегда зависит от сексуальных переживаний детства [3]).

---

[1]) Более глубокое психоаналитическое исследование привело к правильной критике утверждения Binet. Все относящиеся сюда наблюдения имеют своим содержанием первое столкновение с фетишем, при котором этот фетиш оказывается уже привлекающим сексуальный интерес, между тем как из сопровождающих обстоятельств нельзя понять, каким образом он овладел этим интересом. Кроме того, все эти сексуальные впечатления „раннего детства“ приходятся в возрасте после 5—6-го года, между тем как психоанализ заставляет сомневаться в том, могут ли еще в таком позднем возрасте заново образоваться патологические фиксации. Истинное положение вещей состоит в том, что за первым воспоминанием о появлении фетиша лежит погибшая и забытая фаза сексуального развития, которая заменена фетишем, как „покрывающим воспоминанием“, остатком и осадком которого и является фетиш. Поворот этой совпадающей с первыми детскими годами развития фазы в сторону фетишизма, как и выбор самого фетиша, детерминированы конституцией.

[2]) Соответственно этому ботинок или туфля является символом женского гениталия.

[3]) Психоанализ заполнил имевшийся еще из'ян в понимании фетишизма, указав на значение утерянного благодаря вытеснению копрофильного наслаждения от обоняния (Riechlust) при выборе фетиша. Нога и волосы представляют собой сильно пахнущие об'екты, становящиеся фетишами после отказа от ставших неприятными обонятельных ощущений. В перверзии, состоящей из фетишизма ноги, сексуальным об'ектом всегда является грязная дурно пахнущая нога. Другой материал для об'яснения предпочтения оказываемого ноге, как фетишу, вытекает из инфантильных сексуальных теорий (смотри ниже). Нога заменяет недостающий penis у женщины.

В некоторых случаях фетишизма ноги удалось доказать, что направленное первоначально на гениталии влечение к подглядыванию, стремившееся снизу приблизиться к своему об'екту, задержалось на своем пути благодаря запрещению и вытеснению и сохранило поэтому ногу или башмак, как фетиш. Женские гениталии, в соответствии с детскими представлениями, рисовались воображению как мужские.

b) Фиксации предварительных сексуальных целей.

Возникновение новых намерений.

Все внешние и внутренние условия, затрудняющие или отдаляющие достижение нормальной сексуальной цели (импотенция, дороговизна сексуального об'екта, опасности сексуального акта) поддерживают, понятно, наклонность к тому, чтобы задержаться на подготовительных актах и образовать из них новые сексуальные цели, которые могут занять место нормального. При ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что, повидимому, самые странные из этих новых целей все же намечаются уже при нормальном сексуальном процессе.

Ощупывание и разглядывание.

Известная доля ощупывания для человека, по крайней мере, необходима для достижения нормальной сексуальной цели. Также общеизвестно, каким источником наслаждения, с одной стороны, и каким источником новой энергии, с другой стороны, становится кожа, благодаря ощущениям от прикосновения сексуального об'екта. Поэтому задержка на ощупывании, если только половой акт развивается дальше, вряд ли может быть причислена к перверзиям.

То же самое и с разглядыванием, сводящимся в конечном счете к ощупыванию. Оптическое впечатление осуществляется тем путем, по которому чаще всего пробуждается либидинозное возбуждение, и на проходимость которого,—если допустим такой телеологический подход,—рассчитывает естественный подбор, направляя развитие сексуального об'екта в сторону красоты. Прогрессирующее вместе с культурой прикрывание тела будит сексуальное любопытство, стремящееся к тому, чтобы обнажением запрещенных частей дополнить для себя сексуальный об'ект; но это любопытство может быть отвлечено на художественные цели («сублимировано»), если удается отвлечь его интерес от гениталий и направить его на тело в целом. Задержка на этой промежуточной се-

ксуальной цели подчеркнутого сексуального разглядывания [1]) свойственна в известной степени большинству нормальных людей, она дает им возможность направить известную часть своего либидо на высшие художественные цели. Перверзией же страсть к подглядыванию становится, напротив: а) если она ограничивается исключительно гениталиями, в) если она связана с преодолением чувства отвращения (voyeurs: подглядывание при функции выделения), с) если она, вместо подготовления нормальной сексуальной цели, вытесняет ее. Последнее ярко выражено у эксгибиционистов, которые, если мне позволено будет судить на основании одного случая, показывают свои гениталии для того, чтобы в награду получить возможность увидеть гениталии других [2]).

При перверзии, стремление которой состоит в разглядывании и показывании себя, проявляется очень замечательная черта, которая займет нас еще больше при следующем отклонении. Сексуальная цель проявляется при этом выраженной в двоякой форме: в активной и в пассивной.

Силой, противостоящей страсти к подглядыванию и иногда даже побеждающей ее, является стыд (как раньше отвращение).

Садизм и мазохизм.

Склонность причинять боль сексуальному об'екту и противоположная ей, эти самые частые и значительные перверзии, названы v. Krafft-Ebing'ом в обеих ее формах, активной и пассивной, — садизмом и мазохизмом (пассивная форма). Другие авторы предпочитают более уз-

[1]) Как мне кажется, не подлежит никакому сомнению, что понятие „красивого" коренится в сексуальном возбуждении и первоначально означает возбуждающее сексуально („прелести"). В связи с этим находится тот факт, что сами гениталии, вид которых вызывает самое сильное сексуальное возбуждение, мы никогда собствено не находим „красивыми".

[2]) Анализ открывает у этой перверзии — как и у большинства других—неожиданное многообразие мотивов и значений. Навязчивость эксгибиционизма, например, сильно зависит еще от кастрационного комплекса; благодаря ему при эксгибиционизме постоянно подчеркивается цельность собственных (мужских) гениталий и повторяется детское удовлетворение по поводу отсутствия такого органа у женских гениталий.

кое обозначение алголагнии, подчеркивающее наслаждение от боли, жестокость, между тем как при избранном v. Krafft-Ebing'ом названии на первый план выдвигаются всякого рода унижение и покорность.

Корни активной алголагнии, садизма, в пределах нормального легко доказать. Сексуальность большинства мужчин содержит примесь агрессивности, склонности к насильственному преодолению, биологическое значение которого состоит, вероятно, в необходимости преодолеть сопротивление сексуального об'екта еще и иначе, не только посредством актов ухаживания. Садизм в таком случае соответствовал бы ставшему самостоятельным, преувеличенному, выдвинутому благодаря сдвигу на главное место агрессивному компоненту сексуального влечения.

Понятие садизма, в обычном применении этого слова, колеблется между только активной и затем насильственной констелляцией к сексуальному об'екту и исключительной неразрывностью удовлетворения с подчинением и его терзанием. Строго говоря, только последний крайний случай имеет право на название перверзии.

Равным образом, термин «мазохизм» обнимает все пассивные констелляции к сексуальной жизни и к сексуальному об'екту, крайним выражением которых является неразрывность удовлетворения с испытанием физической и душевной боли со стороны сексуального об'екта. Мазохизм как перверзия, повидимому, дальше отошел от нормальной сексуальной цели, чем противоположный ему садизм; можно сомневаться в том, появляется ли он когда-нибудь первично или не развивается ли он всегда из садизма, благодаря преобразованию. Часто можно видеть, что мазохизм представляет собой только продолжение садизма, обращенного на собственную личность, временно заменяющую при этом место сексуального об'екта. Клинический анализ крайних случаев мазохистической перверзии приводит к совокупному влиянию большого числа моментов, преувеличивающих и фиксирующих первоначальную пассивную сексуальную установку (кастрационный комплекс, сознание вины).

Преодолеваемая при этом боль уподобляется отвращению и стыду, оказывавшим сопротивление либидо.

Садизм и мазохизм занимают особое место среди перверзий, так как лежащая в основе их противоположность активности и пассивности принадлежит к самым общим характерным чертам сексуальной жизни.

История культуры человечества вне всякого сомнения доказывает, что жестокость и половое влечение связаны самым тесным образом, но для об'яснения этой связи не пошли дальше подчеркивания агрессивного момента либидо. По мнению одних авторов, эта примешивающаяся к сексуальному влечению агрессивность является собственно остатком каннибальских вожделений, т.-е. в ней принимает участие аппарат овладевания, служащий удовлетворению другой онтогенетически более старой большой потребности [1]). Высказывалось также мнение, что всякая боль сама по себе содержит возможность ощущения наслаждения. Удовлетворимся впечатлением, что об'яснение этой перверзии никоим образом не может считаться удовлетворительным, и что возможно, что при этом несколько душевных стремлений соединяются для одного эффекта.

Самая разительная особенность этой перверзии заключается, однако, в том, что пассивная и активная формы ее всегда совместно встречаются у одного и того же лица. Кто получает наслаждение, причиняя другим боль в половом отношении, тот также способен испытывать наслаждение от боли, которая причиняется ему от половых отношений. Садист всегда одновременно и мазохист, хотя активная или пассивная сторона перверзии у него может быть сильнее выражена и представлять собой преобладающее сексуальное проявление [2]).

Мы видим таким образом, что некоторые из перверзий всегда встречаются, как противоположные пары, чему необходимо придать большое теоретическое значение, принимая во внимание материал, который будет приведен

[1]) По этому поводу сравни находящееся ниже сообщение о прегенитальной фазе сексуального развития, в котором подтверждается этот взгляд.

[2]) Вместо многих доказательств для подтверждения этого взгляда цитирую только место из Havelock Ellis'a („Половое чувство", 1903): „Все известные случаи садизма и мазохизма, даже описанные v. Krafft-Ebing'ом, всегда носят следы (как уже доказали Colin, Skott и Féré) обеих групп явлений у одного и того же индивида."

ниже [1]). Далее совершенно очевидно, что существование противоположной пары, садизм-мазохизм, нельзя об'яснить непосредственно и только примесью агрессивности. Взамен того является желание привести в связь эти одновременно существующие противоположности с противоположностью мужского и женского, заключающейся в бисексуальности, значение которой в психоанализе сводится к противоположности между активным и пассивным.

3. Общее о перверзиях.

Вариация и болезнь.

Врачи, изучавшие впервые перверзии на резко выраженных случаях и при особых условиях, были, разумеется, склонны приписать им характер болезни или дегенерации подобно инверзиям. Однако в данном случае легче, чем в том, признать такой взгляд неправильным. Ежедневный опыт показывает, что большинство этих нарушений, по крайней мере наименее тяжелые из них, составляют редко недостающую составную часть сексуальной жизни здорового, который и смотрит на них так, как и на другие интимности. Там, где обстоятельства благоприятствуют этому, и нормальный может на некоторое время заменить нормальную сексуальную цель такой перверзией или уступить ей место на-ряду с первой. У всякого здорового человека имеется какое-нибудь состояние по отношению к нормальной сексуальной цели, которое можно назвать перверзией, и достаточно уже такой общей распространенности, чтобы доказать нецелесообразность употребления в качестве упрека названия перверзии. Именно в области сексуальной жизни встречаешься с особыми, в настоящее время, собственно говоря, неразрешимыми трудностями, если хочешь провести резкую границу между только вариацией в пределах области физиологии и болезненными симптомами.

У некоторых из этих перверзий качество новой сексуальной цели все же таково, что требует особой оценки. Некоторые из перверзий по содержанию своему настолько удаляются от нормального, что мы не можем не об'явить их «бо-

---

[1]) Сравни упомянутую ниже „амбивалентность".

лезненными», особенно те, при которых сексуальное влечение проявляет изумительные действия в смысле преодоления сопротивлений (стыд, отвращение, жуть, боль; облизывание кала, насилование трупов). Но и в этих случаях нельзя с полной уверенностью думать, что преступники всегда окажутся лицами с другими тяжелыми ненормальностями или душевно-больными. И здесь не уйдешь от факта, что лица, обычно ведущие себя, как нормальные, только в области сексуальной жизни во власти самого безудержного из всех влечений проявляют себя, как больные. Между тем как за явною ненормальностью в других жизненных отношениях всегда обычно открывается на заднем плане ненормальное сексуальное поведение.

В большинстве случаев мы можем открыть болезненный характер перверзии не в содержании новой сексуальной цели, а в отношении к нормальному: если перверзия появляется не на-ряду с нормальным (сексуальной целью и об'ектом), когда благоприятные условия способствуют нормальному, а неблагоприятные препятствуют ему, а при всяких условиях вытесняет и заменяет нормальное; мы видим, следовательно, в исключительности и фиксации перверзии больше всего основания к тому, чтобы смотреть на нее, как на болезненный симптом.

Участие психики в перверзиях.

Может быть, именно в самых отвратительных перверзиях нужно признать наибольшее участие психики в превращении сексуального влечения. Здесь проделана душевная работа, которой нельзя отказать в оценке, в смысле идеализации влечения, несмотря на его отвратительное проявление. Всемогущество любви, быть может, нигде не проявляется так сильно, как в этих ее заблуждениях. Самое высокое и самое низкое всюду теснейшим образом связаны в сексуальности («...от неба через мир в преисподнюю»).

Два вывода.

При изучении перверзии мы пришли к взгляду, что сексуальному влечению приходится бороться с определенными душевными силами, как сопротивление, среди которых яс-

нее всего выделяются стыд и отвращение. Допустимо предположение, что эти силы принимают участие в том, чтобы сдержать влечение в пределах, считающихся нормальными; и если они развились в индивидууме раньше, чем сексуальное влечение достигло полной своей силы, то, вероятно, они и дали определенное направление его развитию[1]).

Далее мы заметим, что некоторые из исследованных перверзий становятся понятными только при совпадении некоторых мотивов. Если они допускают анализ — разложение, то они должны быть сложными по своей природе. Это может послужит нам намеком, что и само сексуальное влечение может быть не нечто простое, а состоит из компонентов, которые снова отделяются от него в виде перверзии. Клиника таким образом обратила наше внимание на спаянности (Verschmelzungen), которые лишились своего выражения в однообразии нормального поведения [2]).

4. Сексуальное влечение у невротиков.

Психоанализ.

Важное дополнение к знанию сексуального влечения у лиц, по крайней мере очень близких к нормальным, можно получить из источника, к которому открыт только один определенный путь. Одно только средство позволяет получить основательные и правильные сведения о половой жизни так называемых психоневротиков (истерии, неврозе навязчивости, неправильно названном неврастенией, несомненно, dementia praecox, paranoia), а именно, если подвергнуть их

[1]) Эти сдерживающие сексуальное развитие силы – отвращение, стыд, мораль—необходимо, с другой стороны, рассматривать как исторический осадок внешних задержек, которые испытало сексуальное влечение в психогенизисе человечества. Можно наблюдать, как в развитии отдельного человека они появляются в свое время сами по себе, следуя намекам воспитания и стороннего влияния.

[2]) Забегая вперед, я замечаю относительно развития перверзии, что есть основание предполагать, что до фиксации их совершенно так же, как при фетишизме, имели место зачатки нормального сексуального развития. До сих пор аналитическое исследование могло в отдельных случаях показать, что и перверзия является осадком развития до-Эдиповского комплекса, после вытеснения которого снова выступают самые сильные врожденные компоненты сексуального влечения.

психоаналитическому исследованию, которым пользуется изобретенный J. Breuer'ом и мною в 1893 году метод лечения, названный тогда «катартическим».

Должен предупредить или повторить опубликованное уже раньше в другом месте, а именно, что эти психоневрозы, поскольку показывает мой опыт, являются результатом действия сил сексуальных влечений. Я понимаю под этим не то, что энергия сексуального влечения дополняет силы, питающие болезненные явления (симптомы), а определенно утверждаю, что эти влечения являются единственно постоянным и самым важным источником невроза, так что сексуальная жизнь означенных лиц проявляется исключительно или преимущественно, или только частично только в этих симптомах. Симптомы являются, как я это выразил в другом месте, сексуальным изживанием больных. Доказательством для этого утверждения служит мне увеличивающееся в течение двадцати пяти лет количество психоанализов истерических и других неврозов, о результатах которых я дал подробный отчет в отдельности в другом месте и еще в будущем буду давать [1]).

Психоанализ устраняет симптомы истеричных, исходя из предположения, что эти симптомы являются заменой — как бы транскрипцией ряда аффективных душевных процессов, желаний, стремлений, которым благодаря особому психическому процессу (вытеснение) прегражден доступ к изживанию путем сознательной психической деятельности. Эти-то удержанные в бессознательном состоянии мысли стремятся найти выражение, соответствующее их аффективной силе, выход (Abfuhr), и при истерии находят его в процессе конверзии в соматических феноменах, — т. е. в истерических симптомах. При правильном, проведенном при помощи особой техники, обратном превращении симптомов, ставшие сознательными аффективные представления дают возможность приобрести самые точные сведения о природе и о происхождении этих психических образований, прежде бессознательных.

---

[1]) Только дополнением, но не ограничением этого заявления может послужить изменение его следующим образом: нервные симптомы основываются, с одной стороны, на требовании либидинозных влечений, с другой стороны—на требовании „я“ реакции против них.

Результаты психоанализа.

Таким образом было открыто, что симптомы представляют собой замену стремлений, заимствующих свою силу из источников сексуального влечения. В полном согласии с этим находится известное нам о характере взятых здесь за образец всех психоневротиков и истеричных, об их заболевании и о поводах к этому заболеванию. В истерическом характере наблюдается некоторая доля сексуального вытеснения, выходящего за пределы нормального, повышения сопротивлений против сексуального влечения, известных нам как стыд, отвращение, мораль, и как бы инстинктивное бегство от интеллектуальных занятий сексуальной проблемой, имеющее в ярко выраженных случаях следствием полное незнакомство с сексуальным вплоть до достижения половой зрелости [1]).

Эта существенная, характерная для истерии черта часто недоступна для грубого наблюдения, благодаря существованию другого конституционального фактора истерии,—слишком сильно развитому сексуальному влечению; но психологический анализ умеет всякий раз открыть его и разрешить противоречивую загадочность истерии констатированием противоположной пары: слишком сильной сексуальной потребности и слишком далеко зашедшим отрицанием сексуального.

Повод к заболеванию наступает для предрасположенного истерически лица, когда вследствие собственной растущей зрелости или внешних жизненных условий реальное сексуальное требование серьезно пред'являет к ним свои права. Из конфликта между требованием влечения и противодействием отрицания сексуальности находится выход в болезнь, не разрешающий конфликта, а старающийся уклониться от его разрешения путем превращения либидинозного стремления в симптом. Если истеричный человек, какой-нибудь мужчина, заболевает от банального какого-ни-

---

[1]) „Studien über Hysterie“, 1895. J. Breuer говорит о своей пациентке, к которой он впервые применил катартический метод: „сексуальный момент был удивительно неразвит.“

будь душевного движения, от конфликта, в центре которого не находится сексуальный интерес, то такое исключение— только кажущееся. Психоанализ в таких случаях всегда может доказать, что именно сексуальный компонент конфликта создает возможность заболевания, лишая душевные процессы возможности нормального изживания.

Невроз и перверзия.

Значительная часть возражений против этого моего положения об'ясняется тем, что смешивают сексуальность, от которой я произвожу психоневротические симптомы, с нормальным сексуальным влечением. Но психоонализ учит еще бо̀льшему. Он показывает, что симптомы никоим образом не образуются за счет так называемого нормального сексуального влечения (по крайней мере не исключительно или преимущественно), а представляют собой конвертированное выражение влечений, которые получили бы название перевертированных (в широком смысле), если их можно было проявить без отвлечения от сознания непосредственно в воображаемых намерениях и в поступках. Симптомы, таким образом, образуются отчасти за счет ненормальной сексуальности; невроз является, так сказать, негативом перверзии [1]).

В сексуальном влечении психоневротиков можно найти все те отклонения, которые мы изучили, как вариации нормальной сексуальной жизни и как выражение болезненной.

а) У всех невротиков (без исключения) находятся в бессознательной душевной жизни порывы инверзии, фиксация либидо на лицах своего пола. Невозможно вполне выяснить влияние этого момента на образование картины болезни, не вдаваясь в пространные об'яснения; но могу уверить, что всегда имеется бессознательная склонность к инверзии, и осо-

---

[1]) Ясно сознаваемые фантазии первертированных, воплощаемые при благоприятных обстоятельствах в действиях, проецированные во враждебном смысле на других: бредовые опасения параноиков и бессознательные фантазии истеричных, открываемые психоанализом, как основа их симптомов, по содержанию совпадают до мельчайших деталей.

бенно большие услуги оказывает эта склонность при об'яснении мужской истерии [1]).

b) У психоневротиков можно доказать в бессознательном, в качестве образующих симптомы факторов, различные склонности к переходу анатомических границ и среди них особенно часто и интенсивно такие, которые возлагают роль гениталий на слизистую оболочку рта и заднего прохода.

c) Исключительную роль между образующими симптомы факторами при психоневрозах играют проявляющиеся большей частью в виде противоположных пар частичные влечения (Partialtriebe), в которых мы узнали носителей новых сексуальных целей, влечение к подглядыванию и эксгибиционизму и активно и пассивно выраженное влечение к жестокости. Участие последнего необходимо для понимания страдания, причиняемого симптомом, и почти всегда оказывает решающее влияние на социальное поведение больных. Посредством этой связи жестокости с либидо совершается превращение любви в ненависть, нежных душевных движений в враждебные, характерные для большего числа невротических случаев и, как кажется, даже для всей паранойи.

Интерес этих результатов повышается еще некоторыми особенностями фактического положения вещей.

α) Там, где в бессознательном находится такое влечение, которое способно составлять пару с противоположным, всегда удается доказать действие и этого противоположного. Каждая «активная» перверзия сопровождается таким образом ее «пассивной» парой; кто в бессознательном эксгибиционист, тот одновременно и любит подглядывать (voyeur), кто страдает от последствий вытеснения садистических душевных движений, у того находится и другой приток к симптомам из источника мазохистической склонности. Полное сходство с проявлением «положительных» перверзий заслуживает, несомненно, большого внимания, но в картине болезни та или другая из противоположных склонностей играет преобладающую роль.

[1]) Психоневроз часто соединяется с явной инверзией, при чем гетеросексуальное течение падает жертвой полного подавления. Отдавая справедливость мысли, на которую я был наведен, сообщаю, что только частное замечание W. Fliess'а в Берлине обратило мое внимание на необходимую склонность к инверзиям у всех психоневротиков, после того как я открыл ее в отдельных случаях. Этот недостаточно оцененный факт должен был бы оказать большое влияние на все теории гомосексуальности.

β) В резко выраженном случае невроза редко находишь развитым только одно из этих перверзных влечений, большей частью значительное число их и всегда следы всех; но отдельное влечение в интенсивности своей не зависит от развития других. И в этом отношении изучение положительных перверзий открывает нам точную противоположность их.

Частичные влечения и эрогенные зоны.

Резюмируя все, что нам дало исследование положительных и отрицательных перверзий, мы вполне естественно приходим к об'яснению их рядом «частичных влечений», которые, однако, не первичны, а могут быть еще и дальше разложены. Под «влечением» мы понимаем только психическое представительство непрерывного внутри соматического источника раздражения в отличие от «раздражения», вызываемого отдельными возбуждениями, воспринимаемыми извне. Влечение является таким образом одним из понятий для отграничения душевного от телесного. Самым простым и естественным предположением о природе влечений было бы, что они сами по себе не обладают никаким качеством, а могут приниматься во внимание только как мерило требуемой работы, пред'являемой душевной жизни. Только отношение влечений к их соматическим источникам и их целям составляет отличие их друг от друга и придает им специфические свойства. Источником влечения является возбуждающий процесс в каком-нибудь органе и ближайшей целью влечения является прекращение этого раздражения органа.

Дальнейшее предварительное предположение в учении о влечениях, которое для нас неизбежно, утверждает, что органы тела дают двоякого рода возбуждения, обусловленные различием их химической природы. Один род этого возбуждения мы называем специфически сексуальным и соответствующий орган «эрогенной зоной» зарождающегося в нем частичного сексуального влечения [1]).

---

[1]) Нелегко здесь доказать правильность этого предположения, почерпнутого из изучения определенного класса невротических заболеваний. С другой стороны, однако, невозможно сказать что-нибудь, заслуживающее внимания, о влечении, отказавшись от указания на это предположение.

В перверзиях, при которых придается сексуальное значение ротовой полости и отверстию заднего прохода, роль эрогенной зоны вполне очевидна. Она проявляется во всех отношениях как часть полового аппарата. При истерии эти части тела и исходящие из них тракты слизистой оболочки становятся таким же образом местом появления новых ощущений и изменений инервации—даже процессов, которые можно сравнить с эрекцией,—как и настоящие гениталии под влиянием возбуждений при нормальных половых процессах.

Значение эрогенных зон, как побочных аппаратов и суррогатов гениталий, ярче всего из всех психоневрозов проявляется при истерии; этим, однако, не сказано, что им можно придавать меньшее значение при других формах заболевания, они здесь только менее заметны, потому что при них (неврозе навязчивости, паранойе) образование симптомов происходит в областях душевного аппарата, находящихся несколько дальше от центров телесных движений. При неврозе навязчивости самым замечательным становится значение импульсов, создающих новые сексуальные цели и, как кажется, независимых от эрогенных зон. Все же при наслаждении от подглядывания и эксгибиционизма глаз соответствует эрогенной зоне; при компонентах боли и жестокости сексуального влечения ту же роль берет на себя кожа, которая в отдельных местах тела дифференцируется в органы чувств и модифицируется в слизистую оболочку как эрогенная зона κατ᾽ ἐξοχήν[1]).

Об'яснение кажущегося преобладания перверзной сексуальности при психоневрозах.

Вышеизложенные рассуждения пролили, быть может, ложный свет на сексуальность психоневротиков. Может показаться, что по врожденным своим особенностям психоневротики в своем сексуальном поведении очень приближаются к перверзным и в такой же мере отдаляются от нормальных. Однако весьма возможно, что конституциональное предрасположение этих больных, кроме слишком больших размеров сексуального вытеснения и чрезвычайной силы сексуального

[1]) Здесь необходимо вспомнить положение Moll'я, который разлагает сексуальное влечение на контректационное и детумесцентное влечения. Contrectation означает потребность в кожных прикосновениях.

влечения, заключает в себе еще невероятную склонность к перверзии в самом широком смысле слова; однако исследование легких случаев показывает, что последнее предположение не обязательно или, что по крайней мере при оценке болезненных эффектов, необходимо игнорировать влияние одного фактора. У большинства психоневротиков заболевание появляется только после наступления половой зрелости под требованием нормальной половой жизни, против чего прежде всего и направляется вытеснение. Или же наступают более поздние заболевания, когда либидо получает отказ в удовлетворении нормальным путем. В обоих случаях либидо ведет себя, как поток, главное русло которого запружено; оно заполняет коллатеральные пути, остававшиеся до того пустыми. Таким образом и кажущаяся такой большой (во всяком случае отрицательная) наклонность психоневротиков к перверзии может быть обусловлена коллатеральным течением или, во всяком случае, это коллатеральное течение усиливается. Но несомненный факт, что сексуальное вытеснение как внутренний момент должно быть поставлено в один ряд с другими внешними моментами, которые, подобно лишению свободы, недоступности нормального сексуального об'екта, опасности нормального сексуального акта, вызывают перверзии у индивидов, которые в противном случае остались бы нормальными.

В отдельных случаях неврозов положение в этом отношении может быть различно: один раз, решающим является врожденная высота склонности к перверзии, а в другой раз— коллатеральное усиление этой склонности, благодаря оттеснению либидо от нормальной сексуальной цели и сексуального об'екта. Ошибочно было бы создавать противоречие там, где имеется кооперация. Больше всего невроз всегда проявится в тех случаях, когда в одном и том же смысле действуют совместно конституция и переживание. Ясно выраженная конституция сможет, пожалуй, обойтись без поддержки со стороны жизненных впечатлений, сильное жизненное потрясение приведет, пожалуй, к неврозу и при посредственной конституции. Эти точки зрения сохраняют, впрочем, свою силу и в других областях в равной мере как для этиологического значения врожденного, так и случайно пережитого.

Если оказывается предпочтение предположению, что особенно выраженная склонность к перверзиям все же относится

к особенностям психоневротической конституции, то появляется надежда, что в зависимости от врожденного преобладания той или другой эрогенной зоны, того или другого частичного влечения можно различать большое разнообразие таких конституций. Соответствует ли врожденному перверзному предрасположению особое отношение к выбору определенной формы заболевания,—это, как и многое другое в этой области, еще не исследовано.

Ссылка на инфантилизм сексуальности.

Доказав, что перверзные душевные движения образуют симптомы при психоневрозах, мы невероятным образом увеличили число людей, которых можно причислить к перверзным. Дело не только в том, что сами невротики представляют собой очень многочисленный класс людей, необходимо еще принять во внимание, что неврозы во всех своих формах постепенно, непрерывным рядом переходят в здоровье; ведь мог же Moebius с полным основанием сказать: «все мы немного истеричны»[1]. Таким образом благодаря невероятному распространению перверзий мы вынуждены допустить, что и предрасположение к перверзиям не является редкой особенностью, а должно быть частью считающейся нормальной конституции.

Мы слышали, что спорен вопрос, являются ли перверзии следствием врожденных условий или возникают благодаря случайным переживаниям, как Binet это полагал о фетишизме. Теперь нам представляется решение, что хотя в основе перверзий лежит нечто врожденное, но нечто такое, что врождено всем людям как предрасположение, колеблется в своей интенсивности и ждет того, чтобы его пробудили влияния жизни. Дело идет о врожденных, данных в конституции, корнях сексуального влечения, развившихся в одном ряде случаев до настоящих носителей сексуальной деятельности (перверзий), в других случаях испытывающих недостаточное подавление (вытеснение), так что обходным путем они могут как симптомы болезни привлечь к себе значительную часть сексуальной энергии; между тем как в самых благоприятных случаях, минуя обе крайности, благодаря влиянию ограниче-

ния и прочей переработки, эти корни развиваются в так называемую нормальную сексуальную жизнь.

Далее, мы поймем, что предполагаемую конституцию, имеющую зародыши всех перверзий, можно демонстрировать только у ребенка, хотя у него все влечения могут проявляться только с небольшой интенсивностью. А если, благодаря этому, нам начинает казаться, что невротики сохранили свою сексуальность в инфантильном состоянии или вернулись к ней, то наш интерес должна привлечь сексуальная жизнь ребенка, и у нас явится желание проследить игру влияний, господствующих в процессе развития детской сексуальности до ее исхода в перверзию, невроз или нормальную половую жизнь.

II.

Инфантильная сексуальность.

К общепринятому мнению о половом влечении относится и взгляд, что в детстве оно отсутствует и пробуждается только в период жизни, когда наступает юношеский возраст. Но это совсем не простая, но даже жестокая ошибка, имеющая тяжелые последствия, так как она, главным образом, виновата в нашем теперешнем незнании основных положений сексуальной жизни. Основательное изучение сексуальных проявлений в детстве, вероятно, открыло бы нам существенные черты полового влечения, показало его развитие и образование его из различных источников.

Недостаточное внимание к инфантильным.

Замечательно, что авторы, занимающиеся об'яснением свойств и реакций взрослого индивида, оказывали гораздо больше внимания предшествующему периоду времени, относящемуся к жизни предков, т.-е. приписывали гораздо больше влияния наследственности, чем другому предшествующему периоду, который приходится уже на индивидуальное существование личности, а именно детство. Можно было бы подумать, что влияние этого периода жизни легче понять, и что он имеет больше права на внимание, чем наследственность [1]). Хотя в литературе встречаются случайные указания на преждевременные сексуальные проявления у маленьких детей, на эрекции, мастурбацию и напоминающие coitus попытки, но только как на исключительные процессы, как на курьезы, как на отпугивающие примеры

---

[1]) Невозможно также правильно оценить соответствующую наследственности часть, не отдав должного значения детству.

преждевременной испорченности. Насколько я знаю, ни один автор не имел ясного представления о закономерности сексуального влечения в детстве, и в появившихся в большом числе сочинениях о развитии ребенка глава «Сексуальное развитие» по большей части отсутствует[1]).

Инфантильная амнезия.

Причину этого странно-небрежного упущения я вижу отчасти в соображениях, продиктованных общепринятыми взглядами, с которыми авторы считались вследствие их соб-

---

[1]) Высказанное здесь мнение показалось мне самому потом таким рискованным, что я решил проверить его, просмотрев вторично литературу. В результате этого просмотра я оставляю это место без изменений. Научная разработка телесных и душевных феноменов сексуальности в детском возрасте находится еще в зачаточном состоянии. Один автор S. Bell („A preliminary study of the Emotion of love between the Sexes". „American Journal of Psychology", XIII, 1902) говорит: „Я не знаю ни одного ученого, который дал бы обстоятельный анализ эмоции такою, какова она в юношестве. Соматические сексуальные проявления в периоде до возмужалости привлекли внимание только как признаки вырождения и в связи с явлениями вырождения.—Глава о любовной жизни детей отсутствует во всех описаниях психологии этого возраста, которые я читал, так в известных произведениях Preyer'a, Baldwin'a, („Развитие духа у ребенка и у расы", 1898), Pérez („L'enfant de 3—7 ans", 1894), Strümpell („Die pädagogiche Pathologie", 1899) Karl Groos, („Das Seelenleben des Kindes" 1904) Th. Heller („Grundriss der Heilpädagogik", 1904), Sully („Untersuchungen über die Kindheit", 1897) и др. Самое лучшее представление о теперешнем положении вещей в этой области получаешь из газеты „Die Kinderfehler" (начиная с 1891 г). Все же убеждаешься, что существование любви в детском возрасте открывать уже не приходится. Pérez (l. c.) отстаивает ее, у K. Groos'a („Игры людей", 1899) упоминается, как нечто общеизвестное, что некоторым детям уже в очень раннем возрасте доступны сексуальные душевные движения, и они ощущают потребность в прикосновении к другому полу" (S. 336); самый ранний случай появления половых любовных переживаний (sex-love), по наблюдениям S. Bell'a, касался ребенка в середине третьего года. По этому поводу сравни еще Havelock Ellis, „Das Geschlechtsgefühl" (немецк. перевод Kurella), 1903, Appendix, II.

Вышеупомянутое суждение о литературе детской сексуальности должно быть изменено после появления обширного труда Stanley Hall („Adolescence, its psychology and its relation to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education". Two volumes, New-Jork 1908). Вновь появившаяся книга Moll'я „Das sexuelleben des Kindes" не дает повода к такой модификации. Смотри за то: Bleuler, „Sexuelle Abnormitäten der Kinder („Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft für Schulgesundheitspflege", IX, 1908).

ственного воспитания, отчасти в психическом феномене, который до сих пор не поддавался об'яснению. Я имею в виду своеобразную амнезию, которая у большинства людей (не у всех!) охватывает первые годы детства до 6 или 8 года жизни. До сих пор нам не приходило в голову удивляться этой амнезии; а между тем у нас есть для этого полное основание. Поэтому-то нам рассказывают, что в эти годы, о которых мы позже ничего не сохранили в памяти, кроме нескольких непонятных отрывков воспоминаний, мы живо реагировали на впечатления, что умели по-человечески выражать горе и радость, проявлять любовь, ревность и другие страсти, которые нас сильно тогда волновали, что мы даже выражали взгляды, обращавшие на себя внимание взрослых, как доказательство понимания нашего и пробуждающейся способности к суждению. И обо всем этом, уже взрослые, сами мы ничего не знаем. Почему же наша память так отстает от других наших душевных функций? У нас, ведь, есть основание полагать, что ни в какой другой период жизни она не была более восприимчива и способна к воспроизведению, чем именно в годы детства [1]).

С другой стороны, мы должны допустить или можем убедиться, проделав психологические исследования над другими, что те же самые впечатления, которые мы забыли, оставили тем не менее глубочайшие следы в нашей душевной жизни и имели решающее значение на наше дальнейшее развитие. Речь идет, следовательно, вовсе не о настоящей потере воспоминаний детства, а об амнезии, подобной той, которую мы наблюдаем у невротиков в отношении более поздних переживаний и сущность которой состоит только в недопущении в сознание (вытеснение). Но какие силы совершают это вытеснение детских впечатлений? Кто разрешит эту загадку, об'яснит также и истерическую амнезию.

Все же не забудем подчеркнуть, что существование инфантильной амнезии создает новую точку соприкоснове-

---

Книга д-ра H. V. Hug-Hellmuth „Aus dem Seelenleben des Kindes“, 1913, полностью считалась с сексуальным фактором, на который до того не обращали внимания.

[1]) Связанную с самыми ранними детскими воспоминаниями проблему я пытался разрешить в статье „Ueber Deckerinnerungen“ („Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie“, VI, 1899).

ния для сравнения душевной жизни ребенка и психоневротика. Прежде мы уже встречались с другой точкой соприкосновения, когда вынуждены были принять формулу, гласящую, что сексуальность психоневротиков сохранилась на детской ступени или вернулась к ней. Не следует ли, в конце концов, и самую инфантильную амнезию привести в связь опять-таки с сексуальными переживаниями детства!

Впрочем, идея связать инфантильную амнезию с истерической больше чем просто остроумная игра мысли. Истерическая амнезия, служащая вытеснению, об'ясняется только тем, что у индивида уже имеется запас воспоминаний, которыми он не может сознательно распоряжаться, и которые по ассоциативной связи притягивают к себе все то, на что направляется со стороны сознания действие отталкивающих сил вытеснения [1]). Без инфантильной амнезии, можно сказать, не было бы истерической амнезии.

Я полагаю, что инфантильная амнезия, превращающая для каждого человека его детство как бы в доисторическую эпоху и скрывающая от него начало его собственной половой жизни, виновна в том, что детскому возрасту в общем не придают никакого значения в развитии сексуальной жизни. Единичный наблюдатель не в состоянии выполнить появившийся таким образом из'ян в нашем знании. Уже в 1896 г. я подчеркнул значение детского возраста для появления известных важных феноменов, зависящих от половой жизни, и с тех пор, не переставая, выдвигал значение инфантильной жизни для сексуальности.

Латентный сексуальный период детства и его нарушения.

Невероятно часто встречающиеся, будто бы противоречащие нормальному, и переживаемые в виде исключения сексуальные душевные движения в детстве, как и открытие бессознательных до того детских воспоминаний невротика

---

[1]) Невозможно понять механизм вытеснения, если принимать во внимание только один из этих двух совместно действующих процессов. Для сравнения может служить способ, пользуясь которым туристов поднимают на вершину большой пирамиды в Гизехе: с одной стороны, их подталкивают, а с другой—тащат.

позволяют набросить приблизительно следующую картину сексуального поведения в детском возрасте [1]).

Кажется несомненным, что новорожденный приносит с собой на свет зародыши сексуальных переживаний, которые в течение некоторого времени развиваются дальше, а затем подлежат увеличивающемуся подавлению, которое в свою очередь нарушается закономерными прорывами сексуального развития и которое может быть задержано, благодаря индивидуальным особенностям. О закономерности и периодичности этого осцилирующего хода развития ничего точно не известно, но кажется, что сексуальная жизнь детей, в возрасте приблизительно трех или четырех лет, проявляется в форме, доступной наблюдению [2]).

Сексуальные задержки.

Во время этого периода полной или только частичной латентности формируются те душевные силы, которые впоследствии как задержки на пути сексуального влечения и как плотины сузят его направление (отвращение, чувство стыда, эстетические и моральные требования идеала). Наблюдая культурного ребенка, получаешь впечатление, что

---

[1]) Последний материал может быть использован здесь в правильном расчете на то, что детские годы взрослых невротиков не отличаются в этом отношении от детских лет здоровых людей ничем существенным кроме как в отношении интенсивности и ясности.

[2]) Возможная анатомическая аналогия того проявления инфантильных сексуальных функций, о которой я говорил, дается открытием Bayer'a („Deutsche Archiv für klinische Medicin," Bd. 73), что внутренние половые органы (uterus) новорожденных обыкновенно больше, чем детей старшего возраста. Однако взгляд на эту, констатированную Halban'ом и для других частей генитального аппарата инволюцию после рождения, не окончательно установлен. По Halban'у („Zeitschrift für Geburtshilfe und Gynäkologie" LIII, 1904), этот регресивный процесс приходит к концу в течение нескольких недель внеутробной жизни.

Авторы, видящие в интерстициальной части зародышевой железы орган, определяющий пол, благодаря анатомическим исследованиям пришли в свою очередь к утверждению существования инфантильной сексуальности латентного сексуального периода. Цитирую из упомянутой выше книги Lipschütz'a о железе полового созревания: „...Скорее соответствует фактам утверждения, что созревание половых признаков, как оно происходит в периоде возмужалости, протекает только вследствие сильно уско-

построение этих плотин является делом воспитания, и. несомненно, воспитание во многом этому содействует. В действительности это развитие обусловлено органически, зафиксировано путем передачи по наследству и иной раз может наступить без всякой помощи воспитания. Воспитание не выходит, безусловно, за пределы предуказанной ей области влияния, ограничиваясь только тем, что дополняет органически предопределенное и придает ему более четкое и глубокое выражение.

Реактивные образования и сублимирования.

Какими средствами создаются эти конструкции, имеющие такое большое значение для позднейшей культуры и нормальности? Вероятно, за счет самих инфантильных сексуальных переживаний, приток которых, следовательно, не прекратился и в этот латентный период, но энергия которых— полностью или отчасти—отводится от сексуального применения и передается на другие цели. Историки культуры, будто бы, согласны с предположением, что благодаря такому отклонению сексуальных сил влечений от сексуальных

ренного течения процессов, начавшихся гораздо раньше, по нашему мнению уже в эмбриональной жизни". (Смотри 169.)—„То, что до сих пор называлось просто периодом половой зрелости, представляет собой, вероятно, только „вторую большую фазу возмужалости", начинающуюся в средине второго десятилетия". Детский возраст до начала второй большо фазы можно было бы назвать „серединной фазой полового созревания" (170 ст.)

Это, подчеркнутое Ferenzci („Jntern. Zeitschrift f. Psychoanalyse", VI, 1920), сходство анатомического положения с психолотическим наблюдением нарушается только одним указанием, что „первый кульминационный пункт" развития сексуального органа приходится в ранний эмбриональный период, между тем как ранний расцвет детской сексуальной жизни нужно перенести в возраст третьего—четвертого года. Полного совпадения во времени анатомического формирования и психического развития, разумеется, не требуется. Соответствующие исследования сделаны над зародышевой железой человека. Так как у животных латентного периода в психологическом смысле не бывает, то важно было бы знать, можно ли доказать и у других высших животных те же анатомические данные, на основании которых авторы предполагают два кульминационных пункта сексуального развития.

целей и от направления их на новые цели—процессу, заслуживающему название сублимирование, — освобождаются могучие компоненты для всех видов культурной деятельности; мы прибавили бы, что такой же процесс протекает в развитии отдельного индивида, и начало его переносим в сексуальный латентный период детства [1]).

И относительно механизма такого сублимирования можно рискнуть на некоторые предположения. Сексуальные переживания этих детских лет, с одной стороны, не могут найти себе применения, так как функции продолжения рода появляются позже,—что составляет главный признак латентного периода; с другой, они сами по себе были бы перверзны, так как исходят из эрогенных зон и руководятся влечениями, которые при данном направлении развития индивида могут вызвать только неприятные ощущения. Они вызывают поэтому только противоположные душевные силы (реактивные движения), которые создают упомянутые психические плотины для сильного подавления таких неприятных чувств, как-то: отвращение, стыд и мораль [2]).

Прорывы латентного периода.

Не обманув себя относительно гипотетической природы и недостаточной ясности наших взглядов на процессы детского латентного периода, вернемся к действительности и укажем, что такое применение инфантильной сексуальности представляет собой идеал воспитания, от которого развитие отдельного лица отступает по большей части в каком-нибудь одном пункте и часто в значительной мере. Время от времени прорывается известная часть сексуальных проявлений, не поддавшихся сублимированию, или сохраняется какая-нибудь сексуальная деятельность в течение всего ла-

---

[1]) Название „сексуальный латентный период“ я также заимствую у W. Fliess'a.

[2]) В случае, о котором здесь идет речь, сублимирование сексуальных сил влечения идет по пути реактивных образований. В общем, однако, необходимо различать понятие о сублимировании и реактивном образовании, как о двух совершенно различных процессах. Сублимирование возможно и посредством других более простых механизмов.

тентного периода до момента усиленного проявления сексуального влечения при наступлении половой зрелости. Воспитатели ведут себя, поскольку они вообще обращают внимание на детскую сексуальность, точно так, как будто бы они разделяли наши взгляды на образование моральных сил противодействия за счет сексуальности и как будто бы они знали, что благодаря сексуальным проявлениям ребенок не поддается воспитанию, потому что они преследуют все сексуальные проявления ребенка, как «пороки», не имея возможности ничего предпринять против них. У нас же имеются большие основания направить наш интерес на эти, внушающие воспитателям страх, феномены, потому что мы ждем от них об'яснения первоначальной формы полового влечения.

Выражения инфантильной сексуальности.

По мотивам, которые станут ясны позже, мы возьмем за образец инфантильных сексуальных проявлений сосание, которому венгерский педеатр Lindner посвятил замечательный труд [1]).

Сосание (Lutschen).

Сосание (Ludeln, Lutschen), которое появляется уже у младенца и может продолжаться до зрелых лет или удержаться на всю жизнь, состоит в ритмически повторяемом сосущем прикосновении ртом (губ), при чем цель принятия пищи исключается. Часть самих губ, язык, любое другое место кожи, которое можно достать, даже большой палец ноги—берутся как об'екты, над которыми производится сосание. Появляющееся при этом влечение к схватыванию выражается посредством одновременного ритмического дерганья за ушную мочку и может воспользоваться для той же цели и частью тела другого человека (по большой части уха). Сосание (Wonnesaugen) по большей части поглощает все внимание и кончается или сном, или моторной реакцией вроде

[1]) В „Jahrbuch für Kinderheilkunde“, N. F. XIV, 1879.

оргазма [1]). Нередко сосание сопровождается растирающими движениями рук по определенным чувствительным частям тела, груди, наружных гениталий. Таким путем много детей переходят от сосания к мастурбации.

Lindner сам ясно понимал сексуальную природу этих действий и безоговорочно подчеркивал это. В обыденной жизни сосание часто приравнивается к другим проявлениям невоспитанности (Unarten) ребенка. Со стороны многих педиатров и невропатологов высказывались энергичные возражения против такого взгляда, основанного отчасти на смешении «сексуального» и «генитального». Это возражение возбуждает трудный, но неизбежный вопрос, по каким общим признакам думаем мы узнавать сексуальные выражения ребенка. Я полагаю, что связь явлений, которую мы научились понимать благодаря психоаналитическому исследованию, позволяет нам считать сосание сексуальным проявлением и как раз на нем изучать существенные черты инфантильных сексуальных действий [2]).

Автоэротизм.

На нас лежит обязанность подробно разобрать этот пример. Как самый яркий признак этого сексуального действия подчеркнем то, что влечение направляется не на другие лица; оно удовлетворяется на собственном теле, оно авто-

---

[1]) Здесь уже проявляется то, что имеет значение в течение всей жизни, что сексуальное удовлетворение представляет собой самое лучшее снотворное средство. Большинство случаев нервной бессонницы об'ясняется сексуальной неудовлетворенностью. Известно, что бессовестные няньки усыпляют плачущих детей поглаживанием их гениталий.

[2]) Д-р. Galant опубликовал в 1919 году в „Neurolog. Zentralblat", № 20 под заглавием „Das Lutscherli" исповедь взрослой девушки, не отказавшейся от этой детской формы сексуальных действий и описывает удовлетворение от сосания, как вполне аналогичное сексуальному удовлетворению, особенно от поцелуя возлюбленного.

„Не все поцелуи похожи на Lutscherli; нет, нет, далеко не все! Невозможно описать, как приятно становится во всем теле от сосания: совсем уносишься от этого мира, появляется полное удовлетворение, ощущение счастья и отсутствие всякого желания. Охватывает удивительное чувство; хочется только покоя, покоя, который ничем не должен нарушаться. Это несказанно прекрасно: не чувствуешь ни боли, ни страданий и уносишься в другой мир".

эротично, употребляя счастливое, введенное Havelock Ellis'ом, название [1]).

Далее совершенно ясно, что действия сосущего ребенка определяются поисками за удовольствием (Lust), уже пережитом и теперь воскресающем в воспоминании. Благодаря ритмическому сосанию кожи или слизистой оболочки, он простейшим образом получает удовлетворение. Не трудно также сообразить, по какому поводу ребенок впервые познакомился с этим удовольствием, которое теперь старается снова испытать. Первая и самая важная для жизни ребенка деятельность — сосание материнской груди (или суррогатов ее) должно было уже познакомить его с этим удовольствием. Мы сказали бы, что губы ребенка вели себя, как эрогенная зона, и раздражение от теплого молока было причиной ощущения удовольствия. Сначала удовлетворение от эрогенной зоны соединялось с удовлетворением от потребности в пище. Сексуальная деятельность сначала присоединяется к функции, служащей сохранению жизни, и только позже становится независимой от нее. Кто видел, как ребенок насыщенный отпадает от груди с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни. Затем потребность в повторении сексуального удовлетворения отделяется от потребности в принятии пищи; это отделение становится необходимым, когда появляются зубы, и пища принимается не только посредством сосания, но и жуется. Ребенок не пользуется посторонним об'ектом для сосания, а охотнее частью своей кожи, потому что она ему удобнее, потому что таким образом он приобретает большую независимость от внешнего мира, которым он еще не может овладеть, и потому что таким образом он как бы создает себе вторую, хотя и малоценную эрогенную зону. Малоценность этой второй зоны будет позже способствовать тому, чтобы искать однородные части—

[1]) H. Ellis определил термин „автоэротический“ хотя несколько иначе в смысле возбуждения, вызванного не извне, но возникающего внутри. Для психоанализа существенное значение имеет не происхождение, а отношение к об'екту.

губы другого лица. («Жаль, что не могу самого себя поцеловать»—можно было бы ему подсказать.)

Не все дети сосут; можно предположить, что доходят до этого только те дети, у которых конституционально усилено значение губ. Если такое конституциональное усиление сохраняется, то такие дети, становясь взрослыми, делаются любителями поцелуев, имеют склонность к перверзным поцелуями или, будучи мужчинами, приобретают сильный мотив для пьянства и курения. Если же к этому присоединяется вытеснение, то они будут ощущать отвращение к пище и страдать истерической рвотой. Благодаря общности зоны губ вытеснение перенесется на влечение к пище. Многие из моих пациенток, страдающих нарушениями в принятии пищи, истерическим глобусом, сжатием в горле и рвотами, были в детстве энергичными сосунами.

На сосании мы могли уже заметить три существенных признака инфантильных сексуальных проявлений. Они состоят в присоединении какой-нибудь важной для жизни телесной функции, не знают сексуального об'екта, автоэротичны, и сексуальная цель их находится во власти эрогенной зоны. Скажем наперед, что эти признаки сохраняют свое значение и для большинства других проявлений инфантильных сексуальных влечений.

Сексуальная цель инфантильной сексуальности.

Признаки эрогенных зон.

Из примеров сосания можно извлечь еще некоторые признаки эрогенных зон. Это место на коже или на слизистой оболочке, на котором известного рода раздражения вызывают ощущения удовольствия определенного качества. Не подлежит сомнению, что вызывающие удовольствие раздражения связаны с особыми условиями; эти условия нам неизвестны. Ритмический характер должен здесь играть роль, сама напрашивается аналогия с щекотанием. Менее определенным кажется вопрос, следует ли называть «особенным» характер этого ощущения удовольствия, вызванного раздражением, понимая под этой особенностью именно сексуальный

момент. В вопросах удовольствия и неудовольствия психология еще настолько бродит в темноте, что рекомендуется самое осторожное мнение. Ниже, быть может, мы встретимся с доводами, которые как будто подтверждают особое качество удовольствия.

Эрогенное свойство может быть исключительным образом связано с отдельными частями тела. Имеются предрасположенные эрогенные зоны, как показывает пример сосания. Тот же пример показывает однако, что и любое другое место кожи или слизистой оболочки может взять на себя роль эрогенной зоны, следовательно, уже заранее должно иметь к этому склонность. Поэтому качество раздражения имеет больше отношения к вызываемому ощущению удовольствия, чем строение части тела. Сосущий ребенок ищет по всему своему телу и выбирает для сосания какое-нибудь место, которое благодаря привычке становится особенно предпочитаемым; если он случайно при этом наталкивается на предрасположенное место (грудной сосок, гениталии), то преимущество остается за ним. Совсем аналогичная подвижность встречается и в симптоматологии истерии. При этом неврозе вытеснение больше всего распространяется на собственно генитальные зоны, и эти зоны передают свою раздражимость остальным, обычно в зрелом возрасте отсталым эрогенным зонам, которые тогда проявляют себя совсем как гениталии. Но, кроме того, совсем как при сосании любая другая часть тела может приобрести возбудимость гениталий и стать эрогенной зоной. Эрогенные и истерогенные зоны отличаются одинаковыми признаками [1]).

Инфантильная сексуальная цель.

Сексуальная цель инфантильных влечений состоит в том, чтобы получить удовлетворение, благодаря соответствующему раздражению так или иначе избранной эрогенной зоны. Это удовлетворение должно уже раньше быть пережито, чтобы оставить потребность в повторении его, и мы должны быть готовы к тому, что природа сделала вер-

---

[1]) **Дальнейшие соображения и другие наблюдения заставляют приписывать свойство эрогенности всем частям тела и внутренним органам. По этому поводу ср. ниже сказанное о нарцизме.**

ные приспособления для того, чтобы не предоставить случаю это переживание удовлетворения [1]). Устройства, выполняющие эту цель в отношении зоны губ, нам уже известны: это одновременная связь этой части тела с принятием пищи. Другие подобные устройства встретятся нам еще как источники сексуальности. Состояние потребности в повторении удовлетворения проявляется двояко: особенным чувством напряжения, имеющим больше характер неприятного, и ощущением зуда или раздражения обусловленным центрально и проецированным на периферические эрогенные зоны. Поэтому сексуальную цель можно также формулировать следующим образом: важно заменить проецированные ощущения на эрогенные зоны таким внешним раздражением, которое прекращает ощущение раздражения, вызывая ощущение удовлетворения. Это внешнее раздражение состоит большей частью в какой-нибудь манипуляции, аналогичной сосанию.

В полном согласии с нашими физиологическими знаниями бывает так, что эта потребность вызывается также периферически каким-нибудь действительным изменением эрогенной зоны. Кажется только несколько странным, что одно раздражение как бы требует для своего прекращения другого раздражения в том же самом месте.

Мастурбаторные сексуальные проявления [2])

Нас может только очень радовать, что нам уже не остается узнать много важного о сексуальных действиях ребенка, после того как мы поняли влечение одной только эрогенной зоны. Самое ясное различие относится к необходимым для удовлетворения действиям, которые по отношению к зоне губ состояли в сосании, и которые, в зависимости от положения и устройства других зон, нужно заменить другими мускульными действиями.

---

[1]) В биологических рассуждениях почти невозможно избежать того, чтобы не прибегать к телеологическому образу мыслей, хотя хорошо известно, что в отдельных случаях нельзя быть застрахованными от ошибки.

[2]) По этому поводу см. богатую, но большей частью плохо ориентированную по своим взглядам литературу об онанизме, напр., Rohleder, „Die Masturbation“, 1899, далее II книга венской дискуссии „Die Onanie“, Wiesbaden 1912.

Проявление зоны заднего прохода.

Зона заднего прохода, подобно зоне губ, по своему положению подходит к тому, чтобы стать местом присоединения сексуальности к другим функциям тела. Нужно представить себе эрогенное значение этой части тела первоначально очень большим. Посредством психоанализа можно с удивлением узнать, каким превращениям в нормальных случаях подвергаются исходящие из этой зоны сексуальные возбуждения, и как часто у этой зоны остается на всю жизнь значительная доля генитальной раздражимости [1]). Столь частые в детском возрасте заболевания кишечника ведут к тому, что у этой зоны нет недостатка в интенсивных раздражениях. Катарры кишечника в раннем возрасте делают детей «нервными», как обыкновенно выражаются; при позднейшем невротическом заболевании они приобретают определенное влияние на симптоматическое выражение невроза, в распоряжение которого они предоставляют все разнообразие кишечных расстройств. Принимая во внимание оставшееся, по крайней мере в измененной форме, эрогенное значение зоны заднего прохода, не следует совсем игнорировать геморроидроидальные влияния, которым старая медицина придавала такое значение при об'яснении невротических состояний.

Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом количестве, вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение. Одним из вернейших признаков будущей странности характера или нервности является упорное нежелание младенца очистить кишечник, когда его сажают на горшок, т.-е. когда это угодно няне, и желание его выполнять эту функцию только по собственному усмотрению. Для него, разумеется,

[1]) Сравни статью „Charakter und Analerotik“ в „Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre“, второй том, 1909, далее: „Ueber Triebumsetzung ins besondere der Analerotik“ в „Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre“ и т. д., четвертый том, 1918 (см. выпуск III и V Библиотеки).

неважно, что пачкается при этом его постель; он заботится только о том, чтобы не лишиться удовольствия при дефекации. Воспитатели опять-таки поступают правильно, называя плохими детей, которые «прячут для себя» выполнение этой функции.

Содержимое кишечника, которое как раздражитель для чувствительной в сексуальном отношении поверхности слизистой оболочки ведет себя как предтеча другого органа, которому предстоит вступить в действие только после того, как пройдет фаза детства, имеет для младенца еще и другое важное значение. Младенец относится к нему, как к собственной части тела, смотрит на него, как на «подарок», выделение которого выражает уступчивость маленького существа по отношению к окружающим, а отказ в котором свидетельствует об упрямстве. Через «подарок» он в дальнейшим приобретает значение «ребенка», который, согласно одной из инфантильных сексуальных теорий, получается через еду, а рождается через кишечник.

Задержка фекальных масс, преднамеренная сначала с целью использовать ее как бы для мастурбационного раздражения зоны заднего прохода или чтобы использовать ее в отношениях к няне, является, впрочем, одним из корней столь частых запоров у невропатов. Все значение анальной зоны отражается в факте, что встречается мало невротиков, у которых не было бы своих особых скатологических обычаев, церемоний и т. п., которые они тщательно скрывают [1]).

[1]) В работе, необыкновенно углубляющей наше понимание значения анальной эротики („Anal "und „Sexual" „Imago", IV, 1916), Lou Andreas-Salomé указала, что история первого запрещения, пред'явленного ребенку, запрещения получать удовольствие от анальной функции и ее продуктов, является решающим для всего его развития. Маленькое существо должно при этом впервые почувствовать враждебный его влечениям окружающий мир, научиться отделять свое собственное существо от этого чуждого ему мира и затем совершить первое „вытеснение" возможного для него наслаждения. С этого времени „анальное" остается символом всего, что необходимо отбросить, устранить из жизни. Требуемому позже отделению анальных процессов от генитальных мешают близкие анатомическая и функциональная аналогии и зависимости между обеими. Генитальный аппарат остается по соседству с клоакой, „у женщины даже только позаимствован у нее".

Настоящее мастурбационное раздражение анальной зоны при помощи пальца, вызванное обусловленным центрально или поддерживаемым периферически зудом, очень нередки у детей старшего возраста.

Проявление генитальной зоны.

Среди эрогенных зон детского тела имеется одна, которая играет несомненно не первую роль и не может также быть носительницей самых ранних сексуальных переживаний, но которой в будущем предназначается большая роль. Она у мальчика и у девочки имеет отношение к мочеиспусканию (клитор, головка penis'а покрыта у мальчика слизистым мешком, так что у нее не может быть недостатка в раздражениях выделениями, которые рано вызывают сексуальные раздражения). Сексуальные проявления этой эрогенной зоны, относящейся к действительным половым частям, составляют начало позднейшей «нормальной» половой жизни.

Благодаря анатомическому положению, раздражению выделениями, мытью и вытиранию при гигиеническом уходе и благодаря определенным случайным возбуждениям (вроде вползания кишечных паразитов у девочек), ощущения удовольствия, которые способны давать эти части тела, неизбежно обращают на себя внимание ребенка уже в младенческом возрасте и будят потребность в их повторении. Если окинуть взором всю совокупность имеющихся приспособлений и если принять во внимание, что мероприятия для соблюдения чистоты едва ли могут действовать иначе, чем загрязнения, то нельзя будет отказаться от взгляда, что благодаря младенческому онанизму, от которого вряд ли кто-нибудь свободен, утверждается будущий примат этой эрогенной зоны в половой деятельности. Действие, устраняющее раздражение и дающее удовлетворение, состоит в трущем прикосновении рукой или несомненно рефлекторном давлении сжатыми вместе бедрами. Последний прием применяется чаще всего девочками. У мальчика предпочтение, оказываемое руке, указывает уже на то, какое значительное

добавление к мужской половой деятельности привнесет в будущем влечение к овладеванию [1]).

Будет только способствовать ясности, если я укажу, что нужно различать три фазы инфантильной мастурбации. Первая относится к младенческому возрасту, вторая к кратковременному расцвету сексуальных проявлений в возрасте около четырех лет, и лишь третья соответствует часто только и принимаемому во внимание онанизму при наступлении половой зрелости.

Вторая фаза детской мастурбации.

Младенческий онанизм после короткого периода как будто исчезает, но все же непрерывное продолжение его до наступления половой зрелости может составить первое большое отступление от желательного для культурного человека развития. Когда-нибудь в детском возрасте после периода младенчества, обыкновенно до 4-го года, сексуальное влечение этой генитальной зоны опять просыпается и держится затем снова некоторое время до нового появления или продолжается беспрерывно. Возможные обстоятельства чрезвычайно разнообразны и могут быть выяснены только при детальном расчленении отдельных случаев. Но все подробности этой **второй** фазы инфантильных сексуальных переживаний оставляют глубочайшие бессознательные следы в памяти данного лица, предопределяют развитие его характера, если человек остается здоровым, и симптоматику невроза, если он заболевает в юношеском возрасте [2]). В последнем случае весь этот сексуальный период оказывается забытым, указывающие на него бессознательные воспоминания— отодвинутыми; я уже упомянул, что хотел бы привести в связь с этой инфантильной сексуальной деятельностью

---

[1]) Необыкновенные приемы при онанизме в позднем возрасте указывают, повидимому, на влияние преодоленного запрещения онанировать.

[2]) Исчерпывающего аналитического об'яснения ждет еще тот факт, что сознание вины невротиков всегда, как это еще недавно признал Bleuler, связывается с воспоминаниями об онанистических действиях по большей части периодов возмужалости. Самый грубый и важный фактор этой зависимости составляет, вероятно, факт что онанизм является выполнением всей инфантильной сексуальности и потому способен взять на себя все чувство вины, относящееся к этой сексуальности.

инфантильной сексуальной деятельностью также и нормальную инфантильную амнезию. Благодаря психоаналитическому исследованию удается довести забытое до сознания и этим устранить навязчивость, проистекающую из бессознательного психического материала.

Возвращение младенческой мастурбации.

Сексуальные возбуждения младенческого возраста снова появляются в упомянутом детском возрасте или как центрально обусловленное щекочущее раздражение, требующее онанистического удовлетворения, или как процесс, похожий на поллюцию, который, аналогично поллюции в зрелом возрасте, дает удовлетворение даже и без помощи какого-нибудь действия. Последний случай чаще встречается у девочек и во второй половине детства; причины его не совсем ясны и, повидимому, не всегда ему должен предшествовать период более раннего активного онанизма. Симптоматика этого сексуального проявления очень бедна; вместо неразвитого еще полового аппарата дает о себе знать по большей части мочеиспускательный аппарат, как бы опекун его. Большинство болезней мочевого пузыря этого времени являются сексуальными заболеваниями; enuresis nocturna соответствует такой поллюции, если только не представляет собой эпилептического припадка.

Для нового проявления сексуальной деятельности имеют значение внутренние причины и внешние поводы; в случаях невротического заболевания можно угадать и те, и другие по форме симптомов, а при помощи психоаналитического исследования открыть полностью и те, и другие. О внутренних причинах речь будет ниже; случайные внешние поводы к этому времени приобретают большое и долгодлящееся значение. На первом месте находится влияние соблазна, который относится к ребенку, как к сексуальному об'екту, и знакомит его при оставляющих глубокое впечатление обстоятельствах с удовлетворением, исходящим из генитальной зоны; впоследствии ребенок оказывается вынужденным онанистическим путем возобновлять это удовлетворение. Такое влияние может исходить от взрослых или от других детей; не могу не признать, что в моей статье в 1896 г. «Ueber die

Aetiologie der Hysterie», я переоценил частоту или значение этого влияния, хотя еще не знал тогда, что и оставшиеся здоровыми индивиды могли иметь в детском возрасте такие же переживания, и потому придавал соблазну бо́льше значения, чем факторам данной сексуальной конституции и развития[1]). Само собой разумеется, что нет необходимости в соблазне, чтобы пробудить сексуальную жизнь ребенка, что такое пробуждение возможно само по себе по внутренним причинам.

Полиморфно-перверзное предрасположение.

Поучительно, что ребенок под влиянием соблазна может стать полиморфно-перверзным, что его можно соблазнить на всевозможные извращения. Это указывает, что у него есть склонность к этому в его конституции; соблазн потому встречает так мало сопротивления, что душевные плотины против сексуальных излишеств — стыд, отвращение и мораль, в зависимости от возраста ребенка, еще не воздвигнуты или находятся в стадии образования. Ребенок ведет себя в этом отношении так, как средняя некультурная женщина, у которой сохраняется такое же полиморфно-перверзное предрасположение. Такая женщина при обычных условиях может остаться сексуально нормальной, а под руководством ловкого соблазнителя она приобретает вкус ко всем перверзиям и прибегает к ним в своей сексуальной деятельности. Тем же полиморфным, т.-е. инфантильным, предрасположением пользуется проститутка для своей профессиональной деятельности, а при колоссальном количестве проституирующих женщин и таких, которым следует приписать склон-

[1]) Havelock Ellis в добавлении к своему труду о „Geschlechtsgefühl“ (1903) приводит несколько автобиографических отчетов лиц, которые остались в дальнейшем большею частью нормальными, об их первых переживаниях в детстве и о поводах к этим переживаниям. Эти сообщения страдают понятно тем недостатком, что не содержат доисторического периода половой жизни, покрытого инфантильной амнезией, который может быть дополнен только при помощи психоанализа у ставшего нервнобольным индивида. Но эти сообщения все же ценны во многих отношениях, и распросы подобного же рода заставили меня сделать упомянутое в тексте изменение предполагаемой мной этиологии истерии.

ность к проституции, хотя они избегли этой профессии, становится, в конце концов, невозможным не признать в равномерном предрасположении ко всем перверзиям нечто общечеловеческое и первоначальное.

Частичные влечения.

Впрочем, влияние соблазна не помогает раскрыть первоначальные условия полового влечения, а только путает наше понимание его, давая ребенку преждевременно сексуальный об'ект, в котором детское сексуальное влечение не имеет пока такой потребности. Однако мы должны согласиться с тем, что детская сексуальная жизнь при всем преобладании господства эрогенных зон проявляет такие компоненты, для которых с самого начала имеются в виду другие лица как сексуальные об'екты. Такого рода компонентами являются находящиеся в известной независимости от эрогенных зон влечение к разглядыванию и показыванию себя и к жестокости, которые только позже вступают в тесную связь с генитальной жизнью, но уже в детском возрасте наблюдаются как самостоятельные устремления, сначала отделенные от эрогенной сексуальной деятельности. Маленький ребенок прежде всего бесстыден и в определенном возрасте проявляет недвусмысленное удовольствие от обнажения своего тела, подчеркивая особенно свои половые части. В противоположность к этой, считающейся перверзной, склонности любопытство при разглядывании половых органов других лиц проявляется, вероятно, в несколько старшем возрасте, когда препятствие от чувства стыда достигло уже некоторого развития. Под влиянием соблазна перверзия разглядывания может приобрести большое значение в сексуальной жизни ребенка. Все же из моего исследования детского возраста здоровых и нервно-больных я должен заключить, что влечение к разглядыванию может явиться у ребенка как самостоятельное сексуальное проявление. Маленькие дети, внимание которых направлено на собственные гениталии — большей частью мастурбационно — обыкновенно делают дальнейшие успехи без посторонней помощи и проявляют большой интерес к гениталиям своих товари-

щей. Так как случай удовлетворить такое любопытство создается большой частью только при удовлетворении обеих экскрементальных потребностей, то такие дети становятся voyeur'ами, усердно подглядывают, когда другие мочатся или испражняются. После наступившего вытеснения этой склонности, любопытство, направленное на гениталии других (своего или противоположного пола), сохраняются как мучительная навязчивость, которая становится источником сильнейших импульсов к образованию симптомов при некоторых невротических случаях.

Еще в бо̀льшей независимости от обычной, связанной с эрогенными зонами сексуальной деятельности развивается у ребенка компонент жестокости сексуального влечения. Детскому характеру вообще свойственна жестокость, так как задержка, удерживающая влечение к овладеванию от причинения боли другим, способность к состраданию, развивается сравнительно поздно. Основательный психологический анализ этого влечения, как известно, еще не удался; мы можем полагать, что жестокие душевные движения происходят из влечения к овладеванию и проявляются в сексуальной жизни в такое время, когда гениталии еще не получили своего позднейшего значения. Жестокость властвует в фазе сексуальной жизни, которую мы позже опишем как прегенитальную организацию. Дети, отличающиеся особенной жестокостью по отношению к животным и товарищам, справедливо вызывают подозрение в интенсивной и преждевременной сексуальной деятельности со стороны эрогенных зон, и при совпадении с преждевременной зрелостью всех сексуальных влечений эрогенная, сексуальная деятельность кажется все же первичной. Отсутствие задержки из сострадания несет с собой опасность, что эта, имевшая место в детстве, связь жестоких влечений с эрогенными окажется в жизни позже неразрушимой.

Болезненное раздражение кожи ягодиц известно всем воспитателям со времени исповеди J. J. Rousseau как эрогенный корень пассивного влечения к жестокости (мазохизма). Они правильно вывели из этого требование, что телесное наказание, которое большей частью осуществляется именно на этой части тела, не должно иметь места у всех тех детей,

у которых, благодаря позднейшим требованиям культурного воспитания, либидо может быть оттеснено на коллатеральные пути [1]).

Инфантильное сексуальное исследование.

Влечение к познанию.

Приблизительно к тому времени, когда сексуальная жизнь ребенка достигает своего первого расцвета, от 3-го до 5-го года, у него появляются также начала той деятельности, которой приписывают влечение к познанию или исследованию. Влечение к познанию не может быть причислено к элементарным компонентам влечений, но подчинено исключительно сексуальности. Его деятельность соответствует сублимированному способу овладевания, с другой стороны, оно работает энергией влечения к подглядыванию (Schaulust). Но его отношение к сексуальной жизни имеет особенное значение, потому что мы узнали из психоанализа, что влечение к познанию у детей поразительно рано и неожиданно интенсивным образом останавливается на сексуальных проблемах, может быть даже пробуждается ими.

---

[1]) На вышеизложенные утверждения об инфантильной сексуальности по существу мне дали право в 1905 г. результаты психоаналитического исследования взрослых. Непосредственные наблюдения над ребенком не могли тогда быть в полной мере использованы и дали только отдельные намеки и ценные подтверждения. С тех пор удалось, благодаря анализу отдельных случаев нервных заболеваний в раннем детском возрасте, непосредственно изучить инфантильную психосексуальность („Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen“, Bd. I, 1909, и следующие). С удовлетворением могу указать на то, что непосредственное наблюдение вполне подтвердило выводы психоанализа и этим дало хорошее доказательство того, что этот метод исследования заслуживает полного доверия.

„Анализ фобий пятилетнего мальчика („Jahrbuch“, Bd. I) научил, кроме того, еще многому новому, к чему не были подготовлены психоанализом, напр., тому, что сексуальная символика, изображение сексуального при помощи не сексуальных об‘ектов и отношений начинается с первых же лет того периода, когда ребенок научается говорить. Далее мое внимание обращают на недостаток вышеизложенного, в котором в интересах ясности различие в понятиях обеих фаз автоэротизма и любви к об‘екту описывается как различное и во времени. Но из упомянутого анализа (как и из сообщений Bell'а: см. в.) видно, что дети в возрасте от 3 до 5 лет способны на очень ясный, сопровождающийся сильными аффектами в ы б о р о б ‘ е к т а.

Загадка сфинкса.

Не теоретические, а практические интересы двигают работу исследовательской деятельности у ребенка. Угроза условиям его жизни вследствие известия и предположения о появлении нового ребенка, страх потерять в связи с этим событием заботу и любовь заставляют ребенка задуматься и развивают его проницательность. Первая проблема, которая его занимает, в соответствии с этой историей возникновения ее, не является вопросом о различии полов, а загадкой: откуда берутся дети? В искажении, которое легко исправить, это составляет также загадку, заданную фиванским сфинксом. Факт существования двух полов ребенок сперва воспринимает без раздумья и противодействия. Для мальчика является чем-то само собой понятным предположить у всех известных ему людей такие же гениталии, как его собственные, и кажется невозможным соединить отсутствие таких гениталий с его представлением об этих других людях. Мальчик крепко держится этого убеждения, упорно защищает его от возникающих возражений под влиянием наблюдения и отказывается от него только после тяжелой внутренней борьбы (кастрационный комплекс). Замещающие образования этого утерянного penis'a у женщины играют большую роль в тех формах, которые принимают разнообразные перверзии [1]).

Предположение о существовании у всех людей таких же (мужских) гениталий составляет первую замечательную и важную по своим последствиям инфантильную сексуальную теорию. Ребенку мало пользы от того, что биологическая наука оправдывает его предупреждение и видит в женском клиторе настоящую замену penis'a. Маленькая девочка не попадает во власть подобных отрицаний, когда она замечает иначе устроенные гениталии мальчика. Она немедленно готова признать их, и в ней пробуждается зависть по поводу penis'a, которая вырастает до желания, имеющего впоследствии важное значение,—также быть мальчиком.

[1]) С полным правом можно говорить о кастрационном комплексе у женщин. И мальчики, и девочки создают теорию, что и у женщины первоначально имелся penis, утерянный вследствие кастрации. Явившееся, в конце концов, убеждение в отсутствии penis'a у женщины оставляет у мужского индивида часто навсегда пренебрежительное чувство к другому полу.

Теория рождения.

Многие люди могут ясно вспомнить, как интенсивно в период, предшествующий половой зрелости, они интересовались вопросом, откуда берутся дети. Анатомическое разрешение вопроса было тогда различное: они появляются из груди, или их вырезывают из живота, или пупок открывается, чтобы выпустить их. О соответствующем исследовании в раннем детстве вспоминают очень редко вне анализа; исследование это давно подпало вытеснению, но результаты его были совершенно одинаковые. Детей получают от того, что что-то едят (как в сказках), и они рождаются через кишечник, как испражнения. Эти детские теории напоминают приспособления, встречающиеся в животном царстве, специально клоаку животных, стоящих ниже, чем млекопитающие.

Садистическое понимание сексуального общения.

Если дети в таком детском возрасте становятся свидетелями сексуального общения между взрослыми, к чему создает повод убеждение больших, что маленький ребенок не может понять еще ничего сексуального, то они могут понять сексуальный акт только как своего рода избиение или насилие, т.-е. в садистическом смысле. Психоанализ дает нам возможность также узнать, что такое впечатление в раннем детстве много способствует тому, что является предрасположением к позднейшему садистическому сдвигу сексуальной цели. В дальнейшем дети много занимаются проблемой, в чем же может заключаться половое общение или, как они это понимают, быть замужем или женатым, и по большей части ищут разрешение загадки в общности, которая выражается посредством функций мочеиспускания или испражнения.

Типичная неудача детского сексуального исследования.

В общем можно сказать о детских сексуальных теориях, что они являются отражением собственной сексуальной конституции ребенка, и, несмотря на их странные ошибки, ука-

зывают на бо̀льшее понимание сексуальных процессов, чем это можно было бы предполагать у их творцов. Дети замечают также и изменения от беременности матери и умеют их правильно истолковывать; сказка об аисте очень часто рассказывается слушателям, относящимся к ней с глубоким, но по большей части немым недоверием. Но так как для детского сексуального исследования остаются неизвестными два элемента: роль оплодотворяющего семени и существование женского полового отверстия,—впрочем, именно те пункты, в которых инфантильная организация еще отстала, старание инфантильных исследователей все же остается всегда бесплодным и кончается отказом от дальнейшего изыскания, который нередко оставляет навсегда ослабление влечения к познанию. Сексуальное исследование в этом раннем детском периоде ведется всегда в одиночестве; оно означает первый шаг к самостоятельной ориентировке в мире и ведет к большому отчуждению ребенка от окружающих его лиц, пользовавшихся до того полным его доверием.

Фазы развития сексуальной организации.

До сих пор мы подчеркивали как характерные признаки сексуальной организации, что она по существу автоэротична (находит свой об'ект на собственном теле), и что отдельные частичные влечения ее, в общем не связанные и независимые одно от другого, стремятся к наслаждению. Завершается развитие так называемой нормальной сексуальной жизнью взрослых, при которой получение наслаждения стало служить функции продолжения рода, и частичные влечения составили под приматом единственной эрогенной зоны твердую организацию для достижения сексуальной цели с посторонним сексуальным об'ектом.

Прегенитальные организации.

Изучение задержек и нарушений в этом процессе развития при помощи психоанализа позволяет нам узнать зачатки и предварительные ступени такой организации частичных влечений, которые составляют своего рода сексуальный режим. Эти фазы сексуальной организации нормально проте-

кают ровно, давая знать о себе только намеками. Только в патологических случаях они приходят в действие и становятся заметными и для грубого наблюдения.

Организации сексуальной жизни, в которых генитальные зоны еще не приобрели своего преобладающего значения, мы назовем прегенитальными. До сих пор мы узнали две таких организации, которые производят впечатление возврата к раннему животному состоянию.

Первой такой прегенитальной сексуальной организацией является оральная или, если хотите, каннибальная. Сексуальная деятельность еще не отделена здесь от принятия пищи, противоречия в пределах этих влечений еще не дифференцированы. Об'ект одной деятельности является одновременно и об'ектом другой, сексуальная цель состоит в поглощении об'екта, прообразе того, что позже как отождествление будет играть такую значительную психическую роль. Остаток этой фиктивной, навязанной нам патологией фазы организации можно видеть в сосании, при котором сексуальная деятельность, отделенная от деятельности питания, отказалась от постороннего об'екта ради об'екта на собственном теле [1].

Вторую прегенитальную фазу составляет садистически-анальная организация. Здесь уже развилась противоречивость, проходящая через всю сексуальную жизнь, но она еще не может быть названа мужской и женской, а должна называться активной и пассивной. Активность появляется благодаря влечению к овладеванию со стороны мускулатуры тела, а эрогенная слизистая оболочка кишечника проявляет себя, как орган с пассивной сексуальной целью; оба устремления имеют свои об'екты, однако не совпадающие. На-ряду с этим другие частичные влечения проявляют свою деятельность автоэротическим образом. В этом роде уже можно поэтому доказать сексуальную полярность и посторонний об'ект. Организации и подчинения функции продолжения рода еще нет.

---

[1]) Сравни работу Abraham'а об остатках этой фазы у взрослых невротиков, „Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwicklungsstufe der Libido“ („Internat. Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse“, IV, 1916).

Амбивалентность.

Эта форма организации может уже удержаться на всю жизнь и навсегда привязать к себе значительную часть сексуальной деятельности. Преобладание садизма и роль клоаки, присущая анальной зоне, придают ей яркий архаический характер. Другим признаком ее является то, что оба противоположенных влечения, об'единенных в пару, развиты почти одинаково, каковое отношение носит введенное Bleuler'ом удачное название — амбивалентность.

Предположение о прегенитальных организациях сексуальной жизни основано на анализе неврозов и вряд ли может быть понято без знания этого анализа. Мы можем рассчитывать, что продолжение аналитической работы даст нам еще больше данных относительно строения нормальной сексуальной функции.

Чтобы дополнить картину инфантильной сексуальной жизни, необходимо прибавить, что часто или всегда уже в детском возрасте делается выбор об'екта в такой форме, в какой мы обрисовали его как характерный для фазы развития при наступлении половой зрелости, а именно, что все сексуальные устремления направляются только на одно лицо, у которого хотят достичь своей цели. Это образует тогда самое большое приближение к окончательной форме сексуальной жизни после наступления половой зрелости, возможной в детском возрасте. Отличие от последней состоит только в том, что об'единение частичных влечений и подчинение их примату гениталий в детстве еще совсем не проведено или только очень неполно. Последняя фаза, проделываемая сексуальной организацией, состоит, следовательно, в том, что этот примат начинает служить продолжению рода.

Выбор об'екта в два срока.

Можно считать типичным, что выбор об'екта происходит в два срока, двумя толчками. Первый толчок начинается в возрасте между двумя и пятью годами и во время латентного периода приостанавливается или даже регрессирует; он отличается инфантильной природой своих сексуальных

целей. Второй начинается с наступлением половой зрелости и обусловливает окончательную форму сексуальной жизни.

Факт выбора об'екта в два срока, который в сущности сводится к действию латентного периода, приобретает, однако, громадное значение для нарушения этой окончательной формы сексуальной жизни. Результаты инфантильного выбора об'екта выражаются в более поздний период жизни; или они сохранились как таковые, или они оживают во время наступления половой зрелости. Вследствие развития вытеснения, имевшего место между этими двумя фазами, ими, как оказывается, невозможно воспользоваться. Их сексуальные цели подверглись умалению и теперь представляют собой то, что мы можем назвать нежным течением сексуальной жизни. Только психоаналитическое исследование может доказать, что за этой нежностью, обожанием и почтением скрываются старые, ставшие теперь негодными сексуальные стремления инфантильных частичных влечений. Выбор об'екта в период наступления половой зрелости должен отказаться от инфантильных об'ектов и снова начаться, как чувственное течение. Несовпадение обоих течений имеет часто следствием, что не может быть достигнут один из идеалов сексуальной жизни,—об'единение всех желаний на одном об'екте.

Источники инфантильной сексуальности.

Желая проследить происхождение сексуального влечения, мы до сих пор нашли, что сексуальное возбуждение возникает: a) как воспроизведение удовлетворения, пережитого в связи с другими органическими процессами; b) благодаря соответствующему раздражению периферических зон; c) как выражение некоторых, не совсем понятных нам по своему происхождению «влечений», как влечение к подглядыванию и жестокости. Психоаналитическое исследование, из более позднего периода возвращающееся к детству, и одновременное наблюдение над ребенком вместе показывают нам еще другие постоянные источники сексуального возбуждения. Наблюдение над детством имеет тот недостаток, что ведется над об'ектами, которые легко неправильно понять; психоанализ затрудняется тем, что может дойти

до своих об'ектов и до своих выводов, только долгими обходными путями; но при совместном действии можно достичь обоими методами достаточной степени уверенности познания.

При исследовании эрогенных зон мы уже нашли, что эти места кожи обнаруживают только своего рода раздражимость, которая в известной степени свойственна всей поверхности кожи. Мы не станем поэтому удивляться, когда узнаем, что некоторым видам общей раздражимости кожи нужно приписать очень ясное эрогенное действие. Среди них особенно подчеркиваем прежде всего температурные раздражения; может быть, таким образом мы поймем терапевтическое действие теплых ванн.

Механические возбуждения.

Далее мы должны здесь прибавить возможность вызвать сексуальное возбуждение ритмическими, механическими сотрясениями тела, при которых нам необходимо различать троякого вида раздражения: на чувственный аппарат вестибулярных нервов, на кожу и на глубокие части тела (мускулы, суставной аппарат). Ввиду появляющихся при этом ощущений наслаждения стоит особенно подчеркнуть, что в данном случае мы довольно часто можем одинаково употреблять понятие сексуальное «возбуждение» и «удовлетворение»; это возлагает на нас обязанность в дальнейшем искать этому об'яснения. Доказательством наслаждения вызываемого механическими сотрясениями тела служит, таким образом, тот факт, что дети так сильно любят пассивные игры-движения, как качание и подбрасывание, и беспрерывно требуют повторения их [1]). Укачивание, как известно, применяется для того, чтобы усыпить беспокойных детей. Сотрясение при катании в корыте и поездки по железной дороге оказывают такое захватывающее действие на более взрослых детей, что по крайней мере все мальчики когда-нибудь в жизни хотят стать кучерами и кондукторами. Тому, что происходит на железной дороге, они обыкновенно уделяют большой и загадочный интерес, и все происходящее

[1]) Многие лица могут вспомнить, что, качаясь на качелях, они чувствуют напор движущегося воздуха на гениталии прямо, как сексуальное удовольствие.

становится у них в возрасте, когда усиливается деятельность фантазии (незадолго до появления половой зрелости), ядром чистой сексуальной символики. Необходимость связывать поездку по железной дороге с сексуальностью исходит, очевидно, из сосательного характера двигательных ощущений. Если к этому прибавляется вытеснение, которое превращает в противоположное так много из того, чему дети оказывают предпочтение, то те же лица в юношеском возрасте или взрослые реагируют на качание тошнотой, сильно устают от поездки по железной дороге или проявляют склонность к припадкам страха во время путешествия и защищаются от повторения мучительного переживания посредством страха на железной дороге.

Сюда присоединяется непонятный еще факт, что совпадение испуга и механического сотрясения вызывает тяжелый истериформный травматический невроз. Можно, по крайней мере, полагать, что эти влияния, становящиеся при небольшой интенсивности источниками сексуального возбуждения, в очень большом количестве вызывают глубокое сотрясение сексуального механизма.

Работа мускулатуры.

Известно, что большая активная мускульная деятельность является потребностью для ребенка, от удовлетворения которой он черпает необыкновенное наслаждение. Утверждение, что это наслаждение имеет кое-что общее с сексуальностью, что это даже включает в себя сексуальное удовлетворение или может стать поводом к сексуальному возбуждению, может вызвать критические возражения, которые ведь будут направлены и против высказанных раньше утверждений, что наслаждение от ощущения пассивных движений имеет сексуальный характер или вызывает сексуальное возбуждение. Но многие рассказывают как несомненный факт, что первые признаки возбужденности в гениталиях они пережили во время драки или борьбы с товарищами; при этом положении, однако, помимо общего мускульного напряжения оказывает действие также прикосновение на большом протяжении кожи к противнику. Наклонность к мускульной борьбе с каким-нибудь лицом, как к словесной борьбе в более позднем

возрасте («Кто кого любит, тот того дразнит») принадлежит к хорошим признакам направленного на это лицо выбора об'екта. В том, что мускульная деятельность способствует сексуальному возбуждению, можно видеть один из корней садистического влечения. Для многих индивидов инфантильная связь между дракой и сексуальным возбуждением является предопределяющим моментом для избранного направления полового влечения [1]).

Аффективные процессы.

Меньшему сомнению подлежат остальные источники сексуального возбуждения ребенка. Непосредственным наблюдением и более поздним исследованием легко установить, что все интенсивные аффективные процессы, даже возбуждения от испуга передаются на сексуальность, что, впрочем может способствовать пониманию патогенного влияния таких душевных движений. У школьника страх перед экзаменом, напряжение перед трудно разрешимой задачей может приобрести большое значение, влияя на вспышку сексуальных проявлений и на отношение к школе, так как при подобных условиях часто появляется раздражающее чувство, заставляющее прикасаться к гениталиям, или процесс, похожий на поллюцию со всеми ее вызывающими смущение следствиями. Поведение детей в школе, ставящее перед учителем достаточно загадок, заслуживает вообще быть поставленным в связь с их зарождающейся сексуальностью. Возбуждающее сексуальность действие многих неприятных самих по себе аффектов, боязливости, ужаса, жути, сохраняется у многих людей и в зрелом возрасте и является об'яснением того, что так много людей гонятся за всяким удобным случаем, чтобы испытать подобные ощущения, если только определенные, привходящие обстоятель-

---

[1]) Анализ случаев невротических болезней—неспособности ходить и страха пространства—устраняет сомнение в сексуальной природе наслаждения от движения. Современное культурное воспитание, как известно, пользуется в широких размерах спортом, чтобы отвлечь молодежь от сексуальной деятельности; правильнее было бы сказать, что оно заменяет сексуальное наслаждение наслаждением от движения и направляет сексуальную деятельность обратно на один из ее автоэротических компонентов.

ства (принадлежность к призрачному миру, чтение, театр) притупляют серьезность неприятных ощущений.

Если бы можно было допустить, что интенсивные болезненные ощущения имеют такое же эрогенное действие, особенно если боль приглушена каким-нибудь привходящим обстоятельством или удерживается подольше, то в этом положении заключался бы главный корень садистически-мазохистического влечения, многообразный и сложный состав которого мы таким образом начинаем постепенно понимать.

Интеллектуальная работа.

Наконец, легко убедиться, что концентрация внимания на интеллектуальной работе и умственное напряжение вообще имеют следствием у многих юношей и людей зрелого возраста сексуальное возбуждение, которое должно считаться единственно верным основанием столь сомнительного об'яснения нервных заболеваний умственным «переутомлением».

Если мы окинем взором источники детских сексуальных возбуждений, согласно этим несовершенным и неполно перечисленным примерам и наброскам, то у нас является возможность предугадать или узнать следующие обобщения: повидимому, все сделано для того, чтобы процесс сексуального возбуждения—сущность которого, разумеется, стала для нас очень загадочной—был пущен в ход. Об этом прежде всего заботятся, более или менее непосредственным образом, возбуждения чувствительной поверхности—кожи и органов чувств,—и самым непосредственным образом—раздражения известных мест кожи, заслуживающих названия эрогенных зон. В этих источниках сексуального возбуждения решающее значение имеет качество раздражений, хотя и момент интенсивности (при боли) не совсем безразличен. Но, кроме того, в организме имеются такие приспособления, вследствие которых при многих внутренних процессах возникает как побочное явление сексуальное возбуждение, как только интенсивность этих процессов переходит известные количественные границы. То, что мы назвали частичными влечениями сексуальности, или непосредственно исходит из этих

внутренних источников сексуального возбуждения, или составляется из того, что дается этими источниками и эрогенными зонами. Возможно, что в организме не происходит ничего более или менее значительного, что не должно было бы отдавать своих компонентов для возбуждения сексуального влечения.

В настоящее время мне кажется невозможным довести эти общие положения до бо̀льшей ясности и уверенности, и я делаю за это ответственными два момента: во-первых, новизну всего образа мыслей и, во-вторых, то обстоятельство, что сущность сексуального возбуждения нам совершенно неизвестна. Но я не хотел бы отказаться от двух замечаний, обещающих открыть нам далекие горизонты.

Различные сексуальные конституции.

a) Подобно тому, как мы прежде видели возможность обосновать многообразие врожденных сексуальных конституций различным развитием эрогенных зон, мы можем то же самое попробовать и теперь, прибавив к этому еще непосредственные источники полового возбуждения. Мы можем допустить, что хотя эти источники дают притоки у всех людей, но не у всех людей они одинаково сильны и что предпочтительное развитие отдельных источников сексуального возбуждения способствует дальнейшей дифференциации различных сексуальных конституций [1]).

Пути взаимного влияния.

b) Оставляя образный способ выражения, которого так долго придерживались, говоря об «источниках» сексуального возбуждения, мы можем притти к предположению, что все соединительные пути, ведущие от других функций к сексуальности, должны быть проходимы и в обратном направле-

[1]) Обязательный вывод из вышеизложенного требует, чтобы каждому индивиду приписывалась оральная, анальная, уретральная и т. д. эротика, и что констатирование соответствующих этим эротикам душевных комплексов не означает суждения о ненормальности или неврозе. Различие, отличающее нормального человека от ненормального может состоять только в относительной силе отдельных компонентов сексуального влечения и в применении их в течении развития.

нии. Если, например, общее у обеих функций обладание зоны губ является причиной того, что при приеме пищи возникает сексуальное удовлетворение, то тот же момент об'ясняет нарушение в приеме пищи, если нарушены эрогенные функции общей зоны. Если нам известно, что концентрация внимания может вызвать сексуальное возбуждение, то нам навязывается предположение, что благодаря воздействию тем же путем, но только в обратном направлении, сексуальное возбуждение влияет на возможность на чем-нибудь сосредоточить внимание. Бо̀льшая часть симптоматологии неврозов, которую я об'ясняю нарушениями сексуальных процессов, выражается в нарушении других, не сексуальных телесных функций, и это непонятное до сих пор влияние становится менее загадочным, если оно представляет собой только параллель к тому влиянию, под которым находится продукция сексуального возбуждения.

Те же пути, однако, по которым сексуальные нарушения переходят на другие телесные функции, должны и при здоровьи сослужить и другую важную службу. По ним должно было происходить привлечение сексуальных сил влечений к другим не сексуальным целям, т.-е. сублимирование сексуальности. Мы должны закончить признанием, что об этих, несомненно имеющихся, вероятно проходимых в том и другом направлении путях,—нам известно еще очень мало достоверного.

III.

Преобразования при половом созревании.

С наступлением половой зрелости начинаются изменения, которым предстоит перевести инфантильную сексуальную жизнь в ее окончательные нормальные формы. Сексуальное влечение до того было преимущественно автоэротично, теперь оно находит сексуальный об'ект. До того его действия исходили из отдельных влечений и эрогенных зон, независимых друг от друга и искавших определенное наслаждение как единственную сексуальную цель. Теперь дается новая сексуальная цель, для достижения которой действуют совместно все частичные влечения, между тем как эрогенные зоны подчиняются примату генитальной зоны [1]). Так как новая сексуальная цель наделяет оба пола очень различными функциями, их сексуальное развитие принимает разное направление. Развитие мужчины последовательнее и более доступно нашему пониманию, между тем как у женщины наступает даже своего рода регресс. Порукой нормальности половой жизни служит только точное совпадение обоих, направленных на сексуальный об'ект и сексуальную цель течений, нежного и чувственного, из которых первое содержит в себе все, что остается из раннего инфантильного расцвета сексуальности. Это похоже на прокладку туннеля с двух сторон.

Новая сексуальная цель у мужчины состоит в отделении сексуальных продуктов; она абсолютно не чужда и прежней цели—достижению наслаждения, наоборот, максимальное

---

[1]) Изложенное в тексте схематическое описание старается подчеркнуть различие. Поскольку инфантильная сексуальность своим выбором об'екта приближается к окончательной сексуальной организации—указы-

количество наслаждения связано именно с этим конечным актом сексуального процесса. Сексуальное влечение начинает теперь служить функции продолжения рода; оно становится, так сказать, альтруистическим. Чтобы это превращение удалось, необходимо при этом процессе принимать во внимание первоначальное предрасположение и все особенности влечения.

Как и при всяком другом случае, когда в организме должны иметь место новые связи и соединения в сложные механизмы, так и здесь представляется возможность болезненных нарушений благодаря ненаступлению этого нового порядка. Все болезненные нарушения половой жизни с полным правом можно рассматривать как задержки в развитии.

Примат генитальной зоны и предварительное наслаждение (Vorlust).

Перед нашим взором ясно открываются исходный пункт и конечная цель описанного хода развития. Посредствующие переходы во многих отношениях для нас еще темны; мы должны будем оставить в них не одну загадку.

Самым существенным в процессах, сопровождающих наступление возмужалости, считали то, что больше всего бросается в глаза,—явный рост внешних гениталий, на которых латентный период детства отражается относительной задержкой роста. Одновременно и развитие внутренних гениталий продвинулось настолько вперед, что они оказываются в состоянии выделять половые продукты или воспринимать их для образования нового существа. Таким образом изготовился очень сложный аппарат, ждущий того, чтобы им воспользовались.

Этот аппарат должен быть пущен в ход, и наблюдения показывают нам, что до него могут дойти раздражения тремя путями: из внешнего мира, благодаря возбуждению уже известных нам эрогенных зон; из внутренних органов и— путями, которые еще предстоит исследовать, из душевной жизни, самой являющейся хранилищем внешних впечатлений и приемником внутренних возбуждений. Всеми тремя путями вызывается то же самое состояние, называемое «сексуальным возбуждением» и проявляющееся двоякого

рода признаками, душевными и соматическими. Душевные признаки состоят в своеобразном чувстве напряжения крайне импульсивного характера; среди разнообразных телесных изменений на первом месте стоит ряд изменений гениталий, имеющих несомненный смысл, а именно готовности, приготовления к сексуальному акту (эрекция мужского органа, появление влажности во влагалище).

Сексуальное возбуждение.

С характерным напряжением сексуальной возбудимости связана проблема, разрешение которой столь же трудно, как громадно ее значение для понимания сексуальных процессов. Несмотря на господствующее в психологии различие мнений по этому поводу, считаю нужным настаивать на том, что чувство напряжения должно носить в себе самом характер неприятного. Для меня является решающим, что такое чувство приносит с собой стремление к изменению психической ситуации, возбуждает к действию, что совершенно чуждо сущности испытываемого наслаждения. Если же причислить напряжение сексуальной возбужденности к неприятным чувствам, то сталкиваешься с фактом, что оно, вне всякого сомнения, переживается как приятное. Всюду примешивается наслаждение к напряжению, вызванному сексуальными процессами; даже при подготовительных изменениях в гениталиях ясно ощущается своего рода чувство удовлетворения. Какова связь этого неприятного напряжения с этим чувством наслаждения?

Все, что относится к проблеме «наслаждение-неудовольствие», затрагивает одно из самых больных мест современной психологии. Мы попробуем, по возможности, больше узнать об этом из условий имеющегося перед нами случая и избегнем подойти к проблеме в полном ее об'еме. Бросим сперва взгляд на тот способ, каким эрогенные зоны подчиняются новому порядку, При возникновении сексуального возбуждения они играют важную роль. Самая далекая от сексуального об'екта зона, глаз, при условиях ухаживания за об'ектом, оказывается чаще всего в таком положении, что возбуждается тем особым качеством возбуждения, повод к которому в сексуальном об'екте мы называем кра-

сотой. Процессы сексуального об'екта называются поэтому также «прелестями». С этим раздражением, с одной стороны, связано уже наслаждение, с другой стороны—следствием его является то, что сексуальная возбужденность повышается или вызывается. Если присоединяется возбуждение другой эрогенной зоны, например, нащупывающей руки, то получается такой же эффект, — с одной стороны, ощущение наслаждения, усиливающееся сейчас же благодаря наслаждению от изменений «готовности», а с другой стороны—дальнейшее усиление сексуального напряжения, скоро переходящего в вполне определенное неприятное чувство, если ему не дается возможность доставлять еще наслаждение. Более ясен может быть другой случай, например, когда у сексуально не возбужденного лица прикосновением раздражают эрогенную зону, хотя бы кожу на груди у женщины. Это прикосновение вызывает уже чувство наслаждения, но одновременно больше, чем что бы то ни было, способно разбудить сексуальное возбуждение, требующее нарастания наслаждения. В этом-то и заключается проблема: как происходит, что ощущаемое наслаждение вызывает потребность в еще бо́льшем наслаждении.

Механизм предварительного наслаждения.

Но роль, выпадающая при этом на долю эрогенных зон, ясна. То, что относилось к одной из них, относится ко всем. Назначение всех их привнести известное количество наслаждения, благодаря соответствующему раздражению; наслаждение повышает напряжение, которое, со своей стороны, должно дать необходимую моторную энергию, чтобы довести половой акт до конца. Предпоследняя часть его состоит опять-таки в соответствующем раздражении эрогенной зоны, самой генитальной зоны на glans penis посредством приспособленного для этого об'екта слизистой оболочки влагалища; под влиянием наслаждения, которое доставляет это возбуждение, на этот раз рефлекторным путем развивается моторная энергия, которая ведет к выделению половых секретов. Это последнее наслаждение, по своей интенсивности самое сильное, отличается по механизму своему от прежнего. Оно вызывается всецело разрешением этого напряжения, пред-

ставляет собой полностью наслаждение от этого удовлетворения, и с ним временно угасает напряжение либидо.

Мне кажется, что необходимо отметить это отличие в сущности наслаждения от возбуждения эрогенных зон от другого при выделении половых секретов и дать ему соответствующее название. Первое наслаждение может быть названо предварительным наслаждением (Vorlust) в противоположность конечному наслаждению (Endlust) или удовлетворению от сексуальной деятельности. Предварительное наслаждение представляет собой в таком случае то же самое, что и доставляемое инфантильным сексуальным влечением, хотя и в меньшей степени; конечное наслаждение ново, т.-е., вероятно, связано с условиями, возникшими только с наступлением половой зрелости. Формула для новой функции эрогенных зон гласит: ими пользуются для того, чтобы при посредстве получаемого от них, как и в инфантильной жизни, предварительного наслаждения сделать возможным наступление большего наслаждения от удовлетворения.

Недавно мне удалось об'яснить пример, взятый из совершенно другой области душевной деятельности, в котором также достигается больший эффект наслаждения, благодаря незначительному ощущению наслаждения, действующему при этом, как соблазнительная премия. Там явилась возможность ближе рассмотреть сущность наслаждения [1]).

Опасности предварительного наслаждения.

Однако связь предварительного наслаждения с инфантильной сексуальной жизнью подтверждается той патогенной ролью, которая может выпасть на ее долю. Из механизма, который принял в себя предварительные наслаждения, возникает, очевидно, явная опасность для возможности достижения нормальной сексуальной цели; опасность эта

---

[1]) Смотри появившийся в 1905 г. мой труд „Der Witz und seine Beziehung zum Unbewussten", возникающим вследствие техники остроты „предварительным" наслаждением пользуются для того, чтобы дать выход большему наслаждению благодаря уничтожению внутренних задержек.

наступает тогда, когда в каком-нибудь месте подготовительных сексуальных процессов предварительное наслаждение становится слишком большим, а соответствующее напряжение слишком незначительным. Тогда отпадает сила влечения к тому, чтобы дальше продолжать сексуальный процесс, весь путь сокращается и соответствующий подготовительный акт занимает место сексуальной цели. Этот случай, как известно, обусловлен тем, что соответствующая эрогенная зона или соответствующее частичное влечение давали уже в детском возрасте необыкновенное количество наслаждений. Если прибавляются еще моменты, способствующие фиксации, то в будущем легко создается навязчивость, противодействующая тому, чтобы это предварительное наслаждение подчинилось новой связи. Таков в действительности механизм многих перверзий, представляющий собой остановку на подготовительных актах сексуального процесса.

Если примат генитальной зоны предначерчен уже в детской инфантильной жизни, то легче всего избегнуть неудачной функции сексуального механизма по вине предварительного наслаждения. Для этого как будто действительно принимаются меры во второй половине детства (от 8 лет до наступления половой зрелости). В эти годы генитальные зоны ведут себя так, как во время зрелости; они становятся местом ощущений возбуждения и изменений «готовности», если ощущается какое-нибудь наслаждение от удовлетворения других эрогенных зон, хотя этот эффект остается еще бесцельным, т.-е. не способствует продолжению сексуального процесса. Таким образом уже в детском возрасте на-ряду с удовлетворением от наслаждения наступает известное количество сексуального напряжения, хотя менее постоянного и полного. Теперь мы можем понять, почему при исследовании источников сексуальности мы могли с таким же правом сказать, что соответствующий процесс действует в сексуальном отношении как удовлетворяюще, так и возбуждающе. Мы замечаем, что в процессе познавания мы сначала представили себе различие инфантильной и зрелой сексуальной жизни преувеличенно бòльшим и вносим теперь корректуру. Инфантильные проявления сексуальности предопределяют не только отступление от нормальной сексуальной жизни, но и нормальную его форму.

Проблемы сексуального возбуждения.

Для нас осталось совершенно необ'яснимым, откуда берется сексуальное напряжение, развивающееся одновременно с наслаждением при удовлетворении эрогенных зон, и какова сущность этого наслаждения [1]). Ближайшее предположение, что это напряжение получается каким-то образом из самого наслаждения, не только само по себе очень невероятно, оно отпадает, потому что при самом большом наслаждении, связанном с излиянием половых продуктов, не появляется никакого напряжения, а наоборот, всякое напряжение прекращается. Наслаждение и сексуальное напряжение могут поэтому быть связаны не прямым путем.

Роль сексуальных выделений.

Помимо факта, что при обычных условиях только освобождение от сексуальных выделений кладет конец сексуальному возбуждению, имеются еще и другие основания привести сексуальное напряжение в связь с сексуальными выделениями. У людей, живущих в воздержании, через различные, но правильные промежутки половой аппарат освобождается от сексуальных выделений ночью во время сновидения, представляющего сексуальный акт и сопровождающегося ощущением наслаждения. Относительно этого процесса—ночной поллюции—трудно отказаться от взгляда, что сексуальное напряжение, которое умеет найти короткий галлюцинаторный путь для замены акта, является функцией накопления семени в резервуарах для половых продуктов. В таком же смысле говорит опыт относительно истощимости сексуального механизма. При отсутствии запаса семени не только невозможно выполнение сексуального акта, исчезает также раздражимость эрогенных зон, соответствующее раз-

---

[1]) Очень поучительно, что немецкий язык употреблением слова „Lust"—наслаждение считается с упомянутой в тексте ролью подготовительного сексуального возбуждения, которое одновременно дает некоторое удовлетворение и некоторую сумму сексуального напряжения. „Lust" имеет двоякое значение, означая как ощущение сексуального напряжения (Ich habe Lust—я хотел бы, чувствую необходимость), так и удовлетворение.

дражение которых не может вызвать наслаждения. Попутно мы таким образом узнаем, что известная степень сексуального напряжения требуется даже для возбудимости эрогенных зон.

Таким образом приходится допустить, если я не ошибаюсь, довольно распространенный взгляд, что накопление сексуальных продуктов создает сексуальное напряжение и поддерживает его тем, что давление этих продуктов на стенки органов, в которых они заключаются, действует как раздражение на спинно-мозговой центр, состояние которого воспринимается высшими центрами и отражается в сознании как известное ощущение напряжения. Если возбуждение эрогенных зон повышает сексуальное напряжение, то это могло бы происходить только таким образом, что эрогенные зоны находятся в анатомической связи с этими центрами, повышают тонус возбуждения при достаточном сексуальном напряжении, приводят в действие сексуальный акт, а при недостаточном—вызывают продукцию половых выделений.

Слабость этого учения, которого придерживается, например, и Krafft Ebing в своем описании сексуальных процессов, состоит в том, что созданное для об'яснения половой деятельности зрелого мужчины обращает мало внимания на троякого рода обстоятельства, которым оно также должно дать об'яснение. Эти обстоятельства относятся к ребенку, к женщине и к мужскому кастрату. Во всех трех случаях не может быть и речи о накоплении половых продуктов, в таком же смысле, как у мужчины, что затрудняет простое применение схемы. Все же без дальнейшего нужно признать, что можно найти факты, дающие возможность подчинить этому учению также и указанные случаи. Все-таки приходится опасаться того, чтобы не приписать фактору накопления половых продуктов нечто такое, на что он, повидимому, неспособен.

Оценка внутренних половых частей.

Наблюдения над мужчинами-кастратами показывают, что сексуальное возбуждение может в значительной степени быть независимым от продукции половых секретов, так как

бывают случаи, что операция не оказывает влияния на либидо, хотя, как правило, наблюдается противоположное действие кастрации, являющееся и мотивом операции. Кроме того, давно известно, что болезни, уничтожившие продукцию мужских половых клеток, оставляют нетронутыми либидо и потенцию ставшего уже стерильным индивида. Поэтому не так уже удивительно, как C. Rieger это описывает, что потеря мужских зародышевых желез в зрелом возрасте может остаться без всякого влияния на душевное состояние индивида. Кастрация, совершенная в раннем возрасте, до наступления половой зрелости, хотя и приближается по своему влиянию к цели устранения половых признаков, однако при этом, кроме потери самих по себе половых желез, приходится принимать во внимание еще задержки в развитии других факторов, связанные с отпадением этих желез.

Химическая теория.

Опыты над животными с удалением зародышевых желез (яички и оварии) и соответствующе измененная пересадка новых таких органов у позвоночных животных (см. выше цитированный труд Lipschütz'а) пролили, наконец, отчасти свет на происхождение сексуального возбуждения и при этом еще уменьшили значение накопления клеточных половых продуктов. При помощи эксперимента стало возможным превратить (E. Steinach) самца в самку и обратно самку в самца, при чем менялось и психосексуальное поведение животного, в соответствии и одновременно с соматическим половым характером. Но это определяющее пол влияние имеет не та часть зародышей железы, которая производит специфические половые клетки (семянные нити и яичко), а интерстициальная ткань ее, которой авторы придают особое значение как «железе полового созревания». Очень возможно, что дальнейшие исследования покажут, что нормальная «железа полового созревания» имеет двуполое строение,—чем анатомически обосновывается учение о бисексуальности высших животных, и теперь уже вероятно, что она не единственный орган, имеющий отношение к продукции сексуального возбуждения и половых признаков. Во

всяком случае это новое биологическое открытие примыкает к тому, что нам уже раньше было известно о значении щитовидной железы в сексуальности. Мы можем допустить, что из интерстициальной части зародышевой железы выделяются особые химические вещества, которые воспринимаются кровью и заряжают определенную часть центральной нервной системы сексуальным напряжением,—как это нам известно относительно превращения токсического раздражения в особое раздражение органа другими посторонними для организма ядовитыми веществами. Каким образом возникает сексуальное возбуждение благодаря раздражению эрогенных зон, при бывшем заряжении центральных аппаратов, и какая смесь чисто токсических и физиологических раздражений получается при этих сексуальных процессах,—в настоящее время об этом несвоевременно строить даже гипотезы. Для нас достаточно держаться, как существенного в этом взгляде на сексуальные процессы предположения, что существуют особые вещества, происходящие из сексуального обмена веществ. Потому, что эта кажущаяся произвольной гипотеза подкрепляется вглядом, на который мало обращали внимания, но который очень его заслуживает. Неврозы, которые можно об'яснить только нарушениями сексуальной жизни, показывают самое большое клиническое сходство с феноменами интоксикации и воздержания, которые получаются при первичном употреблении доставляющих наслаждение ядовитых веществ (алкалоидов).

Теория либидо.

С этими предположениями о химической основе сексуального возбуждения прекрасно соглашаются наши представления и наше понимание психических проявлений сексуальной жизни. Мы выработали себе понятие о л и б и д о, как о меняющейся количественно силе, которая может измерять все процессы и превращения в области сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от энергии, которую следует положить вообще в основу душевных процессов, в отношении ее особого происхождения, и этим приписываем ей также особый качественный характер. Отделением либидинозной психиче-

ской энергии от другой мы выражаем наше предположение, что сексуальные процессы организма отличаются от процессов питания организма особым химизмом. Анализ перверзий и психоневрозов убедил нас в том, что сексуальное возбуждение возникает не только из так называемых половых частей, но из всех органов тела. У нас таким образом возникает представление об определенном количестве либидо, психически представленное, как мы говорили, Я — либидо (Ich libido), продукция которого, увеличение или уменьшение, распределение и сдвиг, должна дать нам возможность об'яснить наблюдаемые психосексуальные феномены.

Но аналитическое исследование этого «я—либидо» становится доступным только тогда, когда это либидо нашло психическое применение, чтобы привязаться к сексуальным об'ектам, т.-е. превратиться в об'ект-либидо. Мы видим тогда, как оно концентрируется на об'ектах, фиксируется на них или оставляет эти об'екты, переходит с них на другие и с этих позиций направляет сексуальную деятельность индивида, которая ведет к удовлетворению, т.-е. частичному, временному потуханию либидо. Психоанализ так называемых неврозов перенесения (истерия, невроз навязчивости) дает нам возможность убедиться в этом.

Относительно судеб об'ект-либидо мы можем еще узнать, что, будучи отнятым от об'ектов, оно остается витающим в состоянии напряжения и, наконец, возвращается к «я», так что оно снова становится «я-либидо». Я-либидо в противоположность к об'ект-либидо мы называем также нарцистическим либидо. Из психоанализа мы как через границу, переступить которую нам не дозволено, глядим в водоворот нарцистического либидо, и у нас составляется представление об отношении обеих форм либидо. Нарцистическое либидо или либидо-«я» кажется нам большим резервуаром, из которого высылаются привязанности к об'ектам, и в который они снова возвращаются; нарцистическая привязанность и либидо к «я» кажется состоянием осуществленным в первом детстве, только прикрытым благодаря поздним его отросткам, но в сущности оставшимся неизменным за их спиной.

Задача теории либидо невротических и психотических

заболеваний должна была бы состоять в том, чтобы выразить в терминах экономии—либидо все наблюдаемые феномены и предполагаемые процессы. Легко понять, что судьбы либидо будут при этом иметь самое большое значение, особенно в тех случаях, где дело идет об об'яснении глубоких психотических заболеваний. Трудность состоит в таком случае в том, что метод нашего исследования, психоанализ, пока дает нам верные сведения только о превращениях об'екта-либидо, а «я»-либидо он не может совершенно отделить от других действующих в «я» энергий[1]). Дальнейшее развитие теории либидо пока поэтому возможно только спекулятивным путем. Но если, по примеру C. G. Jung'a, слишком расширить понятие либидо, отождествляя его вообще с двигающей психической силой, то благодаря этому пропадают завоевания всех психоаналитических наблюдений.

Отделение сексуальных влечений от других и вместе с тем ограничение понятия либидо этими первыми находят сильное подкрепление в изложенном выше предположении об особом химизме сексуальной функции.

Дифференциация мужчины от женщины.

Известно, что только с наступлением половой зрелости устанавливается резкое отличие мужского и женского характера,—противоположность, оказывающая большое влияние на весь склад жизни человека, чем что бы то ни было другое. Врожденные мужские и женские свойства хорошо заметны уже в детском возрасте; развитие сексуальных задержек (стыда, отвращения, сострадания и т. д.) наступает у девочки раньше и встречает меньше сопротивления, чем у мальчика; наклонность к сексуальному вытеснению кажется вообще бо́льшей; там, где проявляются частичные влечения сексуальности, они предпочитают пассивную форму. Но автоэротическая деятельность эрогенных зон одинакова у обоих полов, и благодаря этому сходству в детстве отсутствует возмож-

[1]) Смотри „Zur Einführung des Narcismus", Jahrbuch der Psychoanalyse, II, 1913. Термин „нарцизм" создан не Naecke, как там по ошибке указано, а H. Ellis'ом. Русский перевод в этом же сборнике, стр. 117.

ность полового различия, как оно появляется после наступления половой зрелости. Принимая во внимание автоэротические и мастурбаторные сексуальные проявления, можно было бы выставить положение, что сексуальность маленьких девочек носит вполне мужской характер. Больше, если бы мы были в состоянии придавать понятиям «мужской» и «женский» вполне определенное содержание, то можно было бы защищать также положение, что либидо, всегда — и закономерно по природе своей — мужское, независимо от того встречается ли оно у мужчины или женщины и независимо от своего об'екта, будь то мужчина или женщина [1]).

С тех пор, как я познакомился с точкой зрения бисексуальности, я считаю этот момент решающим в данном случае и полагаю, что, не отдавая должного бисексуальности, вряд ли можно будет понять фактически наблюдаемые сексуальные проявления мужчины и женщины.

---

[1]) Необходимо понять, что понятия „мужской“ и „женский“, содержание которых по общепринятому мнению кажется таким недвусмысленным, принадлежат в науке к самым спутанным и подлаются разложению по меньшей мере в трех направлениях. Говорят мужской и женский, то в смысле активности и пассивности, то в биологическом, а также в социологическом смысле. Первое из этих трех значений — самое существенное и единственно применяемое в психоанализе. Соответственно этому значению, либидо выше в тексте называется мужским, потому что влечение всегда активно, даже тогда, когда поставило пассивную цель. Второе, биологическое значение мужского и женского, допускает самое ясное определение. Мужское и женское характеризуется здесь присутствием семенных клеток или женских яичек и обусловленных ими функций. Активность и побочные проявления ее, более сильное развитие мускулатуры, агрессивность, бо̀льшая интенсивность либило, обыкновенно сливаются с биологической мужественностью, но не связаны с ней обязательно, потому, что имеются породы животных, у которых этими свойствами наделены женские особи. Третье, социологическое значение, получает свое содержание благодаря наблюдению над действительно существующими мужскими и женскими индивидами. Эти наблюдения у людей показывают, что ни в психологическом, ни в биологическом смысле не встречается чистой мужественности или женственности. У каждой личности в отдельности наблюдается смесь ее биологических половых признаков с биологическими чертами другого пола и соединение активности и пассивности как поскольку эти психические черты зависят от биологических, так и поскольку они не зависят от последних.

Руководящие зоны у мужчины и у женщины.

Независимо от этого я могу прибавить только еще следующее: и у ребенка женского пола руководящая эрогенная зона находится в клиторе, следовательно, вполне гомологична мужской генитальной зоне у головки мужского органа. Все, что мне удалось узнать о мастурбации у маленьких девочек, относилось к клитору, а не к частям внешних гениталий, имеющим значение для последующей генитальной функции. Я сам сомневаюсь, может ли девочка под влиянием соблазна дойти до чего-нибудь другого, кроме мастурбации клитора, разве только в совершенно исключительном случае. Встречающиеся именно у девочек так часто самопроизвольные разрешения сексуальной возбужденности выражаются в судорожных сокращениях клитора, и частые эрекции его дают девочке возможность правильно и без специального поучения понимать сексуальные проявления другого пола, просто перенося на мальчиков ощущения собственных сексуальных процессов.

Кто хочет понять превращение маленькой девочки в женщину, тот должен проследить дальнейшую судьбу этой возбудимости клитора. Период полового созревания, приносящий мальчику такую большую вспышку либидо, проявляется у девочки в виде новой волны вытеснения, касающейся специально сексуальности клитора. При этом подпадает вытеснению известная доля мужской сексуальной жизни. Возникающее при этом вытеснении, в периоде полового созревания женщины, усиление сексуальных задержек ее вызывает раздражение либидо мужчины и ведет к усилению его сексуальной деятельности; с повышением либидо усиливается сексуальная переоценка, которая в полной мере может выразиться только по отношению к отказывающей, отрицающей свою сексуальность женщине. За клитором сохраняется тогда роль,—когда он при допущенном, наконец, сексуальном акте сам возбуждается,— передатчика этого возбуждения соседним частям женских гениталий, подобно тому, как щепка смолистого дерева употребляется для того, чтобы зажечь более твердое топливо. Часто проходит некоторое время, пока совершается эта передача, в течение которого молодая женщина остается анэсте-

тичной. Эта анэстезия может стать длительной, когда зона клитора не передает свою раздражительность, что подготовляется большой (мастурбаторной—прим. переводч.) деятельностью в детском возрасте. Известно, что часто анэстезия женщин — только кажущаяся, локальная. Они анэстетичны у входа во влагалище, но никоим образом не невозбудимы со стороны клитора или даже других эрогенных зон. К этим эрогенным поводам к анэстэзии присоединяются еще психические поводы, также обусловленные вытеснением.

Если перенесение эрогенной раздражимости от клитора на вход во влагалище удался, то вместе с этим у женщины изменилась зона, играющая руководящую роль в позднейшей сексуальной деятельности, между тем как у мужчины с детства сохраняется одна и та же зона. В этой перемене руководящей эрогенной зоны, так же как и в волне вытеснения с наступлением половой зрелости, которая как бы устраняет инфантильную мужественность, кроются главные причины предпочтительного заболевания женщин неврозом, особенно истерией. Эти условия, следовательно, теснейшим образом связаны с сущностью женственности.

Нахождение об'екта.

Между тем, как благодаря процессам полового созревания утверждается примат генитальной зоны, и появление эрекции мужского полового органа властно указывает на новую сексуальную цель, на проникновение в полость тела, возбуждающую генитальную зону, с психической стороны совершается процесс нахождения об'екта, подготовка к которому идет с раннего детства. Когда самое первое сексуальное удовлетворение было связано с принятием пищи, сексуальное влечение имело в материнской груди сексуальный об'ект вне собственного тела. Позже оно лишилось его, может быть как раз тогда, когда у ребенка появилась возможность получить общее представление о лице, которому принадлежит доставляющий ему удовлетворение орган. Обыкновенно половое влечение становится тогда автоэротичным, и только по преодолении латентного периода снова восстанавливается первоначальное отношение. Не без веского основа-

ния сосание ребенком груди матери стало прообразом всяких любовных отношений. Нахождение об'екта представляет собой в сущности вторичную встречу [1]).

Сексуальный об'ект во время младенчества.

Но от этой первой и самой важной сексуальной связи и после отделения сексуальной деятельности от приема пищи остается ещё значительная часть, подготовляющая выбор об'екта, т.-е. помогающая вернуть утерянное счастье. В течение всего латентного периода ребенок научается любить других лиц, помогающих ему в его беспомощности и удовлетворяющих его потребности, совершенно по образцу его младенческих отношений к кормилице, как бы продолжая эти отношения. Может быть, не согласятся отождествить нежные чувства и оценку ребенка, которые он проявляет к своим нянькам, с половой любовью; но я полагаю, однако. что более точное психологическое исследование докажет, что тождественность тех и других чувств не подлежит никакому сомнению. Общение ребенка со своими няньками составляет для него беспрерывный источник сексуального возбуждения и удовлетворения через эрогенные зоны, тем более, что эта нянька—обыкновенно это бывает мать—сама питает к ребенку чувства, исходящие из области ее сексуальной жизни, она ласкает, целует и укачивает его и относится к нему совершенно явно, как к полноценному сексуальному об'екту [2]). Мать, вероятно, испугалась бы, если бы ей раз'яснили, что она будит всеми своими нежностями сексуальное влечение ребенка и подготовляет будущую интенсивность этого влечения. Она считает свои действия проявлением асексуальной «чистой» любви, так как она тщательно избегает вызывать в гениталиях ребенка больше

[1]) Психоанализ показывает, что имеются два пути нахождения об'екта: во первых, описанный в тексте, который совершается, опираясь на прообраз раннего детства, и, во вторых, нарцистический, который ищет собственное „я" и находит его в другом. Этот последний имеет особенно большое значение для исхода процесса, но не имеет прямой связи с обсуждаемой здесь темой.

[2]) Тем, кому эти взгляды покажутся „кощунством", пусть прочтут разбор отношений между матерью и ребенком у Havelock Ellis'a, почти совпадающий по своему смыслу с нашими. („Das Geschlechtsgefühl, 16 стр.)

возбуждения, чем это необходимо при уходе за ребенком. Но половое влечение, как нам уже известно, можно разбудить не только возбуждая генитальную зону; то, что мы называем нежностью, в один прекрасный день непременно окажет свое влияние на генитальную зону. Если бы мать лучше понимала, какое большое значение имеют влечения для всей душевной жизни, для всех этических и психических проявлений, то она и после того, как узнала все это, все же чувствовала бы себя свободной от упреков. Она выполняет только свой долг, когда учит ребенка любить; пусть он станет дельным человеком с энергичной сексуальной потребностью и пусть совершит в своей жизни все то, на что толкает это влечение человека. Слишком много родительской нежности может стать, разумеется, вредным, так как ускоряет половую зрелость, а также и потому, что делает ребенка «избалованным», неспособным в дальнейшей жизни временно отказаться от любви или удовлетвориться меньшим количеством ее. Одним из несомненнейших признаков будущей нервозности является то, что ребенок оказывается ненасытным в своем требовании родительской нежности; а с другой стороны, именно невропатические родители, склонные по большей части к чрезмерной нежности, скорее всего будят своими ласками предрасположение ребенка к невротическому заболеванию. Из этого примера видно, впрочем, что у невротических родителей имеются еще более прямые пути, чтобы передать свою болезнь детям, чем по наследственности.

Инфантильный страх.

Сами дети с ранних лет ведут себя так, как будто их привязанность к няне по природе своей сексуальная любовь. Страх детей первоначально является только выражением того, что им не хватает любимого человека; поэтому они встречают всякого постороннего человека со страхом; они боятся темноты, потому что в темноте не видно любимого человека, и успокаиваются, если могут держать в темноте руку этого лица. Переоценивают значение всех детских испугов или жутких сказок нянек, когда обвиняют их в том, что они вызывают боязливость детей. Дети, склонные к страхам, воспринимают только такие сказки, которые на других детей

не производят никакого впечатления, а к страхам склонны дети с очень сильным или преждевременно развитым, или благодаря изнеженности ставшим слишком требовательным сексуальным влечением. Дитя ведет себя при этом как взрослый, превращая свое либидо в страх, когда он не в состоянии найти удовлетворение, и взрослый зато, став благодаря неудовлетворенному либидо невротичным, ведет себя в своем страхе, как ребенок, начинает бояться, оставаясь один, т.-е. без лица, в любви которого он уверен, и этот свой страх старается успокоить детскими мероприятиями [1]).

Ограничение инцеста.

Если нежность родителей к ребенку счастливо избегла того, чтобы так сильно разбудить преждевременно, т.-е. до наступления соответствующих телесных условий периода половой зрелости, сексуальное влечение ребенка, что душевные возбуждения явным образом прорываются к генитальной системе,—то она исполнила свою задачу руководства этим ребенком в зрелости при выборе сексуального об'екта. Понятно, ребенку легче всего или избрать своим сексуальным об'ектом тех лиц, которых он любит с детства, так сказать, притупленным либидо [2]). Но благодаря отсрочке сексуального созревания, получилось достаточно времени, чтобы на-ряду с другими сексуальными задержками воздвигнуть ограничение инцеста, впитать в себя те нравственные предписания, которые совершенно исключают при выборе об'екта любимых с детства лиц, кровных родственников. Соблюдение

---

[1]) Об'яснением о происхождении детского страха я обязан 3-х летнему мальчику; однажды я слышал, как он из темной комнаты просил: „Тетя, говори со мной: я боюсь, потому что так темно". Тетка ответила ему: „Что тебе с того? Ведь ты меня не видишь".—„Это ничего не значит,—ответил ребенок,—когда кто-нибудь говорит, то становится светло". Он боялся, следовательно, не темноты, а потому что ему не хватало любимого человека и мог обещать, что успокоится, как только получит доказательство его присутствия. Тот факт, что невротический страх происходит из либидо, представляет собой продукт превращения его, относится, следовательно, к либидо, как уксус к вину, является одним из самых значительных результатов психоаналитического исследования. Дальнейшее обсуждение этой проблемы см. в моих лекциях „Введение в психоанализ", где, однако, все же не дано окончательного об'яснения.

[2]) Сравни сказанное о выборе об'екта у ребенка: „нежное течение".

этого ограничения является прежде всего культурным требованием общества, которое должно бороться против поглощения семьей всех интересов, нужных ему для создания более высоких социальных единиц, поэтому общество всеми средствами добивается того, чтобы расшатать у каждого в отдельности, особенно у юношей, связь с семьей, имеющую только в детстве решающее значение [1]).

Но выбор об'екта производится сперва в представлении, и половая жизнь созревающего юношества может изживаться только в фантазии, т.-е. в представлениях, которые никогда не должны осуществиться [2]). В этих фантазиях у всех людей снова проявляются инфантильные склонности, теперь усиленные соматическим подчеркиванием; среди этих фантазий, закономерно и часто повторяясь, на первом месте находится дифференцированное уже благодаря половому притяжению сексуальное стре-

---

[1]) Ограничение инцеста принадлежит, вероятно, к историческим завоеваниям человечества и, подобно другим нравственным требованиям табу, зафиксировано у многих индивидов органическим унаследованием (Сравни мое сочинение „Тотем и табу", 1913). Все же психоаналитическое исследование показывает, как интенсивно еще каждый в отдельности в периоде своего развития борется с искушениями инцеста и как часто поддается им в своей фантазии и даже в действительности.

[2]) Фантазии в период полового созревания имеют связь с прекращенным в детстве инфантильным сексуальным исследованием и захватывают еще часть латентного периода. Они могут быть совсем, или по большей части, бессознательными, и поэтому часто невозможно точно установить сроки их появления. Они имеют большое значение для возникновения разных симптомов, так как являются непосредственной предварительной ступенью их, т.-е. представляют собой те формы, в которых находят свое удовлетворение вытесненные компоненты либидо. То же самое представляет собой то, что лежит в основе ночных фантазий, достигающих сознания, как сновидение. Сновидения часто представляют собой только воскресшие фантазии такого рода под влиянием и в связи с каким-нибудь дневным раздражением, застрявшим из состояния бодрствования („дневные остатки"). Среди сексуальных фантазий периода половой зрелости выделяются некоторые, отличающиеся тем, что всеобще распространены и отличаются большой независимостью от индивидуальных переживаний отдельного человека. Таковы фантазии о подслушивании полового общения родителей, о соблазне в раннем детстве любимым лицом, об угрозах кастрацией, фантазии о пребывании в утробе матери и даже о переживаниях в материнском чреве и так называемый „фамильный роман", в котором подрастающий юноша реагирует на различие его направленности

мление ребенка к родителям, сына к матери, и дочери к отцу [1]). Одновременно с преодолением и оставлением этих ясных инцестуозных фантазий совершается одна из самых значительных и самых болезненных психических работ периода полового созревания, освобождение от авторитета родителей, благодаря которому создается столь важное для культурного процесса—противоположность нового и старого поколения. На каждой из остановок на пути развития, который предстоит совершить отдельным индивидам, некоторое число их застревает, и таким образом имеются также лица, которые никогда не смогли освободиться от авторитета родителей и оторвать от них свою нежность совсем или отчасти. В большинстве случаев это девушки, которые, к радости родителей, сохраняют полностью свою детскую любовь далеко за период созрения, и тут очень поучительно наблюдать, что в последующем браке у этих девушек не хватает возможности дарить своим мужьям то, что им следует. Они становятся холодными женами и остаются анэстетичными в сексуальных отношениях. Отсюда ясно, что как будто несексуальная любовь к родителям и половая любовь питаются из того же источника, т.-е. первая соответствует инфантильной фиксации либидо.

Чем больше приближаешься к глубоким нарушениям психосексуального развития, тем очевиднее становится значение инцестуозного выбора об'екта. У психоневротиков вследствие отрицательного отношения к сексуальности значительная часть или вся психосексуальная деятельность, направленная на нахождение об'екта, остается в бессознательном.

к родителям в настоящее время и в детстве. Близкое отношение этих фантазий к мифу доказал O. Rank в своем труде: „Миф о рождении героев", 1909.

[1]) Правильно утверждают, что Эдиповский комплекс составляет комплексное ядро неврозов, представляя собой существенную часть содержания их. В нем завершается инфантильная сексуальность, оказывающая решающее влияние своим действием на сексуальность взрослых. Каждому новорожденному предстоит задача одолеть Эдиповский комплекс; кто не в состоянии это сделать, заболевает неврозом. Успех психоаналитической работы все яснее показывает это значение Эдиповского комплекса; признание его стало тем Шиболет (пароль), по которому можно отличить сторонников психоанализа от его противников.

[2]) Сравни сказанное о неизбежном роке в сказании об Эдипе („Толкование сновидений“).

Для девушек с очень большой потребностью в нежности и с таким же ужасом перед реальными требованиями сексуальной жизни непреодолимым искушением становится, с одной стороны, желание осуществить в жизни идеал сексуальной любви, а с другой стороны, скрыть свое либидо под нежностью, которую они могут проявлять без самоупреков, сохраняя на всю жизнь инфантильную, освеженную в период наступления половой зрелости склонность к родителям или братьям и сестрам. Психоанализ легко может доказать, что такие лица в обычном смысле слова влюблены в своих кровных родственников, скрывая при помощи симптомов и других проявлений болезни их бессознательные мысли и переводя их в сознание. Даже в тех случаях, когда человек, бывший прежде здоровым, заболел после несчастно пережитой любви, можно с несомненностью открыть, что механизм этого заболевания состоит в возвращении его либидо к предпочитаемым в детстве лицам.

Влияние инфантильного выбора об'екта.

Также и тот, кто счастливо избежал инцестуозной фиксации своего либидо, все же не свободен совершенно от ее влияния. Явным отзвуком этой фазы развития является серьезная влюбленность молодого человека, как это часто бывает, в зрелую женщину, или девушки в немолодого, обладающего авторитетом мужчину, которые могут оживить у них образ матери и отца [1]). Под более отдаленным влиянием этих прообразов происходит вообще выбор об'екта. Особенно мужчина ищет об'екта под влиянием воспоминаний о матери, поскольку они владеют им с самого раннего детства; в полном согласии с этим, если мать жива, она противится этому обновлению и враждебно встречает его. При таком значении детских отношений к родителям для выбора об'екта в будущем, легко понять, что всякое нарушение этих детских отношений имеет самые тяжелые последствия для сексуальной жизни в этом возрасте; и ревность любящих всегда имеет инфантильные корни или, по крайней мере, усиления из инфантильных переживаний. Раздоры между самими родите-

---

[1]) Смотри далее статью: „Об особом типе выбора об'екта у мужчины“, см. стр. 145.

лями, несчастный брак их, обусловливают самое тяжелое предрасположение к нарушению сексуального развития или невротического заболевания детей.

Инфантильная склонность к родителям является, пожалуй, самым важным, но не единственным из следов, которые, будучи освеженными при половом созревании, указывают путь выбору об'екта. Другие зачатки того же происхождения позволяют мужчине, все еще основываясь на переживаниях детства, направить свой выбор больше, чем только в один сексуальный ряд и создать совершенно различные условия для выбора об'екта [1]).

Предупреждение инверзии.

Возникающая при выборе об'екта задача состоит в том, чтобы не упустить противоположный пол. Она, как известно, разрешается не без некоторого нащупывания. Первые душевные движения после наступления половой зрелости часто— без особого, впрочем, вреда—бывают ложны. Dessoir вполне правильно обратил внимание на закономерность мечтательной дружбы юношей и молодых девушек с лицами одинакового пола и возраста. Самую большую силу, препятствующую тому, чтобы инверзия сексуального об'екта осталась навсегда, составляет несомненно та притягательная сила, которую оказывают друг на друга противоположные половые признаки; для об'яснения этого в нашем изложении ничего не может быть указано. Но фактор этот сам по себе недостаточен для того, чтобы исключить инверзию; к нему присоединяются еще другие моменты. Прежде всего сдерживающий авторитет общества; там, где инверзия не рассматривается как преступление, можно убедиться, что она вполне соответствует сексуальным склонностям многих индивидов. Далее, относительно мужчины можно допустить, что детские воспоминания о нежности матери и других женских лиц, попечению которых он в детстве был предоставлен, энергично содействуют тому, чтобы направить его выбор на женщину, между тем как испытанные со стороны отца в детстве сексуальное запу-

[1]) Бесчисленные особенности любовной жизни человека и навязчивость самой влюбленности можно вообще понять, только установив их отношение к детству и сохранившееся влияние этого детства.

гивание и положение соперника с ним отвлекают от одинакового с ним пола. Но оба момента имеют, однако, силу и для девушки, сексуальная деятельность которой находится под особой опекой матери. Таким образом создается враждебное отношение к своему собственному полу, которое оказывает решительное влияние на выбор об'екта в смысле, считающемся нормальным. Воспитание мальчиков мужчинами (рабами древнего мира), повидимому, способствовало гомосексуальности; несколько более понятной становится частота инверзии у современной знати, благодаря услугам мужской прислуги и благодаря меньшим личным заботам матерей о детях. У некоторых истеричных происходит так, что благодаря отсутствию в раннем детстве одного из родителей (смерть, развод, отчуждение), после чего оставшийся привлекает к себе всю любовь ребенка, создается условие, предрешающее пол выбираемого позже в сексуальные об'екты лица и вместе с тем и возможность постоянной инверзии.

Резюме.

Теперь будет своевременным попытаться резюмировать вышеизложенное. Мы исходили из уклонений полового влечения в отношении об'екта и цели его и встретились с вопросом, являются ли эти уклонения вследствие врожденного предрасположения или жизненных влияний. Ответ на этот вопрос вытекает из нашего взгляда на условия проявления полового влечения у психоневротиков, многочисленной и не далеко отстоящей от здоровых группы людей—взгляда, основанного на психоаналитическом исследовании. Мы нашли таким образом, что у этих лиц можно доказать склонность ко всем перверзиям как бессознательную силу, проявляющуюся в образовании симптомов, и могли сказать, что невроз представляет собой как бы негатив перверзии. Ввиду известного нам теперь большого распространения склонности к перверзии, мы вынуждены встать на ту точку зрения, что предрасположение к перверзии составляет общее первоначальное предрасположение полового влечения человека, из которого в течение периода созревания развивается нормальное сексуальное поведение, вследствие органических изменений и психических задержек. Мы надеемся, что сможем доказать первона-

чальное предрасположение в детском возрасте; среди сил, ограждающих направление сексуального влечения, мы подчеркиваем стыд, отвращение, сострадание и социальные конструкции морали и авторитета. Таким образом в каждом зафиксированном отклонении от нормальной сексуальной жизни мы должны были увидеть задержку в развитии и инфантилизм. Значение вариаций первоначального предрасположения мы должны были выдвинуть на первый план, а между ними и жизненными влияниями допустить соотношения кооперации, а не противоположности. С другой стороны, нам казалось, что так как первоначальное предрасположение должно было быть комплексным, то само половое влечение представлялось нам чем-то, состоящим из многих факторов, как бы распадающимся в перверзиях на свои компоненты. Таким образом перверзии казались нам, с одной стороны, задержками, с другой стороны—диссоциациями нормального развития. Оба взгляда сливались в предположении, что половое влечение взрослого образуется благодаря соединению многих душевных движений детской жизни в одно единство, одно стремление с одной единственной целью.

Мы прибавили еще об'яснение преобладания перверзных наклонностей у психоневротиков, смотря на них, как на коллатеральное наполнение побочных путей при преграждении главного русла течения благодаря «вытеснению», и затем обратились к рассмотрению сексуальной жизни ребенка [1]). Мы высказали сожаление по поводу того, что детскому возрасту отказывали в сексуальном влечении, и что часто наблюдаемые сексуальные проявления ребенка описывали как исключительные явления. Нам казалось, что ребенок приносит с собой на свет зародыши сексуальной деятельности и уже при приеме пищи получает сексуальное удовлетворение, которое старается постоянно снова испытать посредством хорошо известных актов «сосания» (Ludeln). Но сексуальная деятельность ребенка развивается не наравне с другими его

[1]) Это относится не только к возникающим в неврозе „негативу" склонностей к перверзии, но также и к положительным, называемым собственно перверзиями. Эти последние об'ясняются, следовательно, не только фиксацией инфантильных наклонностей, но и регрессией к ним вследствие преграждения других путей сексуального течения. Поэтому и положительные перверзии доступны психоаналитической терапии.

функциями, а регрессирует после короткого периода расцвета, от 2 до 5 лет, во время так называемого латентного периода. Продукция сексуального возбуждения в это время не прекращается, а продолжается и дает запас энергии, которая большей частью употребляется на другие не сексуальные цели, а именно, с одной стороны, на присоединение сексуальных компонентов к социальным чувствам, с другой стороны (при помощи вытеснения и реактивного образования), на созидание позднейшего сексуального ограничения. Таким образом силы, предназначенные для того, чтобы сдержать сексуальное влечение в определенных границах, созидаются в детском возрасте за счет по большей части перверзных сексуальных переживаний и при помощи воспитания. Другая часть инфантильных сексуальных переживаний не находит такого применения и может выразиться как сексуальная деятельность. В таком случае можно узнать, что сексуальное возбуждение ребенка исходит из различных источников. Прежде всего возникает удовлетворение благодаря соответствующему чувствительному возбуждению так называемых эрогенных зон, в качестве которых может функционировать, вероятно, любое место на коже и любой орган чувства, по всей вероятности любой орган, между тем как существуют известные замечательные эрогенные зоны, возбуждение которых благодаря определенным органическим механизмам обеспечено с самого начала. Далее возникает сексуальное возбуждение, как побочный продукт при целом ряде процессов в организме, как только они достигают определенной интенсивности, особенно при всяких сильных душевных потрясениях, хотя бы мучительных по своей природе. Возбуждения из всех этих источников еще не об'единяются, а только преследуют каждое в отдельности свою цель, состоящую только в испытании определенного наслаждения. Половое влечение, следовательно, в детстве н е с к о н ц е н т р и р о в а н о и сначала не имеет об'екта, а в т о э р о т и ч н о.

Еще во время детства начинает выделяться эрогенная зона гениталий—или таким образом, что, как всякая другая зона, дает удовлетворение при соответствующем чувствительном раздражении, или благодаря тому, что, не совсем понятным образом, вместе с удовлетворением из других источников одновременно вызывается сексуальное возбуждение, ста-

повящееся в особые отношения к генитальной зоне. Нам приходится пожалеть, что не удалось достаточно выяснить отношение между сексуальным удовлетворением и сексуальным возбуждением так же, как между деятельностью генитальной зоны и другим источниками сексуальности.

Благодаря изучению невротических страданий мы заметили, что в детской сексуальной жизни с самого начала наблюдаются зачатки организации сексуальных компонентов влечений. В первой очень ранней стадии на первом плане находится оральная (ротовая) эротика; вторая из этих прегенитальных организаций характеризуется преобладанием садизма и анальной эротики, только в третьей фазе сексуальная жизнь предопределяется участием собственно генитальной зоны.

Как один из самых неожиданных результатов, мы должны были установить, что этот ранний расцвет инфантильной сексуальной жизни (два—пять лет) включает в себя также и выбор об'екта со всей его богатой душевной деятельностью, так что связанную с ним соответствующую ему фазу, несмотря на недостаточное об'единение отдельных компонентов влечения и на неуверенность сексуальной цели, приходится считать самым значительным предтечей позднейшей сексуальной организации.

Факт двукратного начала сексуального развития у человека, т.-е. перерыв этого развития благодаря латентному периоду, казался нам достойным особого внимания. В нем, повидимому, заключается условие способности человека к развитию высшей культуры, но также и его склонность к неврозу. У родственных человеку животных, насколько мы знаем, нельзя доказать ничего аналогичного. Источников происхождения этой человеческой особенности следовало бы искать в древнейшей истории человеческого рода.

В каком размере сексуальная деятельность в детском возрасте может считаться нормальной, невредной для дальнейшего развития,—этого мы сказать не могли. Характер сексуальных проявлений оказался мастурбаторным. Далее опыт показал нам, что внешнее влияние соблазна может привести к преждевременному нарушению латентного времени до прекращения его, и что при этом половое влечение ребенка оказывается фактически полиморфно-перверзным; далее, что вся-

кая подобная ранняя сексуальная деятельность понижает способность ребенка поддаваться воспитанию.

Несмотря на неполноту наших знаний о детской сексуальной жизни, мы должны были сделать попытку изучить изменения ее, вызванные наступлением половой зрелости. Мы выбрали из них два изменения, как имеющие наибольшее значение: подчинение всех других источников сексуального возбуждения примату генитальной зоны и процесс выбора об'екта. Оба имеют прообразы уже в детской жизни. Первое изменение происходит благодаря механизму использования предварительного наслаждения, при чем обычно самостоятельные сексуальные акты, связанные с наслаждением и возбуждением, становятся подготовительными актами для новой сексуальной цели; опорожнение половых продуктов, достижение которого при огромном наслаждении приводит к концу сексуальное возбуждение. При этом нам нужно было принимать во внимание дифференциацию полового существа на мужчину и женщину, и мы нашли, что для того, чтобы превратиться в женщину, нужно проделать новое вытеснение, уничтожающее известную часть инфантильной мужественности и подготовляющее женщину к перемене, руководящей генитальной зоной. Наконец, мы нашли, что выбором об'екта руководит намечающаяся в инфантильном возрасте, обновленная при наступлении половой зрелости сексуальная склонность ребенка к его родителям и нянькам и благодаря возникшему тем временем инцестуозному ограничению направленная с этих лиц на сходных с ними. Прибавим еще, наконец, что во время переходного периода наступления половой зрелости, некоторое время соматические и психические процессы развития протекают параллельно, не связанные пока с прорывом интенсивного, душевного, любовного движения к иннервации гениталий, возникает требуемое нормальное единство любовной функции.

Нарушающие развитие моменты.

Всякий шаг на этом длинном пути развития может привести к месту фиксации, всякая спайка этого запутанного сочетания может стать поводом к диссоциации полового вле-

чения, как мы уже выяснили на различных примерах. Нам остается еще дать обзор различных, мешающих развитию внутренних и внешних моментов, и прибавить, в каком месте механизма возникает вызванное ими нарушение. То, что мы тут ставим в один ряд, может, разумеется, быть неравноценным, и мы должны считаться с трудностями при установлении соответствующего значения отдельных моментов.

Конституция и наследственность.

На первом месте тут можно назвать врожденное различие сексуальной конституции, которое имеет, вероятно, решающее значение, но о которой, как понятно, можно заключить только по ее поздним проявлениям, да и то не всегда с большой уверенностью. Под этим различием мы представляем себе преобладание того или другого из разнообразных источников сексуального возбуждения и полагаем, что подобное различие врожденного предрасположения во всяком случае должно найти себе выражение в конечном результате, даже если оно может оставаться в пределах нормального. Разумеется, мыслимы и такие вариации первоначального врожденного предрасположения, которые по необходимости и без посторонней помощи должны привести к образованию ненормальной сексуальной жизни. Их можно назвать «дегенеративными» и смотреть на них, как на выражение унаследованного ухудшения. В связи с этим должен указать на замечательный факт. Больше чем у половины подвергнутых мною психотерапевтическому лечению тяжелых случаев истерии, невроза навязчивости и т. д. мне с несомненностью удалось доказать сифилис у отцов до брака,—будь то tabes или прогрессивный паралич, будь то другое какое-нибудь анамнестически установленное люэтическое заболевание. Определенно подчеркиваю, что невротические впоследствии дети не имеют никаких телесных признаков lues'а, так что ненормальную сексуальную конституцию нужно рассматривать как последний отпрыск люэтического наследства. Как я ни далек от того, чтобы считать происхождение от сифилитических родителей постоянным или необходимым этиологическим условием невропатической конституции, я все же

считаю наблюдаемое мною совпадение неслучайным и не лишенным значения.

Наследственные условия положительно перверзных не так хорошо известны, потому что такие люди умеют укрываться от дачи сведений; все же есть основание полагать, что при перверзиях имеет значение то же, что и при неврозах. Нередко находят в тех же семьях перверзию и психоневроз распределенными между представителями различного пола таким образом, что мужские представители семьи, или один из них, положительно перверзны, а женские — соответственно склонности к вытеснению их пола—отрицательно перверзны, истеричны,—хорошее доказательство найденной нами существенной связи между обоими нарушениями.

Дальнейшая переработка.

Однако нельзя стоять на той точке зрения, будто одни только зачатки различных компонентов сексуальной конституции предрешают формы сексуальной жизни. Существуют зависимости и от других причин, и дальнейшие возможности возникают в зависимости от судьбы, которую испытывают сексуальные течения, исходящие из отдельных источников. Эта *дальнейшая переработка* является, очевидно, окончательно решающей, между тем как, судя по описанию, одинаковая конституция может привести к трем различным конечным исходам. Если сохраняются все врожденные предрасположения в их относительном взаимоотношении, считающемся ненормальным, и укрепляются с наступлением зрелости, то в результате может быть перверзная сексуальная жизнь. Анализ таких ненормальных конституциональных предрасположений еще недостаточно разработан, но все же нам уже известны случаи, которые легко об'ясняются подобными предрасположениями. Авторы думают, например, о целом ряде фиксационных перверзий, что необходимым условием их является врожденная слабость сексуального влечения. В такой форме это положение мне кажется неправильными, но оно приобретает смысл, если имеется в виду конституциональная слабость одного фактора сексуального влечения генитальной зоны, каковая впоследствии берет на себя функцию об'единения отдельных сексуальных

действий в целях продолжения рода. Это необходимое с наступлением половой зрелости об'единение должно в таком случае не удасться, и самый сильный из остальных компонентов проявит свою деятельность как перверзия [1]).

Вытеснение.

Другой результат получается тогда, когда в течение развития некоторые из особенно сильных врожденных компонентов подвергаются процессу вытеснения, о котором нужно помнить, что он представляет собой не то же самое, что полное прекращение. Соответствующие возбуждения вызываются при этом обычным образом, но благодаря психической задержке они не допускаются к достижению своей цели и оттесняются на различные другие пути, пока не проявятся как симптомы. В результате может получиться приблизительно нормальная половая жизнь—по большей части ограниченная,—но дополненная психоневротической болезнью. Как раз с такими случаями мы хорошо познакомились благодаря психоаналитическому исследованию невротиков. Сексуальная жизнь таких лиц началась так же, как и жизнь перверзных, значительная часть их детства заполняется перверзной сексуальной их деятельностью, которая иногда простирается далеко за период наступления зрелости; затем по внутренним причинам—по большей части еще до наступления половой зрелости, а в иных случаях даже гораздо позже,—происходит поворот вытеснения, и с этого момента вместо перверзии появляется невроз, хотя старые душевные движения не исчезают. Припоминается поговорка «в молодости гуляка, в старости монах», только молодость проходит здесь очень быстро. Эта смена перверзии неврозом в жизни того же лица должна быть так же, как и упомянутое прежде распределение перверзии и невроза между различными лицами той же семьи, приведена в связь с положением, что невроз представляет собой негатив перверзии.

---

[1]) При этом часто видишь, что с наступлением половой зрелости сперва проходит нормальное сексуальное течение, которое, однако, вследствие своей внутренней слабости терпит крушение при первых внешних препятствиях и сменяется регрессией к первой фиксации.

Сублимирование.

Третий исход при ненормальном конституциональном предрасположении становится возможным благодаря процессу «сублимирования», при котором исключительно сильным возбуждениям, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности из опасного самого по себе предрасположения. Один из источников художественного творчества можно найти здесь, и в зависимости от того, полное ли или неполное это сублимирование, анализ характера высоко одаренных, особенно имеющих способности к художественному творчеству лиц, откроет различную смесь работоспособности, перверзии и невроза. Особым видом сублимирования является подавление посредством реактивного образования, которое, как мы нашли, начинается уже в латентном периоде ребенка с тем, чтобы в благоприятном случае длиться в течение всей жизни. То, что мы называем «характером» человека, создано в значительной степени из материала сексуальных возбуждений и составляется из фиксированных с детства влечений, из приобретенных благодаря сублимированию и из таких конструкций, которые имеют своим назначением энергичное подавление перверзных, признанных недопустимыми душевных движений [1]). Таким образом общее перверзное сексуальное предрасположение детства может считаться источником наших добродетелей, поскольку оно дает толчок к развитию их посредством реакционных преобразований [2]).

---

[1]) За некоторыми чертами характера признана была даже связь с определенными эрогенными компонентами. Так, упрямство, скупость и любовь к порядку происходят из применения анальной эротики. Честолюбие предопределяется сильным уретрально-эротическим предрасположением.

[2]) Такой знаток человеческой души, как Э. Золя, описывает в „La joie de vivre“ девушку, которая в радостном самопожертвовании отдает любимым лицам все, что имеет и на что имеет притязание, свое имущество и свои надежды без награды с их стороны. В детстве эта девушка находилась во власти ненасытной потребности в нежности, которая превращается в жестокость, когда в одном случае оказано было предпочтение другой.

Пережитое случайно.

Все прочие влияния по своему значению далеко уступают сексуальным проявлениям, порывам вытеснения и сублимирования,—при чем внутренние условия последних процессов нам совершенно неизвестны. Кто причисляет вытеснение и сублимирование к конституциональным предрасположениям, рассматривая их как жизненные проявления этих предрасположений, тот имеет право утверждать, что конечная форма сексуальной жизни является прежде всего результатом врожденной конституции. Однако понимающий не будет оспаривать, что в такой совокупности факторов остается место и для модифицирующих влияний, случайно пережитого в детстве и позже. Не так легко оценить влияние конституциональных и случайных факторов и их взаимоотношение. В теории всегда склонны переоценить значение первых; терапевтическая практика подчеркивает значительность последних. Никоим образом не следует забывать, что между обоими имеется отношение кооперации, а не исключение. Конституциональный момент должен ждать переживания, которое способствует его проявлению. Случайный момент нуждается в поддержке конституции, чтобы оказать действие. Для большинства случаев можно представить себе так называемый «дополнительный ряд», в котором понижающаяся интенсивность одного фактора выравнивается благодаря повышающейся интенсивности другого фактора; но нет никакого основания отрицать существование крайних случаев на концах ряда.

Если предоставить переживаниям раннего детства преимущественное положение среди акцидентальных моментов, то это еще больше соответствует психоаналитическому исследованию. Один этиологический ряд разлагается в таком случае на два, из которых один можно назвать п р е д р а с п о л а г а ю щ и м (dispositionel) и другой о к о н ч а т е л ь н ы м (definitif). В первом оказывают действие совместно конституция и случайные переживания детства в такой же мере, в какой во втором влияют предрасположение и травматическое переживание. Все вредящие сексуальному развитию моменты проявляют свое действие таким образом, что вызывают р е г р е с с и ю, возврат к прежней фазе развития.

Здесь мы продолжаем осуществлять поставленную себе задачу — перечислить все известные нам мотивы, имеющие влияние на сексуальное развитие, будь то действующие силы или только их проявления.

Преждевременная зрелость.

Таким моментом является самопроизвольная сексуальная преждевременная зрелость, которую можно с несомненностью доказать в этиологии, по крайней мере, неврозов, хотя она одна сама по себе так же недостаточна, чтобы вызвать невроз, как и другие моменты. Она выражается в нарушении, сокращении или прекращении инфантильного латентного периода и становится причиной заболеваний, вызывая сексуальные проявления, которые, с одной стороны, благодаря неготовому состоянию сексуальных задержек, с другой стороны, вследствие неразвитой генитальной системы могут носить характер одних только перверзий. Эти наклонности к перверзии могут такими и остаться или же, после происшедшего вытеснения, стать творческими силами невротических симптомов; во всяком случае преждевременная сексуальная зрелость затрудняет желательную в дальнейшем возможность власти над сексуальным стремлением со стороны высших душевных инстанций и повышает навязчивый характер, который и без того приобретают психические представители влечения. Часто ранняя сексуальная зрелость идет параллельно преждевременному интеллектуальному развитию; как таковая она встречается в истории детства самых значительных и способных индивидов; тогда она, повидимому, не действует так патогенно, как в тех случаях, когда она появляется одна.

Временные моменты.

Точно так же, как преждевременная зрелость, должны быть рассмотрены и другие моменты, которые можно об'единить с преждевременной зрелостью как временные моменты. Повидимому, филогенетически предопределено, в каком порядке становятся активными те или другие влечения, и как долго они могут проявляться, пока не подвергнутся

влиянию появившегося нового влечения или вытеснению. Однако как в отношении этой временной последовательности, так и в отношении длительности активности влечений бывают, повидимому, вариации, которые должны оказать влияние на результат этих процессов. Не может не иметь значения, появляется ли какое-нибудь течение раньше или позже, чем противоположное ему течение, потому что влияние вытеснения нельзя устранить; временное изменение состава компонентов всегда влечет за собой изменение результата. С другой стороны, особенно интенсивно возникающие влечения часто протекают поразительно быстро, например, гетеросексуальная привязанность лиц, ставших впоследствии гомосексуальными. Возникающие в детском возрасте очень сильные стремления не оправдывают опасения, что они навсегда будут преобладать в характере взрослого; можно также рассчитывать, что они исчезнут, уступив место противоположным стремлениям. (Строгие господа недолго властвуют.) Чем об'ясняется подобная временная спутанность процессов развития, мы не в состоянии указать даже в виде намека. Здесь открывается перспектива глубокого ряда биологических, может быть, и исторических проблем, к которым мы еще не приблизились на боевое расстояние.

Цепкость.

Значение всех ранних сексуальных проявлений увеличивается благодаря психическому фактору неизвестного происхождения, который пока можно изобразить, разумеется, только временно, как психологический феномен. Я говорю о повышенной цепкости или способности к фиксации ранних впечатлений сексуальной жизни, которыми необходимо дополнить у будущих невротиков и у перверзных фактические данные, потому что такие же преждевременные сексуальные проявления не могут у других лиц запечатлеться так глубоко, чтобы навязчиво требовать повторения и предуказать сексуальному влечению его пути на всю жизнь. Об'яснение этой цепкости кроется отчасти, может быть, в другом психическом моменте, от которого мы не можем отказаться для об'яснения причин неврозов, а именно, в перевесе в душевной жизни значения воспоминаний в сравнении со

свежими впечатлениями. Этот момент, очевидно, зависит от интеллектуального развития и растет вместе с высотой личной культуры. В противоположность этому дикаря характеризуют «как несчастное дитя момента»[1]). Вследствие противоположной зависимости, существующей между культурой и свободным сексуальным развитием, последствия которой можно проследить глубоко в складе нашей жизни, на низких ступенях культуры или общественности так маловажно, а на высоких имеет такое большое значение, как протекла сексуальная жизнь ребенка.

Фиксация.

Только что упомянутые благоприятные психические моменты увеличивают значение случайно пережитых влияний детской сексуальности. Последние (в первую очередь соблазн со стороны других детей или взрослых) дают материал, который может при помощи первых зафиксировать и повлечь за собой стойкие нарушения. Значительная часть наблюдаемых позже отклонений от нормальной сексуальной жизни у невротиков и у перверзных с самого начала имеет своим основанием впечатления свободного будто бы от сексуальности периода детства. Причины, вызывающие эти отклонения, распределяются между предрасположением конституции, преждевременной зрелостью, способностью к повышенной цепкости и случайным возбуждением сексуального влечения благодаря постороннему влиянию.

Но неудовлетворительное заключение, к которому приводят эти исследования нарушений сексуальной жизни, состоит в том, что нам слишком мало известно о биологических процессах, в которых заключается сущность сексуальности, чтобы создать из наших отдельных взглядов теорию, достаточную для понимания нормального и патологического.

---

[1]) Возможно, что повышение цепкости является также следствием особенно интенсивных соматических сексуальных проявлений в ранние годы.

О НАРЦИЗМЕ.

Термин **нарцизм** заимствован нами из описанной P. Näcke в 1899 г. картины болезни. Термин этот применялся им для обозначения состояния, при котором человек относится к собственному телу, как к сексуальному об'екту, т.-е. любуется им с чувством сексуального удовольствия, гладит его, ласкает до тех пор, пока не получает от этого полного удовлетворения. Такая форма проявления нарцизма представляет из себя извращение, захватывающее всю область сексуальной жизни данного лица, и вполне соответствует тем представлениям и предположениям, с которыми мы обычно приступаем к изучению всех извращений.

Психоаналитические наблюдения обнаружили, что отдельные черты нарцистического поведения наблюдаются, между прочим, у многих лиц, страдающих другими болезненными явлениями; так, например, по Sadger'у, у гомосексуальных лиц. В конце концов, возникает предположение, что проявления либидо, заслуживающие название нарцизма, можно наблюдать в гораздо более широком об'еме, и им должно быть уделено определенное место в нормальном сексуальном развитии человека.

Такие же предположения возникают в связи с трудностями, встречающимися во время психоаналитического лечения невротиков, так как оказывается, что такое нарцистическое поведение больных ограничивает возможность терапевтически влиять на них. Нарцизм в этом смысле не является перверзией, а либидинозным дополнением к эгоизму инстинкта самосохранения, известную долю которого с полным правом предполагают у каждого живого существа.

С тех пор как сделана была попытка осветить психологию Dementia praecox (Kraepelin) или Schizophrenia

(Bleuler) с точки зрения теории либидо, явился новый важный повод к тому, чтобы заняться вопросом о первичном нормальном нарцизме. У таких больных, которых я предложил назвать парафрениками, наблюдаются две следующие основные характерные черты: бред величия и потеря интереса к окружающему миру (к лицам и предметам). Вследствие указанного изменения психики такие больные не поддаются воздействию психоанализа, и мы не можем добиться их излечения. Но необходимо более точно определить и выяснить признаки и особенности этого ухода парафреника от внешнего мира. Как у истерика, так и у невротика, страдающего навязчивыми состояниями, поскольку их болезнь отражается на их отношении к миру, нарушено нормальное отношение к реальности. Но анализ обнаруживает, что у таких больных тем не менее вовсе не утрачено эротическое отношение к людям и предметам, оно сохранено у них в области фантазии, т.-е., с одной стороны, реальные об'екты заменяются и смешиваются у них с воображаемыми образами, с другой стороны, они не делают никаких усилий для реального достижения своих целей, т.-е. для действительного обладания об'ектами.

Только для этих состояний либидо и следует сохранить употребляемое Jung'ом без строгого различия выражение: интроверзия либидо (Introversion der Libido). У парафреников дело обстоит иначе. У них, повидимому, либидо совершенно отщепилось от людей и предметов внешнего мира без всякой замены продуктами фантазии. Там, где такая замена как-будто наблюдается, дело идет, повидимому, о вторичном процессе, о попытке к самоизлечению, выражающейся в стремлении вернуть либидо об'екту [1]).

Возникает вопрос: какова же дальнейшая судьба либидо, отщепившегося при Schizophrenia от об'ектов? В этом отношении нам дает указание бред величия при этой болезни. Он образовался за счет либидо об'ектов. Либидо, оторвавшись от внешнего мира, обращается на собственное Я, и таким образом создается состояние, которое мы можем назвать нар-

[1]) По поводу этого положения сравни разбор „гибели мира“ в анализе президента сената Scherber'a, Jahrbuch für psychoanal. u. psychopath. Forschung., Bd. III. 1911; далее: Abraham, Die psychosexuellen Differenzen der Hysterie und der Dementia praecox. Zentralblatt für Nervenh. u. Psychiatrie, 1908.

цизмом. Но самый бред величия не является чем-то совершенно новым, а представляет из себя, как мы знаем, увеличение и выявление бывшего уже раньше состояния. Нарцизм парафреника, возникший вследствие перенесения либидо на собственное Я, является, таким образом, вторичным, появившимся на почве первичного, до того затемненного разнообразными влияниями.

Отмечу еще раз, что я не собираюсь раз'яснять или углублять здесь проблему Schizophrenia, а делаю только сводку того, что уже говорилось в другом месте, чтобы доказать необходимость включения нарцизма в общую схему развития либидо.

Третьим источником такого, как мне кажется, вполне законного дальнейшего развития теории либидо являются наши наблюдения над душевной жизью примитивных народов и детей и наше понимание их психики. У примитивных народов мы наблюдаем черты, которые могли бы быть приняты за проявления бреда величия, если бы встречались лишь в единичных случаях. Сюда относится громадная переоценка примитивными народами могущества их желаний и душевных движений, «всемогущество мысли», вера в сверх'естественную силу слова, приемы воздействия на внешний мир, составляющие «магию» и производящие впечатление последовательного проведения в жизнь представлений о собственном величии и всемогуществе[1]). Совершенно сходное отношение к внешнему миру мы предполагаем и у современного ребенка, развитие которого нам гораздо менее ясно[2]). Таким образом у нас создается представление о том, что первично либидо концентрируется на собственном Я, а впоследствии часть его переносится на об'екты; но по существу этот переход либидо на об'екты не окончательный процесс, и оно все же продолжает относиться к охваченным им об'ектам как тельце маленького протоплазматического существа относится к выпущенным им псевдоподиям. Мы, естественно, сначала не замечали этой доли либидо, так как исходили в нашем исследовании из невротических симптомов. Наше внимание

---

[1]) Смотри соответствующие отделы в моей книге „Totem u. Tabu“ (выпуск VI этой Библиотеки).

[2]) S. Ferenczi, Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes. Intern. Zeitschr. f. Ärzte. PSA., 1, 1913.

приковали к себе только эманации этого либидо, его способность привязываться к внешним об'ектам и снова обращаться во внутрь. Говоря в общих, более грубых чертах, мы видим известное противоречие между Я-либидо и об'ект-либидо. Чем больше расходуется и изживается одно, тем беднеи переживаниями становится другое. Высшей фазой развития об'ект-либидо кажется нам состояние влюбленности, которое рисуется нам как отказ от собственной личности вследствие привязанности к об'екту, и противоположность которого составляет фантазия (или внутреннее восприятие) параноика о гибели мира [1]). Наконец, что касается различных видов психической энергии, то мы полагаем, что сначала, в состоянии нарцизма, оба вида энергии слиты воедино, и наш грубый анализ не в состоянии их различить, и только с наступлением привязанности к об'ектам является возможность отделить сексуальную энергию в виде либидо от энергии влечений Я.

Прежде, чем продолжать, я должен коснуться еще двух вопросов, которые вводят нас в самую гущу всех трудностей этой темы. Во-первых: как относится нарцизм, о котором здесь идет речь, к автоэротизму, описанному нами как ранняя стадия либидо? Во-вторых: раз мы признаем, что либидо первично сосредоточивается на Я, то для чего вообще отличать сексуальную энергию влечений от несексуальной? Разве нельзя было бы устранить все трудности, вытекающие из отделения энергии влечений Я от Я-либидо и Я-либидо от об'екта-либидо, если мы предположим одну единую психическую энергию? Относительно первого вопроса я намечу следующее: совершенно неизбежно предположение, что единство личности Я не имеется с самого начала у индивида: ведь Я должно развиться, тогда как автоэротические влечения первичны; следовательно, к автоэротизму должно присоединиться еще кое-что, еще какие-то новые переживания для того, чтобы мог образоваться нарцизм.

Требование дать определенный ответ на второй вопрос должно вызвать у всякого психоаналитика определенно

---

[1]) **Имеются два механизма этой гибели мира, один—когда все либидо переносится на любимый об'ект, другой—когда оно целиком возвращается к Я.**

неприятное чувство. С одной стороны, стараешься не поддаться этому чувству, вызванному тем, что оставляешь область непосредственных наблюдений ради бесплодных теоретических споров, а с другой стороны, все же нельзя избежать необходимости хоть попытаться дать об'яснение явлениям, с которыми сталкиваешься. Несомненно, представления вроде Я-либидо, энергия влечений и т. п. не отличаются ни особенной ясностью, ни богатством содержания; спекулятивная теория этих отношений исходила бы прежде всего из точного определения этих понятий. Однако, по моему мнению, в этом-то и заключается ризличие между спекулятивной теорией и наукой, которая создается посредством об'яснения эмпирических данных. Последняя охотно уступает спекулятивному умозрению все преимущества гладкой, логически безупречной обоснованности и готова удовлетвориться туманными, едва уловимыми основными положениями, надеясь по мере своего развития ясно их определить и, быть может, заменить их другими. Не эти идеи образуют ту основу, на которой зиждутся все построения нашей науки; такой основой является исключительно наблюдение. Идеи же эти составляют не самый нижний фундамент всего научного здания, а только верхушку, крышу его, и могут быть сняты и заменены другими без всякого вреда для целого. В последнее время мы переживали подобное явление в физике, основные воззрения которой о материи, центрах силы, притяжении и т. п. вряд ли внушают меньше сомнений, чем соответствующие положения в психоанализе.

Ценность понятий Я-либидо, об'ект-либидо заключается в том, что они возникли благодаря переработке самых детальных незначительных особенностей невротических и психотических процессов. Подразделение либидо на относящееся к Я и на связанное с об'ектами непосредственно вытекает из первого положения, отделяющего сексуальное влечение от влечений Я. Такое подразделение предписывается анализом чистых неврозов перенесения (истерии, навязчивых состояний), и я знаю только одно, — что все другие попытки об'яснить эти феномены потерпели полную неудачу.

При полном отсутствии какого-либо учения о влечениях, дающего возможность ориентироваться в этом вопросе, вполне допустимо или, лучше, даже необходимо проверить какое-ни-

будь одно предположение, последовательно проводя его до тех пор, пока оно не окажется несостоятельным или не подтвердится вполне. В пользу предполагаемого первичного подразделения на сексуальные влечения и влечения Я говорит, помимо удобства такого подразделения для аналитического изучения «неврозов перенесения», еще и многое другое. Я согласен, что один этот момент мог бы допускать еще и другое об'яснение, так как в таком случае дело шло бы об индифферентной психической энергии, становящейся либидо лишь благодаря акту привязанности к об'екту. Но, во-первых, разделение этих понятий соответствует общепринятому подразделению первичных влечений на голод и любовь. Во-вторых, в пользу его говорят биологические соображения. Индивид действительно ведет двойное существование — как самоцель и как звено в цепи, которой он служит против или, во всяком случае, помимо собственной воли. Даже сексуальность он принимает за нечто вполне соответствующее своим желаниям, между тем как, с другой точки зрения, сексуальность является только придатком к его зачаточной плазме, которому он отдает все свои силы в награду за наслаждение, являясь смертным носителем, быть может, бессмертной субстанции, подобно владельцу майоратного имущества, представляющему из себя только временного владельца переживающего его майоратного института. Подразделение на влечения Я и сексуальные влечения в таком случае явилось бы только выражением двойной функции индивида. В-третьих, необходимо помнить, что все временно нами допущенные психологические положения придется когда-нибудь перенести на почву их органической основы. Весьма вероятно, что тогда окажется, что особенные вещества и химические процессы выражаются в виде сексуальности, и через их посредство индивидуальная жизнь становится продолжением жизни рода. Мы считаемся с такой возможностью, подставляя вместо особых химических веществ соответствующие особые химические силы.

Именно потому, что я всегда стараюсь устранить из области психологии все чуждое ей, в том числе и биологическое мышление, я хочу в данном случае вполне определенно признать, что допущение отдельных влечений Я и сексуальных, т.-е. теория либидо, меньше всего зиждется на психо-

логических основах и по существу обоснована биологически. Я буду поэтому достаточно последовательным и откажусь от этого положения, если психологическая работа покажет, что по отношению к влечениям более удобно пользоваться другим предположением. До сих пор этого нет. Возможно, что сексуальная энергия либидо в глубочайшей основе своей и в конечном результате составляет только продукт дифференциации энергии, действующей вообще в психике. Но такого рода утверждение не имеет никакого значения. Оно относится к вещам, столь отдаленным от проблем, связанных с нашими наблюдениями, и имеет так мало фактического содержания в смысле положительных знаний, что с ним одинаково не приходится ни считаться, ни оспаривать его. Весьма возможно, что это первичное тождество энергии так же мало имеет общего с тем, что представляет для нас интерес с аналитической точки зрения, как первоначальное родство всех человеческих рас,— с требуемым властью доказательством родства с покойником, оставившим наследство, для утверждения в правах наследства. Все эти рассуждения ни к чему не приводят; так как мы не можем ждать, пока какая-нибудь другая научная дисциплина преподнесет нам стройное и законченное учение о влечениях, то для нас гораздо целесообразнее попытаться узнать, какой свет может пролить на эти основные биологические загадки синтез психологических феноменов. Примиримся с возможностью ошибки, и пусть это не удержит нас от того, чтобы последовательно проводить вышеупомянутое предположение о противоположности влечений Я и сексуальных, которое стало для нас неизбежным выводом из анализа неврозов перенесения; но посмотрим далее, сможем ли мы плодотворно развивать такие предположения, не впадая во внутренние противоречия, и удастся ли нам применить их и при других заболеваниях, например при шизофрении.

Дело обстояло бы, разумеется, совершенно иначе, если бы было приведено доказательство, что теория либидо оказалась несостоятельной при Schizophrenia. C. G. Jung это утверждает[1]), чем и принудил меня высказать все вышеизложен-

---

[1]) Wandlungen und Symbole der Libido. Jahrbuch für psychoanal. u. psychopath. Forschung, 1911. Bd. IV.

ное, хотя я охотно воздержался бы от этого. Я предпочел бы молчаливо итти дальше той же дорогой, которую избрал в анализе случая Schreber'а, не касаясь тех основных положений, из которых я исходил. Но утверждение Jung'а, по меньшей мере, слишком поспешно. Приводимые им доказательства очень недостаточны. Сначала он ссылается на мое же собственное показание, утверждая, будто я сам почувствовал себя вынужденным ввиду трудностей анализа Schreber'а расширить понятие либидо, т.-е. отказаться от его чисто сексуального значения и допустить полное отождествление либидо с психическим интересом вообще. Ferenczi[1]) в исчерпывающей критике работы Jung'а изложил уже все, что необходимо было для исправления такого неправильного толкования моих слов. Мне остается только согласиться с названным критиком и повторить, что я никогда и нигде не заявлял о таком отказе от теории либидо, Второй аргумент Jung'а, что трудно допустить, чтобы потеря нормальной функции реального могла быть обусловлена исключительно отщеплением либидо от своих об'ектов, представляет из себя не доказательство, а декрет; it begs the question, этот аргумент предрешает вопрос и делает всякое обсуждение его излишним, потому что вся суть вопроса в том и заключается, что именно нужно доказать, возможно ли это, и если возможно, то каким образом. В следующей своей большой работе Jung близко подошел к намеченному мною уже давно решению вопроса: «При этом нужно еще во всяком случае принять во внимание—на что, впрочем, ссылается Freud в своей работе о Schreber'е,—что интроверзия Libido sexualis ведет к концентрации его на Я, вследствие чего, может быть, и наступает потеря функции реальности. В самом деле, возможность об'яснить таким образом психологию потери функций реальности очень соблазнительна». Но он не останавливается долго на этой возможности. Несколькими страницами ниже он отделывается от этого взгляда замечанием, что при таких условиях создалась бы психология аскетического анахорета, но не Dementia praecox. Как мало таким неподходящим срав-

[1]) S. Ferenczi. Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse 1913, Bd. I, S. 4.

[2]) C. G. Jung. Versuch einer Darstellung der Psychoanalytischen Theorie. Jahrbuch für psychoanal. u. psychopathol. Forschung, Bd. V. 1913.

нением можно разрешить вопрос, показывает соображение, что у такого анахорета, «стремящегося искоренить в себе всякий след сексуального интереса» (но только в популярном значении слова «сексуальный»), вовсе не должны непременно проявляться признаки патогенного приложения его либидо. Он может совершенно потерять сексуальный интерес к человеку, но сублимировать его, выказывая повышенный интерес к божественному, к природе, к животному миру, при чем либидо его не подвергается интроверзии на область фантазии и не возвращается к Я. Такое сравнение, повидимому, наперед не допускает возможности отличать интересы, исходящие из эротических источников, от всякого рода других интересов. Вспомним далее, что исследования швейцарской школы, при всех ее заслугах, об'яснили только два пункта в картине Dementia praecox: существование при этой болезни тех же комплексов, какие встречаются и у здоровых людей и у невротиков, и сходство фантазий таких больных с народными мифами. Но, помимо этого, они не могли пролить света на механизм заболевания. А потому мы считаем неверным утверждение Jung'a, что теория либидо оказалась не в состоянии об'яснить Dementia praecox, вследствие чего она потеряла значение и по отношению к другим неврозам.

2.

Непосредственное изучение нарцизма, как мне кажется, встречает особые препятствия. Основным подходом к такому изучению останется, пожалуй, анализ парафрении. Подобно тому, как «неврозы перенесения» (Uebertragungsneurosen) дали нам возможность проследить либидинозные проявления влечений, так изучение Dementia praecox и Paranoia позволит нам понять психологию Я. И опять мы должны будем составить себе представление о том, что кажется простым у нормального человека на основании изуродованного и преувеличенного в патологических случаях. Но нам все же открываются еще некоторые другие пути, ведущие к более близкому знакомству с нарцизмом, и их-то я хочу по порядку описать. Пути эти составляет изучение психологии больного органической болезнью, психологии ипохондрии и проявлений любовного чувства у обоих полов.

В оценке влияния органической болезни на распределение либидо, я следую указаниям, полученным мною в беседе от S. Ferenczi. Как всем известно и кажется вполне понятным, человек, мучимый органической болью и неприятными ощущениями, теряет интерес к об'ектам внешнего мира, поскольку они не относятся к его страданиям. Более точное наблюдение показывает, что у него пропадает также и либидинозный интерес, он перестает любить, пока страдает. Банальность этого факта не должна нам помешать описать его, пользуясь терминологией теории либидо. Мы сказали бы в таком случае: больной сосредоточивает свое либидо на своем Я, отнимая его у об'ектов, с тем, чтоб по выздоровлении вернуть его им. W. Busch говорит о поэте, страдающем зубной болью: «Душа пребывает исключительно в тесной ямке бокового зуба». Либидо и интересы Я испытывают при этом одну и ту же участь, и тогда их снова нельзя отделить друг от друга. Известный эгоизм больных берет верх над всеми интересами без исключения. Мы находим это вполне понятным, потому что прекрасно знаем, что, находясь сами в таком же положении, будем вести себя также. Исчезновение самого сильного любовного порыва вследствие телесных заболеваний и смена его полным равнодушием составляет тему, которая находит широкое применение в юмористической литературе.

Как болезнь, так и состояние сна связано с нарцистическим возвратом либидо к самому себе или, точнее говоря, к единственному желанию спать. В полном согласии с этим находится и эгоизм сновидений. В обоих случаях мы имеем дело ни с чем другим, как с изменением распределения либидо вследствие изменения Я-комплексов.

Ипохондрия, как и органическая болезнь, выражается в мучительных болезненных физических ощущениях и влияет на распределение либидо совершенно так же, как физическое заболевание. У ипохондрика исчезает интерес, как и либидо,— последнее особенно ясно—по отношению к об'ектам внешнего мира, и оба концентрируются на занимающем его внимание органе. Различие между ними в одном: при органической болезни мучительные ощущения являются следствием физических изменений, которые можно об'ективно доказать, а при ипохондрии этого нет. Но, оставаясь верным общему

духу нашего обычного понимания патологических процессов при неврозах, мы могли бы высказать взгляд, что известная доля правды имеется и в ипохондрических представлениях, что кое-каких изменений в органах и при ипохондрии не может не быть. В чем же могли бы состоять такие изменения? В этом случае нами должно руководить то наблюдение, что и при других неврозах имеются физические ощущения неприятного свойства, сходные с ипохондрическими. Я уже однажды проявил склонность присоединить ипохондрию как третий актуальный невроз к неврастении и неврозу страха. Не будет, вероятно, преувеличением, если я скажу, что и при других неврозах, как правило, развивается также и известная доля ипохондрии. Лучше всего это можно наблюдать при неврозе страха и при развившейся на его почве истерии. Гениталии в состоянии возбуждения представляют из себя образец такого болезненно-чувствительного, известным образом измененного, но в обычном смысле здорового органа. К ним направлен большой приток крови, они разбухли, пропитаны влагой и являются источником разнообразных ощущений. Если мы назовем функцию какого-нибудь органа, состоящую в том, что из этого органа посылаются в психику сексуально возбуждающие раздражения, его эрогенностью, и если вспомним, что, по соображениям, вытекающим из сексуальной теории, мы уже давно усвоили себе то положение, что гениталии могут быть заменены другими частями тела, так называемыми эрогенными зонами, то нам остается в данном случае сделать еще только один шаг. Нам нужно решиться видеть в эрогенности общее свойство всех органов тела, и мы сможем тогда говорить о повышении или понижении этой эрогенности в том или другом месте организма. Параллельно с каждым таким изменением эрогенности в органах могла бы изменяться концентрация либидо на Я. В этих моментах мы должны искать первопричину ипохондрии, считая, что они могут иметь на распределение либидо такое же влияние, какое имеет органическое заболевание какого-нибудь органа.

Нетрудно заметить, что, следуя такому ходу мыслей, мы наталкиваемся на проблему не только ипохондрии, но и других актуальных неврозов, неврастении и невроза страха. Но ограничимся вышеизложенным и не будем переступать

границы психологии при изучении чисто психологических явлений, углубляясь так далеко в область физиологического исследования. Достаточно только упомянуть, что, исходя из данной точки зрения, можно предположить, что ипохондрия находится в таком же отношении к парафрении, в каком другие актуальные неврозы находятся к истерии и неврозу навязчивости, т.-е. зависят в такой же степени от Я-либидо, как те от об'ект-либидо, а ипохондрический страх находится в таком же взаимоотношении к Я-либидо, в каком невротический страх относится к об'ект-либидо. Далее, если мы уже усвоили себе взгляд, что механизм заболевания и симптомообразования при «неврозах перенесения», т.-е. процесс развития от интроверзии к депрессии, необходимо связывать с накоплением и застоем либидо об'ектов, то мы должны также усвоить себе представление о накоплении в застое Я-либидо и привести его в связь с феноменами ипохондрии и парафрении [1]).

Но тут мы должны будем задать себе другой интересный вопрос: почему такой застой либидо-Я ощущается как нечто весьма неприятное. Я ограничился бы ответом, что неудовольствие (Unlust) является выражением высшего напряжения, т.-е. оно представляет из себя известную величину материального процесса, ведущего к накоплению внутреннего напряжения, воспринимаемого психически как чувство неприятного, неудовольствия. Решающим моментом в развитии чувства неудовольствия является, однако, не абсолютная величина этого материального процесса, а скорее известная функция этой абсолютной величины. Стоя на такой точке зрения, можно решиться подойти вплотную к вопросу, откуда вообще берется психологическая необходимость переступить границы нарцизма и сосредоточить свое либидо на об'ектах. Ответ, вытекающий из общего хода наших рассуждений, следующий: необходимость в этом наступает тогда, когда концентрация либидо на Я переходит определенную границу. Сильный эгоизм защищает от болезни, но, в конце концов, необходимо начать любить для того, чтобы не заболеть, и остается только заболеть, когда вследствие несостоятельности

---

[1]) Сравни „Ueber neurotische Erkrankungstypen",—в Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre, III. F., 1913.

своей лишаешься возможности любить. Это похоже приблизительно на то, как E. Heine изображает психогенезис сотворения мира:

„Болезнь, вероятно, была последней причиной
Всего стремления к творчеству:
Созидая, мог я выздороветь,
Созидая, стал я здоров“.

Нам известно, что наш душевный аппарат в первую очередь является для нас орудием, при помощи которого мы справляемся с возбуждениями, обыкновенно воспринимаемыми нами мучительно и грозящими оказать на нас патогенное влияние. Психическая переработка этих возбуждений достигает исключительного напряжения, чтобы направить по внутреннему душевному руслу те возбуждения, которые не способны найти себе непосредственный выход наружу, или для которых в данную минуту не желателен такой выход. Но для такой внутренней переработки сначала безразлично, производится ли она над реальными или воображаемыми об'ектами. Различие проявляется лишь позже, когда переход либидо на нереальные об'екты (Introversio) ведет к застою его. Подобная же внутренняя переработка либидо, вернувшегося от об'ектов к Я, делает возможным развитие бреда величия при парафрении; весьма вероятно, что только после того, как проявляется несостоятельность этого бреда, концентрация либидо на Я становится патогенной и вызывает процесс, который в дальнейшем развитии своем наблюдается нами в форме болезни.

Теперь я попробую несколько углубиться в механизм парафрений и изложить некоторые взгляды, которые, как мне кажется, уже теперь заслуживают внимания. Различие между нарцистическими заболеваниями (парафрения, паранойя) и неврозами перенесения я вижу в том, что либидо, освободившись вследствие несостоятельности данного лица в жизненной борьбе, не останавливается на об'ектах фантазии[1]), а возвращается к Я; бред величия в таком случае соответствует психическому преодолению этих масс либидо, т.-е. интроверзии в область фантазии при «неврозах перенесения»; несостоятельность этой психической деятельности (бреда) ведет к разви-

[1]) Как это имеет место при „неврозах перенесения“. — Прим. переводчика.

тию ипохондрии при парафрении, вполне гомологичной страху при «неврозах перенесения». Нам известно, что страх этот может смениться дальнейшими продуктами психической переработки в виде конверзий, «реактивных образований», защитных мер (фобий). При парафрении вместо всех этих процессов наступает попытка к самоизлечению, которая и вызывает все наблюдаемые нами явления болезни. Так как парафрения часто,—если не в большинстве случаев,—влечет за собой лишь частичный уход либидо от об'ектов, то в картине ее можно различить три группы явлений: 1) явления, связанные с сохранившейся нормальностью или неврозом (остаточные явления); 2) явления болезненного процесса (отход либидо от об'ектов, сюда же относятся бред величия, ипохондрия, аффективные нарушения, все регрессии); 3) явления самоизлечения, возвращающего либидо к об'ектам по образцу истерии (Dementia praecox, paraphrenia) или по образцу невроза навязчивости (paranoia). Этот возврат привязанности либидо исходит из другого уровня психики и протекает при совершенно других условиях, чем первичные привязанности. Различие между образовавшимися при таком вторичном возврате либидо к об'ектам «неврозами перенесения» и соответствующими картинами нормального Я—должно было бы раскрыть нам самое глубокое понимание структуры нашего душевного аппарата.

Третий подход к изучению нарцизма открывает нам любовная жизнь людей в ее различной дифференциации у мужчин и женщин. Подобно тому, как Я-либидо оказалось для нас сначала покрытым либидо-об'ектов, мы сначала заметили, что ребенок (и юноша) при выборе своих сексуальных об'ектов исходит из своих переживаний, связанных с удовлетворением основных потребностей влечений Я.

Первые автоэротические сексуальные удовлетворения переживаются в связи с важными для жизни, служащими самосохранению функциями. Сексуальные влечения сначала присоединяются к удовлетворению влечений Я и лишь впоследствии приобретают независимую от последних самостоятельность; это присоединение сказывается, однако, также и в том, что лица, которые кормят, ухаживают и оберегают ребенка, становятся первыми сексуальными об'ектами его, как-то мать или лицо, заменяющее ее.

На-ряду с этим типом и этим источником выбора об'екта, который можно назвать ищущим опоры типом (Anlehnungstypus), аналитическое исследование познакомило нас еще с одним типом, которого мы вовсе не ожидали встретить. Мы нашли—особенно ясно это наблюдается у лиц, у которых развитие либидо перетерпело некоторое нарушение, как, например, у извращенных и гомосексуальных,—что более поздний об'ект любви избирается этими лицами не по прообразу матери, а по их собственному. Они, очевидно, в об'екте любви ищут самих себя, представляют из себя такой тип выбора об'екта, который следует назвать нарцистическим. Это наблюдение и послужило самым решающим мотивом, побудившим нас выставить положение, что нарцизм составляет определенную стадию развития либидо.

Мы вовсе не пришли к решению, что все люди распадаются на две резко различные группы в зависимости от того, имеется ли у них нарцистический или опорный тип выбора об'екта, а предпочитаем допустить, что каждому человеку открыты оба пути выбора об'екта, и предпочтение может быть отдано тому или другому. Мы говорим, что человек имеет первоначально два сексуальных об'екта: самого себя и воспитывающую его женщину, и при этом допускаем у каждого человека первичный нарцизм, который иногда может занять доминирующее положение при выборе об'екта.

Сравнение мужчины и женщины показывает, что по отношению к типу выбора об'екта наблюдаются основные, хотя, разумеется, и не абсолютно закономерные различия. Глубокая любовь к об'екту по опорному типу в сущности характерна для мужчины. В ней проявляется такая поразительная сексуальная переоценка об'екта, которая, вероятно, происходит от первоначального нарцизма ребенка и выражает перенесение и этого нарцизма на сексуальный об'ект. Такая сексуальная переоценка делает возможным появление своеобразного состояния влюбленности, напоминающего невротическую навязчивость, которое об'ясняется отнятием либидо у Я в пользу об'екта. Иначе происходит развитие у более частого, вероятно, более чистого и настоящего типа женщины. Вместе с юношеским развитием и формированием до того времени латентных женских половых органов наступает в этих случаях усиление первоначального нарцизма, не-

благоприятно действующего на развитие настоящей, связанной с сексуальной переоценкой любви к об'екту. Особенно в тех случаях, где развитие сопровождается расцветом красоты, вырабатывается самодовольство женщины, вознаграждающее ее за то, что социальные условия так урезали ее свободу в выборе об'екта.

Строго говоря, такие женщины любят самих себя с той же интенсивностью, с какой их любит мужчина. У них и нет потребности любить, а быть любимой, и они готовы удовлетвориться с мужчиной, отвечающим этому главному для них условию. Значение этого женского типа в любовной жизни людей нужно признать очень большим. Такие женщины больше всего привлекают мужчин не только по эстетическим мотивам, так как они обычно отличаются большой красотой, но также и вследствие интересной психологической констелляции. А именно нетрудно заметить, что нарцизм какого-нибудь лица, повидимому, очень привлекает тех людей другого типа, которые отказались от переживания своего нарцизма в полном его об'еме и стремятся к любви к об'екту; прелесть ребенка заключается в значительной степени в его нарцизме, самодовольстве и недоступности так же, как и прелесть некоторых животных, которые производят впечатление, будто им все в мире безразлично, как, напр., кошки и большие хищники, и даже великие преступники, и юмористы в поэзии захватывают нас благодаря той нарцистической последовательности, с которой они умеют отстранять от своего Я все их принижающее. Словно мы завидуем им за то, что они сохранили счастливое душевное состояние неуязвимой позиции либидо, от которой мы уже давно отказались. Но большая прелесть нарцистической женщины не лишена и оборотной стороны медали; добрая доля неудовлетворенности влюбленного мужчины, сомнения в любви женщины, жалобы на загадочность ее существа коренятся в этом несовпадении типов выбора об'екта. Быть может, не лишнее будет здесь подчеркнуть, что при описании любви у женщины я далек от какой-либо тенденции унизить женщину. Помимо того, что мне чужды вообще какие бы то ни было тенденции, мне также известно, что такое развитие в различных направлениях дифференциации функций соответствует очень сложным биологическим отношениям; далее я готов допустить,

что имеется много женщин, любящих по мужскому типу, и у них развивается и имеющаяся у такого типа сексуальная переоценка.

Но и для нарцистических, оставшихся холодными к мужчине, женщин остается открытым путь, ведущий их к настоящей любви к об'екту. В ребенке, которого они родят, находят они как бы часть собственного тела в виде постороннего об'екта, которому они могут подарить всю полноту любви к об'екту, исходя из нарцизма. Другим женщинам не надо даже дожидаться ребенка, чтобы сделать в своем развитии шаг от (вторичного) нарцизма к любви к об'екту. Сами же они до периода половой зрелости чувствовали себя, как бы мальчиками, и некоторый период их развития отличался мужским характером; после того, как с наступлением женской зрелости такого рода проявления исчезли, у них сохраняется способность испытывать влечение к определенному мужскому идеалу, являющемуся в сущности продолжением того мальчишеского существа, каким они прежде были.

В заключение этих заметок приведем краткий обзор путей выбора об'екта. Любишь:

I. По нарцистическому типу:

a) то, что сам из себя представляешь (самого себя),
b) то, чем прежде был,
c) то, чем хотел бы быть,
d) лицо, бывшее частью самого себя.

II. По опорному типу:

a) вскармливающую женщину,
b) защищающего мужчину

и весь ряд приходящих им в дальнейшем на смену лиц.

Случай первого типа может быть вполне раз'яснен и оправдан только в дальнейшем изложении. Значение нарцистического об'екта при гомосексуальности у мужчин должно определяться только в связи с другими вопросами.

Предполагаемый нами первичный нарцизм ребенка, составляющий одну из предпосылок нашей теории либидо, легче подтвердить путем заключения, исходя из другой точки зрения, чем опираясь на непосредственное наблюдение. Если обратить внимание на хорошее отношение нежных родителей

к их детям, то нельзя не увидеть в нем возрождение и воскрешение собственного, давно оставленного нарцизма.

В области чувств, как известно, в этих отношениях всецело господствует та переоценка об'екта, значение которой в качестве нарцистического признака мы уже вполне оценили. Так, напр., имеется навязчивая потребность приписывать ребенку все совершенства,—к чему при более трезвом отношении не было бы никакого основания, и скрывать и забывать все его недостатки, что именно и находится в связи с отрицанием детской сексуальности. Кроме того, обнаруживается стремление устранять с дороги ребенка все те уступки требованиям культуры, с которыми пришлось считаться собственному нарцизму родителей, и восстановить по отношению к ребенку требования на все преимущества, от которых сами родители давно уже вынуждены были отказаться. Пусть ребенку будет лучше, чем его родителям, он должен быть свободен от всех тех требований рока, власти которых родителям пришлось подчиниться. Ребенка не должна касаться ни болезнь, ни смерть, ни отказ от наслаждений, ни ограничения собственной воли; законы природы и общества теряют над ним силу, он действительно должен стать центром и ядром мироздания. His Majesty the Baby (Его Величество бэби)—это то, каким когда-то родители считали самих себя. Он должен воплотить неисполненные желания родителей, стать вместо отца великим человеком, героем, получить в мужья принца—для позднего вознаграждения матери. Самый уязвимый пункт нарцистической системы, столь беспощадно изобличаемое реальностью бессмертие Я, приобрело в лице ребенка новую почву и уверенность.

Трогательная и по существу такая детская родительская любовь представляет из себя только возрождение нарцизма родителей, который при своем превращении в любовь к об'екту явно вскрывает свою прежнюю сущность.

3.

Я хочу оставить в стороне вопрос о том, каким нарушениям подвержен первоначальный нарцизм ребенка, при помощи каких реакций он сопровождается в этих нарушениях и по каким путям при этом он вынужден итти,—этот важный научный вопрос еще ждет разработки. Самую важную часть его можно выделить в качестве к о м п л е к с а к а с т р а ц и и (страх

за penis у мальчика, зависть из-за penis'а у девочки) и привести в связь с влиянием раннего запугивания в сексуальных вопросах. Психоаналитическое исследование, дающее нам обычно возможность проследить судьбу изолированных от влечений Я либидинозных влечений, когда они находятся в противоречии друг к другу, позволяет нам притти к заключениям относительно того времени и того психического состояния, когда влечения другого рода действуют еще совместно и неразрывно смешаны в качестве нарцистических интересов. Из этого взаимоотношения Adler создал свой «мужской протест», которому он приписывает роль почти единственной творческой силы при образовании характера и неврозов, причем в основание его он кладет не нарцистическое, т.-е. все-таки либидинозное влечение, а социальную оценку. С точки зрения психоаналитического исследования мною признавалось с самого начала существование и значение «мужского протеста», но в разрез с мнением Adler'а, я отстаивал его нарцистическую природу и происхождение из «кастрационного комплекса». Он составляет только черту характера, в генезисе которого принимает участие на-ряду с другими факторами, и совершенно непригоден для об'яснения проблемы неврозов, в которых Adler считается только с тем, насколько они обслуживают интересы Я. Мне кажется совершенно невозможным построить генезис неврозов на узкой базе кастрационного комплекса у мужчин среди других видов сопротивления излечению невроза. Мне известны, наконец, случаи неврозов, в которых мужской протест, или в нашем смысле кастрационный комплекс, не играет вовсе патологической роли или вообще не встречается.

Наблюдение над нормальным взрослым человеком показывает, что его детский бред величия ослаблен, и психические признаки, по которым мы заключаем о его инфантильном нарцизме, сглажены. Что же сталось с его Я-либидо (Ich libido)? Должны ли мы полагать, что все оно ушло целиком на привязанность к об'екту? Эта возможность, очевидно, противоречит всему характеру наших об'яснений; но психология вытеснения указывает нам на возможность другого ответа на этот вопрос.

Мы уже знаем, что либидинозные влечения подвержены участи патогенного вытеснения, если они вступают

в конфликт с культурными и этическими представлениями индивида. Под последним условием не понимается, что у личности об этих представлениях имеется только интеллектуально знание, и что она постоянно признает за этими представлениями руководящее значение в жизни и подчиняется содержащимся в них требованиям. Вытеснение, как мы сказали, исходит от Я—точнее сказать, из самоуважения Я. Те же впечатления, переживания, импульсы, желания, которые один человек у себя допускает или, по крайней мере, сознательно перерабатывает, отвергаются другим с полным негодованием или подавляются даже до того, как они достигают сознания. Но различие между обоими, обусловливающее вытеснение, легко формулировать в выражениях, допускающих применение по данному вопросу теории либидо. Мы можем сказать—один создал идеал, с которым он сравнивает свое действительное Я, между тем как у другого такой идеал отсутствует. Образование идеала является таким образом условием вытеснения со стороны Я.

Этому идеалу Я досталась та любовь к себе, которой в детстве пользовалось действительное Я. Нарцизм оказывается перенесенным на это новое идеальное Я, которое, подобно инфантильному, обладает всеми ценными совершенствами. Человек оказался в данном случае, как и во всех других случаях в области либидо, не в состоянии отказаться от некогда испытанного удовлетворения. Он не хочет поступиться нарцистическим совершенством своего детства и когда со временем и с возрастом ставит перед самим собой его как идеал, то это есть только возмещение утерянного нарцизма детства, когда он сам был собственным идеалом.

Само собой напрашивается в таком случае исследование взаимоотношений между этим образованием идеала и сублимированием. Сублимирование — процесс, происходящий с об'ектом либидо, и состоит в том, что влечение переходит на иную цель, далекую от сексуального удовлетворения; суть при этом заключается в отвлечении от сексуального. Идеализация—процесс, происходящий с об'ектом, благодаря которому этот об'ект, не изменяясь в своей сущности, становится психически более значительным и получает более высокую оценку. Идеализация одинаково возможна как в области Я-либидо, так и об'ект-либидо. Так, например, половая

переоценка об'екта является его идеализацией. Поэтому, поскольку сублимирование описывает нечто происходящее с влечением, а идеализация—с об'ектом, их приходится считать различными понятиями. Но если изменить точку зрения, то можно идеализацию описать, как своего рода сублимирование в широком смысле слова.

В ущерб правильному пониманию часто смешивают образование Я-идеала с сублимированием влечения. Тот, кто отказался от своего нарцизма во имя высокого Я-идеала, не должен еще благодаря этому непременно успешно сублимировать свои либидинозные влечения. Хотя Я-идеал и требует такого рода сублимирования, но не может его вынудить; сублимирование остается особым процессом, развитие которого совершенно не зависит от того, чем этот процесс вызван. Именно у невротиков можно найти самые резкие различия в степени развития Я-идеала и сублимирования примитивных либидинозных влечений, и в общем гораздо труднее убедить идеалиста в том, что либидо его находит нецелесообразное применение, чем простого, скромного в своих требованиях человека. Также совершенно различно отношение образования идеала и сублимирования к тому, что обусловливает невроз. Образование идеала, как мы слышали, повышает требования Я и является самым сильным благоприятствующим моментом для вытеснения; сублимирование представляет из себя тот выход, благодаря которому это требование может быть исполнено без всякого вытеснения.

Ничего не было бы удивительного, если бы нам удалось найти особую психическую инстанцию, имеющую своим назначением обеспечить нарцистическое удовлетворение, исходящее из идеала Я, и с этой целью беспрерывно наблюдающую за действительным Я, сравнивая его с идеалом. Если подобная инстанция существует, то для нас, понятно, исключается возможность открыть ее; мы можем только узнать ее как таковую и признать, что то, что мы называем своей с о в е с т ь ю, носит все признаки такой инстанции. Признание этой инстанции дает нам взможность понять так называемый б р е д о т н о ш е н и й (Beachtunge-Beobachtungswahn), который так ясно проявляется в симптоматологии параноидных заболеваний, но встречается и как изолирован-

ное заболевание или вплетается в картину неврозов перенесения (Uebertragungsneurosen). Больные жалуются тогда на то, что все их мысли известны, за всеми их действиями наблюдают и следят, о бдительности этой инстанции их информируют голоса, которые — что особенно характерно — обращаются к ним в третьем лице («а вот теперь она думает об этом, сейчас он уходит»). Эта жалоба правильна, она рисует истинное положение вещей. Подобная сила, которая следит за всеми нашими намерениями, узнает их и критикует, действительно существует даже у всех нас в нормальной жизни. Бред наблюдения изображает ее в первоначальной регрессивной форме, при этом раскрывает ее генезис и основание,—почему больной и восстает против нее.

Побуждение к образованию идеала Я, стражем которого призвана быть совесть, послужило влияние критики родителей, воплощенное в слуховых галлюцинациях, а к родителям со временем примкнули воспитатели, учителя и весь необозримый и неопределенный сонм других лиц, составляющих общественную среду (окружающие, общественное мнение).

Большие количества, преимущественно гомосексуального либидо, принимают, таким образом, участие в образовании нарцистического идеала Я и в сохранении этого идеала находят применение и удовлетворение. Институт совести сначала был в сущности воплощением родительской критики, в дальнейшем, критики общества — процесс, который повторяется в тех случаях, когда под влиянием сначала внешнего запрета или препятствия развивается склонность к вытеснению. Благодаря болезни проявляются слуховые галлюцинации в виде голосов, как и неопределенная масса лиц, олицетворяемая этими голосами, и в такой болезненной форме воспроизводится регрессивно история развития совести. А возмущение против этой ц е н з о р с к о й и н с т а н ц и и происходит от того, что личность больного, соответственно основному характеру болезни, стремится освободиться от всех этих влияний, начиная с родительского, отвлекая от них гомосексуальное либидо. Совесть, регрессивное изображение которой представляют из себя галлюцинации, выступает тогда против личности в форме враждебного влияния извне.

Жалобы паранойиков показывают также, что самокритика совести по существу совпадает с самонаблюдением, на котором зиждется. Психическая инстанция, взявшая на себя функцию совести, тут начинает служить целям того же внутреннего самоисследования, которое доставляет философии материю для ее мыслительных операций. Это, должно быть, имеет значение для развития склонности к конструированию спекулятивных систем, которой отличается паранойя [1]).

Для нас важно будет открыть и в других областях признаки деятельности этой критикующей и наблюдающей деятельности, усиление которой ведет к развитию совести и философского самознания. К этим признакам я отношу то, что H. Silberer описал под названием «функционального феномена»—одно из немногих дополнений к изучению о сновидениях, ценность которого неоспорима. Silberer, как известно, показал, что в состояниях между сном и бодрствованием можно непосредственно наблюдать превращение мыслей в зрительные картины, но что при таких условиях часто представляется в виде картины не содержание мыслей, а состояние (предрасположение к усталости и т. д.), в котором находится борящееся со сном лицо. Также он показал, что некоторые окончания и отрывки из содержания сновидений означают только то, что спящий сам начинает сознавать состояние сна и пробуждения. Он доказал таким образом что самонаблюдение в смысле параноического бреда наблюдения (Beobachtungswahn) принимает участие в образовании сновидений. Это участие непостоянно. Вероятно, я его потому проглядел, что оно не играет большой роли в моих собственных снах; у философски одаренных, привыкших к самосозерцанию лиц оно может быть очень ясно.

Вспомним, как мы уже нашли, что образование сновидений происходит под властью цензуры, которая требует искажения мыслей сновидения. Под этой цензурой мы не представляем себе какой-либо особенной силы, а воспользовались этим словом для обозначения вытесняющих тенденций,

---

[1]) Только в виде предположения прибавляю, что с развитием и укреплением этой наблюдательной субстанции, вероятно, связано позднее появление суб'ективной памяти и сознания времени, не имеющего значения для бессознательных процессов.

направленных на мысли сновидений, во власти которых «я» находится, и если мы больше углубимся в подробности структуры «я», то сможем в идеале Я и динамических проявлениях совести узнать также цензора сновидений. Если этот цензор хоть немного наблюдает за душевными процессами во время сна, то вполне понятно, чем обусловлена его деятельность, т.-е. что — самонаблюдение и самокритика в замечаниях вроде: теперь он слишком хочет спать, чтобы думать, теперь он просыпается и входит в содержание сновидений [1]).

С этой точки зрения мы должны попытаться рассмотреть вопрос о самочувствии у нормального и у невротиков.

Самочувствие (Selbstgefühl) кажется прежде всего выражением величины Я (Ichgrösse) независимо от того, из чего оно состоит. Все, чем владеешь и что достигнуто, всякий подтвержденный опытом остаток примитивного чувства всемогущества содействует поднятию самочувствия.

Придерживаясь нашего различия между сексуальными влечениями Я, мы должны признать за самочувствием особенно сильную зависимость от нарцистического либидо. При этом мы опираемся на два основных факта: что при парафрениях самочувствие повышено, а при неврозах перенесения понижено, и что в любовной жизни у нелюбимого человека принижается самочувствие, а у любимого—повышается. Мы указали, что быть любимым составляет цель и дает удовлетворение при нарцистическом выборе об'екта.

Далее легко наблюдать, что либидо, привязанное к об'ектам, не повышает самочувствия. Зависимость от любимого действует принижающим образом: кто влюблен—тот удручен. Кто любит, тот, так сказать, лишился части своего нарцизма и может его вернуть, лишь будучи любимым. При всех этих взаимоотношениях самочувствие, кажется, остается в зависимости от того, какую долю в любовной жизни занимает нарцизм.

Сознание своей импотенции, собственной невозможности любить вследствие душевного или телесного заболевания

---

[1]) Я не могу в этом месте решить вопроса, может ли отделение этой сонзорной инстанции от остального Я психологически обосновать философское сознание от самосознания.

действует в высшей степени принижающе на самочувствие. Здесь, по моему мнению, нужно искать один из источников так охотно выставляемого невротиками на показ чувства своей малоценности. Но главным источником этих чувств, является обеднение Я (Ichverarmung), которое вытекает из необычайно больших привязанностей либидо к об'ектам за счет Я, т.-е. повреждение Я вследствие сексуальных стремлений, не поддающихся более его контролю.

A. Adler правильно подчеркнул, что сознание собственной органической малоценности действует возбуждающе на работоспособность душевной жизни и вызывает повышенную продуктивность посредством сверхкомпенсаций. Но было бы большим преувеличением об'яснять всякую большую трудоспособность этой первоначальной малоценностью органов. Не все художники страдают недостатком зрения, не все ораторы были сперва заиками: есть много проявлений исключительной трудоспособности на почве прекрасной физической одаренности органов. В этиологии неврозов органическая малоценность играет первоначальную роль такую же, как актуальное восприятие для образования сновидений. Невроз пользуется ею как предлогом, как и всякими другими подходящими моментами. Но если поверишь невротической пациентке, что она должна была заболеть потому, что она некрасива, неправильно сложена, непривлекательна, так что ее никто не может любить, то следующая же больная докажет противное, упорствуя в своем неврозе и отказе от всего полового, хотя она кажется необычайно обворожительной и желанной. Истерические женщины в большинстве случаев принадлежат к типу привлекательных и даже красивых представительниц своего пола, а, с другой стороны, так часто встречающиеся у низших классов нашего общества безобразие и уродство органов и телесных пороков не вызывают увеличения числа невротических заболеваний в их среде.

Отношение самочувствия к эротике (и к либидинозным привязанностям и к об'ектам) можно формулировать следующим образом: нужно различать два случая—оправдывает ли Я эти любовные привязанности, или, напротив, они подверглись вытеснению. В первом случае (при оправдываемом Я израсходовании либидо) любовь ценится как и всякое другое активное проявление Я. Любовь сама по себе

с ее тоской и страданиями понижает самочувствие, но быть любимым, находить взаимность в любви, обладать любимым об'ектом—все это поднимает снова самочувствие. При вытеснении либидо привязанности любви чувствуются как жестокое унижение Я: любовное удовлетворение невозможно, обогащение Я возможно только в том случае, если либидо будет снова отнято от об'ектов и возвращено Я. Такое возвращение об'ект-либидо к Я, превращение его в нарцизм как бы снова создает условия счастливой любви, а, с другой стороны, реальная счастливая любовь соответствует тому первичному состоянию, в котором об'ект и либидо неразличимы.

Ввиду важности предмета и трудности разобраться в нем, позволительно будет набросать здесь вкратце и другие, не приведенные еще в полный порядок взгляды и мнения.

Развитие Я связано с отходом от первичного нарцизма и вызывает интенсивное стремление опять вернуться к нему. Отход этот происходит посредством перемещения либидо на навязанный извне идеал Я, а удовлетворение придается осуществлением этого идеала. Одновременно Я отдает свои либидинозные привязанности об'ектам. Ради этих привязанностей, как идеала Я, оно само становится беднее в отношении либидо и вторично обогащается им посредством удовлетворения от об'ектов благодаря воплощению идеала.

Известная доля самочувствия первична, это остаток детского нарцизма, другая часть исходит от подтвержденного опытом всемогущества (воплощения Я-идеала), третья часть—из удовлетворения об'ект-либидо.

Я-идеал поставил удовлетворение либидо на об'ектах в тяжелые условия, так как через посредство своей цензуры он заставляет отказаться от некоторых частных форм удовлетворения, как от недопустимых. Там, где такой Я-идеал не развился, там соответствующее сексуальное стремление входит неизмененным в состав личности в виде перверзий. Быть опять своим собственным идеалом даже в отношении своих сексуальных стремлений, как это было в детстве,—вот чего люди стремятся достичь как высшего счастия.

Влюбленность состоит в излиянии Я-либидо на об'ект. Она обладает достаточной силой, чтобы уничтожить вытеснения и восстановить перверзии. Она поднимает сексуальный об'ект до степени сексуального идеала. Так как она

происходит по об'ектному или опорному типу на почве осуществления инфантильных условий любви, то можно сказать: все, что осуществляет эти условия любви, идеализируется.

Сексуальный идеал может вступить с Я-идеалом в интересное отношение взаимопомощи. Там, где нарцистическое удовлетворение наталкивается на реальные препятствия, — сексуальный идеал может быть исследован для того, чтобы получить взамен его удовлетворение. Иногда любовь по типу нарцистического выбора об'екта—то, чем человек был и перестал быть, или то, что имеет такие качества, которыми вообще не обладаешь (сравни стр. 133 под буквой С.). Формула, соответствующая параллельно предыдущей, гласит: любят то, что обладает теми качествами, которых не хватает Я для достижения своего идеала. Этот случай помощи имеет особое значение для невротика, Я которого беднеет благодаря чрезмерной привязанности к об'екту и не в состоянии осуществить свой Я-идеал. Он ищет тогда возврата к нарцизму от своего расточительного израсходования либидо на об'екты, избирая себе по нарцистическому типу сексуальный идеал, который обладает недосягаемыми для него, невротика, качествами. Это и есть излечение через любовь, которое он, обычно, предпочитает аналитическому. Он и не верит в другой механизм исцелений, с ожиданием именно такого исцеления он большей частью приступает к лечению и связывает это ожидание с личностью лечащего его врача. Этому типу исцеления препятствует неспособность больного любить всех вследствие его больших вытеснений. Если лечение до известной степени помогло против последних, то часто наступает неожиданный успех, заключающийся в том, что больной отказывается от дальнейшего лечения для того, чтобы сделать выбор в любви и предоставить дальнейшее выздоровление влиянию совместной жизни с любимым человеком. С таким исходом можно было бы охотно мириться, если бы он не заключал в себе все опасности удручающей зависимости от этого нового спасителя в беде.

От идеала Я широкий путь ведет к пониманию психологии масс. Этот идеал помимо индивидуального имеет еще социальную долю, он является также общим идеалом семьи, сословия, нации. Кроме нарцистического либидо, он захватил

также большое количество гомосексуального либидо данного лица, которому таким путем возвращено Я. Неудовлетворение вследствие неосуществления этого идеала освобождает гомосексуальное либидо, которое превращается в сознание своей вины (социальный страх). Сознание вины было сначала страхом перед наказанием родителей, правильней—перед лишением их любви, позже место родителей заняла неопределенная масса современников. Таким образом понятным становится частое заболевание паранойей вследствие обиды, нанесенной Я, благодаря невозможности найти удовлетворение в области Я-идеала, а также совпадение в идеале Я образования идеала и сублимирования и разрушения сублимирования, а иногда при парафренических заболеваниях полные перемены в области идеалов.

Об особом типе „выбора об'екта" у мужчины.

До сих пор мы предоставляли только поэтам изображать те «условия любви», при которых люди совершают их «выбор об'екта» и согласуют свои мечты с действительностью. В самом деле поэты отличаются от других людей некоторыми особенностями, позволяющими им разрешить такую задачу. Обладая особенно тонкой организацией, бо̀льшей восприимчивостью сокровенных стремлений и желаний других людей, они в то же время обнаруживают достаточно мужества, чтобы раскрыть перед всеми свое собственное бессознательное. Но ценность познания, заключающегося в их описаниях, понижается благодаря одному обстоятельству. Цель поэта — выставить интеллектуальные и эстетические удовольствия и воздействовать на чувство, вот почему поэт не может не изменить действительности, а должен изолировать отдельные его части, разрывать мешающие связи, смягчать целое и дополнять недостающее. Таковы преимущества так называемой «поэтической вольности». Поэт может проявить весьма мало интереса к происхождению и к развитию подобных душевных состояний, описывая их уже в готовом виде. Поэтому необходимо, чтобы наука, более грубыми прикосновениями и совсем не для удовольствия, занялась теми же вопросами, поэтической обработкой которых люди наслаждались испокон веков. Эти замечания должны служить оправданием строгой научной обработки и вопросов любовной жизни человека. Как раз наука и требует самого полного отказа от «принципов наслаждения», насколько это возможно для нашей психической деятельности.

* * *

Во время психоаналитического лечения у врача имеется достаточно возможности знакомиться с областью любовной жизни невротиков. Такое знакомство показывает нам, что

подобное же поведение в этой области можно наблюдать у среднего здорового человека и даже у выдающихся людей. Вследствие счастливой случайности в подборе материала, благодаря накоплению однородных впечатлений перед нами вырисовываются определенные типы в любовной жизни. Один такой мужской тип выбора об'екта я хочу описать, потому что он отличается рядом таких «условий любви», сочетание которых непонятно, даже странно, и вместе с тем этот тип допускает простое психологическое об'яснение.

1. Первое из этих «условий любви» можно было бы назвать специфическим; если оно имеется на-лицо, следует уже искать и другие отличительные признаки этого типа. Его можно назвать условием «пострадавшего третьего». Сущность его состоит в том, что лица, о которых идет речь, никогда не избирают об'ектом своей любви свободной женщины, а непременно такую, на которую пред'являет права другой мужчина: супруг, жених или друг. Это условие оказывается в некоторых случаях настолько роковым, что на женщину сначала не обращают никакого внимания, или она даже отвергается до тех пор, пока она никому не принадлежит; но человек такого типа влюбляется тотчас же в ту же самую женщину, как только она вступит в одно из указанных отношений к какому-нибудь другому мужчине.

2. Второе условие, быть может, уже не такое постоянное, однако, столь же странное. Этот тип выбора об'екта пополняется только благодаря сочетанию этого условия с первым, между тем как первое условие само по себе, кажется, встречается очень часто. Второе условие состоит в том, что чистая, вне всяких подозрений, женщина никогда не является достаточно привлекательной, чтобы стать об'ектом любви, привлекает же в половом отношении только женщина, внушающая подозрение,—верность и порядочность которой вызывают сомнения. Эта последняя особенность может дать целый ряд переходов, начиная с легкой тени на репутации замужней женщины, которая не прочь пофлиртовать, до открытого полигамического образа жизни кокотки или жрицы любви. Но представитель нашего типа не может отказаться хотя бы от какой-нибудь особенности в таком роде. Это условие с некоторым преувеличением можно назвать «любовью к проститутке».

Подобно тому как первое условие дает удовлетворение враждебным чувствам по отношению к мужчине, у которого отнимают любимую женщину, второе условие—причастность женщины к проституции—находится в связи с необходимостью испытывать чувство ревности, которое, очевидно, является потребностью влюбленных этого типа. Только в том случае, если они могут ревновать, страсть их достигает наибольшей силы, женщина приобретает настоящую ценность, и они никогда не упускают возможности испытать это наиболее сильное чувство. Удивительно то, что ревнуют не к законному обладателю любимой женщины, а к претендентам, к чужим, в близости к которым ее подозревают. В резко выраженных случаях любящий не проявляет желания быть единственным обладателем женщины и, повидимому, чувствует себя хорошо в таком «тройственном союзе». Один из моих пациентов, который сильно страдал из-за увлечений «на-стороне» своей дамы, ничего, однако, не имел против ее замужества и всеми силами содействовал ему; по отношению к мужу он затем в течение многих лет не проявлял и следа ревности. В другом типичном случае пациент был, правда, вначале при первых любовных связях очень ревнив к мужу и заставил свою даму отказаться от супружеских отношений с ним; но в многочисленных более поздних связях он вел себя так же, как другие, и не находил, чтобы законный супруг являлся помехой.

Следующие пункты рисуют уже не условия, пред'являемые к об'екту любви, а отношения любящего к об'екту своей любви.

3. В нормальной любовной жизни ценность женщины определяется ее непорочностью и понижается с приближением к разряду проститутки. Поэтому странным отклонением от нормального кажется то обстоятельство, что влюбленные нашего типа относятся к женщинам именно такого разряда, как к наиболее ценным об'ектам любви. Любовным связям с этими женщинами они отдаются всеми силами своей души, со страстью, поглощающей все другие интересы жизни. Они и могут любить только таких женщин и всякий раз пред'являют к себе требование неизменной верности, как бы часто ни нарушали ее в действительности. В этих чертах описываемых любовных отношений чрезвычайно ясно выражен

навязчивый характер этих отношений, свойственный в известной степени всякому состоянию влюбленности. Не следует, однако, полагать на основании этой верности и силы привязанности, что одна единственная такая любовная связь заполняет всю жизнь таких людей, или она бывает только один раз в жизни. Наоборот, страстные увлечения такого рода повторяются с теми же особенностями много раз в жизни лиц такого типа, как точная копия предыдущей. Больше того, в зависимости от внешних условий, например, перемены места жительства и среды, любовные об'екты могут так часто сменять один другой, что из них образуется длинный ряд.

4. Более всего поражает наблюдателя проявляющаяся у любовников такого типа тенденция спасать возлюбленную. Мужчина убежден, что возлюбленная нуждается в нем, что без него она может потерять всякую нравственную опору и быстро опуститься до низкого уровня. Он ее спасает тем, что не оставляет ее. В некоторых случаях намерение спасти может быть оправдано ссылкой на половую неустойчивость и сомнительное общественное положение возлюбленной; но оно проявляется так же определенно и там, где ссылка на действительное положение вещей не имеет места. Один из принадлежащих к описываемому типу мужчин, умевший завоевывать своих дам чрезвычайно искусными соблазнами и находчивой диалектикой, затем делал в своих любовных связях всевозможные усилия, чтобы при помощи им самим сочиненных трактатов удержать очередную любовницу на пути «добродетели».

Если бросить взгляд на отдельные черты нарисованной здесь картины, на условия, требующие, чтобы любимая была несвободна и принадлежала к разряду проституток, на высокую ее оценку, на потребность испытывать чувство ревности, на верность, которая, однако, сочетается с легкостью перехода от одной к другой женщине, и на намерение спасать, то кажется маловероятным, чтобы все эти особенности могли происходить из одного источника. И все же при психоаналитическом углублении в историю жизни лиц, о которых идет речь, легко открыть такой источник. Этот своеобразный выбор об'екта любви и такие странные любовные отношения имеют то же психическое происхождение, что и

любовная жизнь у нормального человека: они происходят от детской фиксации нежности на матери и представляют из себя одно из последствий этой фиксации. В нормальной любовной жизни сохраняется немного черт, в которых несомненно проявляется влияние материнского прообраза на выбор об'екта, вроде, например, предпочтения, оказываемого молодыми людьми более зрелым женщинам; следовательно, отделение любовного влечения (либидо) от матери произошло сравнительно скоро. У людей нашего типа, напротив, влечение к матери и после наступления половой зрелости имело место так долго, что у выбранных ими позже об'ектов любви оказываются ясно выраженные материнские признаки, и в них легко узнать замену матери. Здесь напрашивается сравнение с деформацией черепа новорожденного: после длительных родов череп новорожденного представляет из себя слепок тазовых ходов матери.

На нас лежит в таком случае обязанность указать на вероятность того, что характерные черты мужчин нашего типа, условия их любви и их поведение в любви действительно происходят от материнской констелляции. Легче всего это сделать по отношению к первому условию, чтобы женщина была несвободна и чтобы был пострадавший третий. Совершенно очевидно, что у выросшего в семье ребенка неот'емлемо связан с представлением о матери тот факт, что мать принадлежит отцу, и «пострадавшим третьим» является не кто иной, как отец. Так же естественна для детских отношений переоценка, благодаря которой возлюбленная является единственной, незаменимой: ибо ни у кого не бывает больше одной матери и отношение к ней зиждется на не повторяющемся и не допускающем никакого сомнения событии (рождении).

Раз все об'екты любви только замена матери, то понятно и «образование ряда», которое кажется столь резко противоречащим условию верности. Психоанализ показывает нам и на других примерах, что действующее в бессознательном незаменимое часто проявляется расчлененным на бесконечный ряд—бесконечный потому, что всякий суррогат все-таки не дает удовлетворения. Так, например, у детей в известном возрасте возникает неопреодолимое желание задавать все новые и новые вопросы, и это об'ясняется тем, что им надо поставить один единственный вопрос, который они не реша-

ются задать. А болтливость некоторых невротических больных об'ясняется тяжестью тайны, которую им хочется разгласить и которую, несмотря на все искушения, они все-таки не выдают.

То, однако, что избранный об'ект относится к проституткам, совершенно противоречит тому, что источником его является материнский комплекс. Сознательному мышлению взрослого человека мать представляется личностью высокой нравственной чистоты, и немного найдется таких внешних впечатлений, которые были бы для нас так мучительны, как сомнение в этом смысле по отношению к матери. Но как раз это резкое противоречие между «матерью» и «проституткой» и побуждает нас исследовать историю развития и бессознательное взаимоотношение этих двух комплексов, так как мы уже давно знаем, что в бессознательном часто сливается воедино то, что в сознании расщеплено на два противоположных понятия. Исследование возвращает нас к тому периоду жизни, когда мальчик впервые узнает подробности о половых отношениях между взрослыми—приблизительно к годам, предшествующим половой зрелости. Грубые рассказы, проникнутые явным намерением оскорбить и возмутить, знакомят его с тайной половой жизни и подрывают авторитет взрослых, оказывающийся несовместимым с обнаружением их половых отношений. То обстоятельство, что эти откровения относятся к родителям, производит самое сильное впечатление на новопосвященного. Нередко слушатель прямо-таки протестует, возражая приблизительно так: весьма возможно, что твои родители или родители других людей проделывают между собой нечто подобное, но это совершенно невозможно между моими родителями.

В то же время мальчик в виде редко недостающего королария к «ознакомлению с половым вопросом» узнает о существовании известного рода женщин, которые благодаря своей профессии отдаются половой любви, и поэтому все их презирают. Это презрение ему самому остается чуждым; у него рождается к этим несчастным только смешанное чувство томления и жути, так как он знает, что и он сам через них может приобщиться к половой жизни, которую считал до сих пор преимуществом только «больших». Когда он уже перестает сомневаться в том, что его родители составляют исключение

из отвратительных правил половой жизни, он цинично говорит себе, что различие между его матерью и падшей женщиной уже не так-то велико, что в сущности обе они делают одно и то же. «Просвещающие» рассказы разбудили в нем следы воспоминаний о его ранних детских летах и желаниях и оживили в нем связанные с ними переживания. Ребенок начинает желать свою мать в этом новом смысле и снова начинает ненавидеть отца, как соперника, стоявшего на пути к осуществлению этого желания, он попадает, как мы говорим, во власть «комплекса Эдипа». Он видит измену со стороны матери в том, что она полюбила отца, а не его, и не может этого ей простить. Эти переживания, если только они не проходят быстро, не проявляются ни в чем реально, а только изживаются в фантазиях, которые имеют своим содержанием сексуальную жизнь матери при самых разнообразных обстоятельствах; их напряжение с особенной легкостью разрешается в актах самоудовлетворения. Вследствие постоянного взаимодействия обоих побудительных мотивов этих душевных движений—полового желания и жажды мести—наибольшим предпочтением пользуются фантазии о неверности матери; любовник, с которым изменяет мать, обладает почти всеми чертами собственной персоны, вернее, собственной идеализированной личности, выросшей по возрасту до уровня отца. То, что я в другом месте [1]) описал, как «семейный роман», составляет разнообразные продукты этой работы фантазии и сплетение их с разными эгоистическими интересами определенного периода жизни. Познакомившись с этой частью истории душевного развития, мы уже не можем находить непонятным и противоречивым то обстоятельство, что принадлежность возлюбленной к проституции обусловлена непосредственно влиянием материнского комплекса. Описанный нами тип мужской любовной жизни носит следы этого развития, и его можно просто понять как фиксацию на фантазиях мальчика в периоде половой зрелости, нашедших после свое воплощение в реальной жизни. Легко допустить, что усиленный онанизм в годы переходного возраста также благоприятствует фиксации этих фантазий.

Тенденция спасать любимую женщину с такими фантазиями, разросшимися до того, что они получили власть над

---

[1]) O. Rank., „Миф о рождении героев", 1909.

реальной любовной жизнью, находится как будто только в отдаленной поверхностной связи, исчерпываемой сознательными доводами. Любимая женщина подвергается, мол, опасности, благодаря своей склонности к непостоянству и неверности, и вполне понятно, что любящий старается уберечь ее от опасности, охраняя ее добродетель и противодействуя ее дурным наклонностям. Однако изучение «покрывающих воспоминаний», фантазий и ночных сновидений таких лиц показывает, что здесь имеет место прекрасно удавшаяся «рационализация» бессознательного мотива, подобная удавшейся вторичной обработке материала сновидений. На самом деле мотив спасения имеет самостоятельное значение и историю и является продуктом материнского или, вернее, родительского комплекса, когда ребенок слышит, что он обязан жизнью родителям, что мать «даровала ему жизнь», то в нем соединяются нежные чувства с душевными движениями, выражающими стремление быть большим и достичь самостоятельности, и зарождают в нем желание вернуть родителям этот дар и отплатить им тем же. Непокорность мальчика как будто выражает: мне ничего не надо от отца, я хочу вернуть ему все, что я ему стоил. Он рисует себе фантазии о спасении отца от смертельной опасности и таким образом расплачивается с ним. Эта фантазия часто переносится на императора, короля или иную знатную особу и в таком измененном виде становится доступной сознанию и даже годной для поэтической обработки. По отношению к отцу преобладает угрожающее значение фантазии о спасении, а по адресу матери проявляется ее нежное значение. Мать подарила жизнь ребенку, и нелегко возместить такой своеобразный дар чем-нибудь равноценным. Но при незначительном изменении значения слов—что так легко удается в бессознательном и что можно уподобить сознательному слиянию понятий—спасти мать приобретает значение: подарить или сделать ей ребенка, разумеется, вполне похожего на самого себя. Это удаление от первоначального смысла спасения не очень велико, изменение значения слов не произвольно. Мать подарила ему жизнь—его собственную,—и за это ей дарится другая жизнь, жизнь ребенка, имеющего максимальное сходство с ним самим. Сын проявляет свою благодарность тем, что желает иметь от матери сына, равного себе, т.-е. в фантазии

о спасении он совершенно отождествляет себя с отцом. Все влечения—нежные, благородные, похотливые, непокорные и самовластные находят удовлетворение в этом одном желании быть своим собственным отцом. Не исчезает и момент опасности при таком изменении значения; ведь самый акт рождения представляет из себя опасность, из которой спасение приходит благодаря усилиям матери. Рождение является первой жизненной опасностью и прообразом всех последующих, внушающих нам страх; переживания при рождении остаются у нас, вероятно, в том аффективном выражении, которое мы называем страхом. Макдуф в шотландской легенде не рожденный матерью, а вырезанный из утробы ее, поэтому не знал и страха.

Древний снотолкователь Артемидор был, несомненно, прав, утверждая, что сновидение меняет свой смысл в зависимости от личности видевшего сон. По законам выражения бессознательных мыслей «спасение» может иметь различное значение в зависимости от того, фантазирует ли о нем женщина или мужчина. Оно может в равной мере иметь значение сделать ребенка—дать начало рождению (у мужчины), как и самой родить ребенка (у женщины). Особенно в связи с водой можно ясно видеть эти различные значения спасения в сновидениях и в фантазиях. Если мужчина спасает во сне женщину, то это значит: он делает ее матерью,—что, согласно вышеизложенному, соответствует смыслу: он ее делает своею матерью. Когда женщина спасает кого-нибудь (ребенка) из воды, то этим она признает себя, подобно царевне в легенде о Моисее [1]), родившей его матерью.

Иногда фантазия о спасении отца также получает смысл нежного отношения. Тогда она выражает желание иметь отца сыном, т.-е. иметь такого сына, как отец. Вследствие всех этих отношений мотива спасения к родительскому комплексу, тенденция спасать возлюбленную составляет существенную черту описанного здесь любовного типа.

Я не считаю нужным приводить доказательства правильности метода моей работы, которая в данном случае, как и при описании анальной эротики, стремится к тому, чтобы сначала выделить из всего материала наблюдения

---

[1]) Rank, цитир. соч.

крайне и резко очерченные типы. В обоих случаях имеется гораздо бо̀льшее количество индивидов, у которых можно наблюдать только отдельные или только не резко выраженные черты этого типа. И само собой разумеется, что только связное изложение всех тех наблюдений, на основании которых установлены эти типы, даст нам возможность правильно их оценить.

ОБ УНИЖЕНИИ ЛЮБОВНОЙ ЖИЗНИ.

1.

Если практикующий врач психоаналитик задает себе вопрос: с каким страданием чаще всего к нему обращаются за помощью, то он принужден будет ответить: с психической импотенцией, — если не считать разнообразных проявлений страха. Этой странной болезнью заболевают мужчины с сильной выраженной чувственностью, и заболевание проявляется в том, что специальные органы отказываются выполнять функцию полового акта, хотя до и после акта они могут быть вполне здоровыми и дееспособными и хотя данный суб'ект имеет большую склонность к выполнению этого акта. Первым поводом к пониманию своего состояния является факт, приводящий его к убеждению, что такие неудачи постигают его только при половых попытках с определенными особами, между тем как с другими у него не случается ничего подобного. Тогда он приходит к убеждению, что задержку его мужской потенции вызывают особенные свойства сексуального об'екта. Иной раз такой больной сам рассказывает, что у него получается ощущение в нем самом какого-то препятствия, что он замечает какое-то внутреннее противодействие, которое мешает сознательному его намерению. Но больной не в состоянии понять, в чем же состоит это препятствие и какие именно особенности полового об'екта его вызывают. Если подобные неудачи случались у него неоднократно, то в таком случае он склонен установить ошибочную причинную связь и полагает, что именно воспоминание о первой неудаче является таким препятствующим и отпугивающим переживанием и становится причиной последующих неудач; в первый же раз дело касалось «случайности».

Психоаналитическое исследование психической импотенции произведено и опубликовано несколькими авторами. Каждый аналитик из собственного опыта может подтвердить приводимые ими об'яснения. Речь действительно идет о парализующем влиянии известных психических комплексов, которые недоступны сознанию индивида. На первом плане стоит, как общее содержание этого патогенного материала, сохранившая свою силу и влияние инцестуозная (кровосмесительная) фиксация либидо на матери и на сестре. Кроме того, нужно принять во внимание влияние случайных мучительных впечатлений, находящихся в связи с детскими сексуальными проявлениями, и вообще все моменты, понижающие либидо, которое должно быть направлено на женщину как на половой об'ект.

Если подвергнуть, при помощи психоанализа, детальному исследованию случаи резкой психической импотенции, то получается следующая картина действующих при ней психосексуальных процессов. Почвой болезни служит и здесь, как, вероятно, при невротических страданиях, задержка в развитии либидо до степени ее нормальной завершенной формы. Здесь еще не слились два течения, слияние которых только и обеспечивает вполне нормальную любовную жизнь,— два течения, которые мы различаем как нежное и чувственное.

Наиболее старое из этих двух течений—нежное. Оно берет начало с самых ранних лет, образовалось на почве интересов инстинкта самосохранения и направлено на представителей родной семьи или на лиц, занятых уходом и воспитанием ребенка. К нему с самого начала присоединяется известная доля половых влечений, компонентов эротического интереса, которые нормально выражены уже более или менее ясно с детства, а у невротиков во всех случаях открываются психоанализом, произведенным в более позднем возрасте. Оно соответствует первичному детскому выбору об'екта (primäre kindliche Objektwahl). Мы видим из него, что половые влечения (Sexualtriebe) находят свои первые об'екты в связи с оценкой, исходящей из влечения Я (Ichtriebe), точно так же как первые сексуальные удовлетворения получаются в связи с функциями, необходимыми для сохранения жизни. «Нежность» родитетелей и воспитателей, которая редко не отличается явным

эротическим характером («ребенок — эротическая игрушка»), много содействует тому, чтобы усилить эти придатки эротики к об'ектам фиксации влечений (Ichtriebe) и поднять их на такую высоту, при которой они должны повлиять на последующее развитие, в особенности, если этому способствуют еще и некоторые другие обстоятельства.

Нежные фиксации ребенка сохраняются в течение всего детства и к ним притекают новые эротические переживания, и эротика благодаря этому отклоняется от своих половых целей. В возрасте половой зрелости (Pubertät) к нежным фиксациям присоединяется еще «чувственное» течение, которое определенно сознает свои цели. Оно, понятно, идет всегда прежними путями и снабжает значительно бо́льшим количеством либидо об'екты первого инфантильного выбора. Но вследствие того, что оно натыкается там на воздвигнутые препятствия кровосмесительного ограничения (Inzestschränke), то оно стремится найти возможно скорей переход от этих, реально не подходящих, об'ектов к другим, посторонним, с которыми было бы возможно настоящее половое сожительство. Эти посторонние об'екты избираются, однако, по образцу (Imago) инфантильных, но со временем они привлекают к себе ту нежность, которая была фиксирована на прежних. Мужчина оставляет отца и мать—как предписывается в библии,—чтобы следовать за женой, нежность и чувственность сливаются воедино. Высшая степень чувственной влюбленности связана с наибольшей психической оценкой (нормальная переоценка полового об'екта мужчиной).

При неудаче этого процесса решающее значение имеют два момента развития либидо. Во-первых, степень р е а л ь н о г о з а п р е т а, который не допускает нового выбора об'екта и обесценивает его для индивида. Ведь нет никакого смысла заниматься выбором об'екта, если запрещено вообще выбирать, или не имеешь никакой надежды выбирать что-нибудь достойное. Во-вторых, степень п р и в л е к а т е л ь н о с т и, которой могут обладать те инфантильные об'екты, от которых следует уйти; она пропорциональна эротической фиксации, которой они были наделены еще в детстве. Если эти два фактора достаточно сильны, то начинает действовать общий механизм образования неврозов. Либидо отвращается от реальности, подхватывается работой фантазии (Introversion)

усиливает образы первых детских об'ектов и фиксируется на них. Но кровосмесительное ограничение заставляет оставаться в бессознательном либидо, обращенное на эти об'екты, изживание чувственного течения, кроющегося теперь в бессознательном, в онанистических актах способствует тому, чтобы укрепить эти фиксации. Положение дела не меняется и тогда, когда неудавшийся в реальности прогресс совершается в фантазии, т.-е. когда в фантастических ситуациях, ведущих к онанистическому удовлетворению, первоначальные половые об'екты заменяются посторонними. Благодаря такому замещению, фантазии делаются способными проникнуть в сознание; но в реальном либидо при этом не замечается никакого прогресса.

Таким образом может случиться, что вся чувственность молодого человека окажется связанной в бессознательном с инцестуозными об'ектами или, как мы еще иначе формулируем,—она фиксирована на бессознательных инцестуозных фантазиях. В результате получается абсолютная импотенция, которая к тому же еще и укрепляется благодаря одновременно приобретенному действительному ослаблению органов, выполняющих половой акт.

Для образования собственно так называемой психической импотенции требуются более мягкие условия. Чувственное течение во всем об'еме вынуждено скрываться за нежным течением, оно должно быть в достаточной мере сильным и свободным от задержек, чтобы хотя бы отчасти пробить себе путь к реальности. Половая активность таких лиц носит на себе явные признаки того, что руководящие ею психические импульсы действуют не во всем об'еме; она капризна, подвижна, легко нарушается, функционирует часто неправильно, доставляет мало удовольствия. Но главным образом она избегает слияния с нежным течением. Таким образом создается ограничение в выборе об'ектов. Оставшееся активным чувственное течение ищет только таких об'ектов, которые не напоминают запретных инцестуозных лиц; если какое-нибудь лицо производит впечатление, вызывающее высокую психическую оценку, то оно влечет за собой не чувственное возбуждение, а эротически недействительную нежность. Любовная жизнь таких людей остается расщепленной в двух направлениях, нашедших свое выражение в искусстве, как небесная и земная (жи-

вотная) любовь. Когда они любят, они не желают обладания, а когда желают, не могут любить. Они ищут об'ектов, которых им не нужно любить, чтобы отдалять чувственность от любимых об'ектов, и странная несостоятельность в форме психической импотенции наступает,—согласно законам «чувствительности комплекса» (Komplexempfindlichkeit) и «возвращения вытесненного (Rückkehr des Verdrängten) тогда, когда иной раз какая-нибудь незначительная черта лица об'екта, избранного во избежание инцеста, напоминает об'ект, которого следует избегать.

Главным средством против такого нарушения, которым пользуются люди с расщепленным любовным чувством, является психическое унижение полового об'екта, в то время как переоценка, присущая при нормальных условиях половому об'екту, сохраняется для инцестуозного об'екта и его заместителей. Чувственность может свободно проявляться только при выполнении условия унижения, притом возможны значительные проявления половой активности и сильное чувство наслаждения. Этому благоприятствует еще другое. Лица, у которых нежное и чувственное течение недостаточно слились, не обладают по бòльшей части достаточно тонким любовным чувством; у них сохранились половые ненормальности, неудовлетворение которых ими ощущается как определенное понижение удовольствия, а удовлетворение возможно только с приниженными, мало оцениваемыми половыми об'ектами.

Понятны теперь мотивы упомянутых в первом очерке фантазий мальчика, который принижает мать до степени проститутки. В них проявляется старание, хотя бы в фантазии, перекинуть мост через пропасть, разделяющую эти два течения любовной жизни, завладеть матерью как об'ектом чувственного влечения, ценою ее унижения.

2.

До сих пор мы занимались врачебно-психологическим исследованием психической импотенции, не оправдываемым заглавием этой статьи. Но дальше мы поймем, что нам нужно было начать с этого вступления, чтобы иметь возможность обратиться к настоящей теме.

Психическую импотенцию мы свели к неслиянию нежного и чувственного течения в любовной жизни; а указанную задержку развития об'яснили влиянием детских фиксаций и более поздним запретом при промежуточном возникновении инцестуозного запрета. Против этого учения можно, во-первых, выдвинуть следующее возражение: если оно дает нам слишком много: оно нам об'ясняет, почему некоторые лица страдают психической импотенцией, то для нас остается загадочным, как иные люди могли избежать этого страдания. Так как приходится сознаться, что все указанные видимые моменты—как-то: сильная детская фиксация, кровосмесительный запрет и запрет в более поздние годы развития после наступления половой зрелости—имеются почти у всех культурных людей, то было бы вполне правильно заключить, что психическая импотенция является общим страданием культурного человечества, а не болезнью отдельных лиц.

Если понятие о психической импотенции брать шире и не ограничивать только невозможностью полового акта, при наличности полового желания и физически здорового полового аппарата, то сперва приходится причислить сюда всех тех мужчин, которых называют психастениками, которым если и удается всегда акт, то он не доставляет особенного наслаждения; это встречается чаще, чем полагают. Психоаналитическое исследование таких случаев, не об'ясняя сначала разницы в симптоматологии, открывает те же этиологические моменты. От анэстетичных (лишенных чувственности) мужчин легко оправдываемая аналогия ведет к громадному числу фригидных женщин, отношение которых к половой любви нельзя лучше описать и понять, как указанием на полное его сходство с более известной психической импотенцией мужчин.

Но если мы не будем расширять понятие о психической импотенции, а присмотримся к оттенкам ее симптоматологии, то мы не сможем не согласиться с тем, что любовные проявления мужчины в нашем современном культурном обществе вообще носят типичные признаки психической импотенции. Нежное и чувственное течения только у очень немногих интеллигентных мужчин в достаточной степени спаяны; мужчина почти всегда чувствует себя стесненным в проявлениях своей половой жизни благодаря чувству уважения к женщине и

проявляет свою полную потенцию только тогда, когда имеет дело с низким половым об'ектом. Такое обстоятельство обусловливается кроме того тем, что к его половым стремлениям присоединяются компоненты извращенности, которых он не осмеливается удовлетворить с женщиной, заслуживающей уважение. Полное половое удовольствие он может испытать только тогда, когда безудержно отдается наслаждению, чего он, например, не осмеливается проявлять со своей высоконравственной супругой. Отсюда происходит его потребность в униженном половом об'екте, женщине этически малоценной, у которой, по его мнению, нет эстетических требований, которой неизвестны его общественные отношения, и она не в силах о них судить. Перед такой женщиной он всего легче обнаруживает свою половую силу даже в том случае, если его нежность направлена к более высоко стоящей. Возможно, что так часто наблюдаемая склонность мужчин высших общественных классов выбирать себе любовницу или даже законную супругу из женщин низкого сословия является только следствием потребности в униженном половом об'екте, с которым психологически связана возможность полного удовлетворения.

Я не колеблюсь об'явить, что два момента, действительные при настоящей психической импотенции: интенсивная инцестуозная фиксация детского возраста и реальный запрет в юношеском возрасте,—являются причиной также и этого, такого частого, проявления в поведении культурных мужчин в их любовной жизни. Пусть это и звучит неприятно и парадоксально, но следует сказать, что тот, кто в любовной жизни хочет быть свободным и счастливым, тот должен преодолеть респект перед женщиной и примириться с представлением о кровосмесительстве с матерью или с сестрой. Тот, кто готов в ответ на такое требование подвергнуть себя серьезной внутренней проверке перед самим собой, тот непременно найдет, что считает в сущности половой акт чем-то унизительным, что грязнит и позорит человека и не только его тело. Происхождение этой оценки, в которой верно не легко сознаться, можно найти только в периоде юности, когда чувственное течение было уже сильно развито, а удовлетворение было почти одинаково запрещено как по отношению к постороннему, так и к инцестуозному об'екту.

В нашем культурном обществе женщины находятся под

таким же влиянием воспитания, но кроме того еще и под влиянием поведения мужчин. Для них, разумеется, одинаково дурно и в том случае, когда они не находят в мужчине его половой мужской силы, как и тогда, когда повышенная вначале оценка их в периоде влюбленности сменяется после обладания пренебрежением. У женщины существует очень слабая потребность в унижении полового об'екта; в связи с этим находится, несомненно, и то обстоятельство, что обычно у женщины не проявляется ничего похожего на половую переоценку мужчины. Но длительное половое воздержание и удержание чувственности в области фантазии вызывают у нее другое важное последствие. Впоследствии она уже не в силах разрушить связь между чувственными переживаниями и запретом и оказывается психически импотентной, т.-е. фригидной, в то время, когда ей, наконец, разрешаются подобного рода переживания. Поэтому у многих женщин является стремление сохранить тайну еще даже и тогда, когда сношения ей уже разрешаются; у других появляется способность нормально чувствовать только в том случае, когда условия запрета снова имеют место при какой-либо тайной любовной связи. Изменяя мужу, она в состоянии сохранять любовную верность второго разряда.

Я полагаю, что условие запрета имеет в любовной жизни женщины то же значение, что унижение полового об'екта у мужчины. Оба являются следствием длительного откладывания начала половой жизни после наступления половой зрелости, как этого требует воспитание ради культурных целей. Оба стремятся прекратить психическую импотенцию, которая является следствием отсутствия слияния чувственного и нежного течений. Если следствия одной и той же причины оказываются различными у мужчины и у женщины, то причиной этому является, быть может, иное различие в поведении обоих полов. Культурная женщина обыкновенно не нарушает запрета в течение периода ожидания, и таким образом у нее создается тесная связь между запретом и сексуальностью. Мужчина нарушает большей частью запрет под условием унижения полового об'екта, и поэтому это условие и переносится в его последующую любовную жизнь.

Ввиду столь сильно назревшего в современном культурном обществе стремления к реформе половой жизни, считаю

не лишним напомнить, что психоаналитическому исследованию так же чужды какие бы то ни было тенденции, как и всякому другому. Оно стремится лишь к тому, чтобы вскрыть связи и зависимости, находя в скрытом причину общеизвестного. Психоанализ не может ничего иметь против того, чтобы его выводы были использованы при проведении реформы для создания полезного вместо вредного. Но он не может наперед сказать, не будут ли те или иные установления иметь следствием другие, более тяжелые жертвы.

3.

Тот факт, что культурное обуздание любовной жизни влечет за собой общее унижение полового об'екта, должен нас побудить перенести наше внимание с об'ектов на самые влечения. Вред первоначального запрета сексуального наслаждения сказывается в том, что позднейшее разрешение его в браке не дает уже полного удовлетворения. Но и неограниченная половая свобода с самого начала не приводит к лучшим результатам. Легко доказать, что психическая ценность любовной потребности понижается тотчас же, как только удовлетворение становится слишком доступным. Чтобы увеличить возбуждение либидо, необходимо препятствие; и там, где естественные сопротивления удовлетворению оказываются недостаточными, там люди всех времен создавали условные препятствия, чтобы быть в состоянии наслаждаться любовью. Это относится как к отдельным индивидам, так и к народам. Во времена, когда удовлетворение любви не встречало затруднений, как, например, в периоде падения античной культуры, любовь была обесценена, жизнь пуста. Нужны были сильные «реактивные образования» (Reaktionsbildungen), чтобы создать необходимые аффективные ценности. Все это дает основание утверждать, что аскетические течения христианства дали любви психическую ценность, которой ей никогда не могла дать языческая древность. Наивысшего значения любовь достигла у аскетических монахов, вся жизнь которых была наполнена почти исключительно борьбой с либидинозными искушениями.

Об'яснение встречающихся в этой области трудностей и неясностей прежде всего обращается, разумеется, к общим

свойствам наших органических влечений. В общем, конечно, совершенно верно, что психическое значение влечения повышается в связи с отказом от его удовлетворения. Стоит только попробовать подвергнуть одинаковому голоданию группу самых разнообразных людей. С возрастанием властной потребности в пище сглаживаются все индивидуальные различия и вместо них наступают однообразные проявления единого неудовлетворенного влечения. Но верно ли, что с удовлетворением влечения так уже сильно понижается его психическая ценность? Стоит вспомнить, например, отношение алкоголика к вину. Разве не правда, что вино дает алкоголику всегда одно и то же токсическое удовлетворение, часто сравниваемое в поэзии с эротическим, его можно сравнить с эротическим и с точки зрения научного понимания? Слыхали ли вы, чтобы пьяница принужден был вечно менять напитки, потому что он теряет вкус к одному и тому же напитку? Напротив, привычка все больше и больше укрепляет связь между человеком и излюбленным сортом вина. Слыхали ли вы, чтобы пьяница проявлял потребность отправиться в страну, где вино дорого или где запрещено его пить, чтобы пьяница старался возбудить свое особенное удовлетворение, создавая подобные затруднения? Ничего подобного. То, что говорят наши великие алкоголики, напр., Беклин, о своем отношении к вину, звучит как чистейшая гармония, как образец счастливого брака. Почему же у любящего совершенно иное отношение к своему сексуальному об'екту?

Я думаю, что следовало бы—как это странно ни звучит—допустить возможность существования в самой природе сексуального влечения чего-то, что не благоприятствует наступлению полного удовлетворения. Тогда из длительной и трудной истории развития этого влечения выделяются два момента, может быть вызывающие такое затруднение. Во-первых, вследствие двукратной попытки выбора об'екта, с промежуточным возникновением инцестуозного запрета, окончательный об'ект полового влечения никогда не совпадает с первоначальным, а является только его суррогатом. Психоанализ научил нас: если первоначальный об'ект какого-нибудь желания утерян вследствие вытеснения, то он нередко подменяется бесконечным рядом заменяющих об'ектов, из которых не удовлетворяет вполне ни один. Это может нам об'яс-

нить то непостоянство в выборе об'екта и ту неутомимость, которыми так нередко отличается любовная жизнь взрослого.

Во-вторых, мы знаем, что половое влечение распадается на большое число компонентов,—не все могут войти в состав его позднейшего образования,—но их нужно прежде всего подавить или найти другое применение. К ним относятся сначала копрофильные части влечения, которые оказались несовместимыми с нашей эстетической культурой, вероятно, с тех пор, как мы благодаря вертикальному положению тела при ходьбе удалили наш орган обоняния от поверхности земли. Далее, той же участи подлежит значительная часть садистических импульсов, которые также относятся к числу проявлений любовной жизни. Но все эти процессы развития захватывают только верхние слои сложной структуры. Основные процессы, вызывающие любовное возбуждение, остаются незатронутыми. Экскрементальное слишком тесно и неразрывно связано с сексуальным, положение гениталий — inter urinas et faeces — остается предопределяющим и неизменным моментом. Здесь можно было бы, несколько изменив, повторить известное изречение Наполеона: «анатомия решает судьбу». Гениталии не проделали вместе со всем человеческим телом развития в сторону эстетического совершенствования, они остались животными, и поэтому и любовь в основе своей и теперь настолько же животна, какой она была испокон веков. Любовные влечения с трудом поддаются воспитанию, их воспитание дает то слишком много, то слишком мало. То, что стремится из них сделать культура, недостижимо; оставшиеся без применения возбуждения дают себя знать при активных половых проявлениях в виде неудовлетворенности.

Таким образом приходится, может быть, примириться с мыслью, что равновесие между требованиями полового влечения и культуры вообще невозможно, что невозможно устранить лишения отказа и страдания, как и общую опасность прекращения в отдаленном будущем всего человеческого рода в силу его культурного развития. Хотя этот мрачный прогноз основан на том только единственном предположении, что культурная неудовлетворенность является необходимым следствием известных особенностей, приобретенных половым влечением под давлением культуры. Но именно эта неспо-

собность полового влечения давать полное удовлетворение, как только это влечение подчинилось первым требованиям культуры, становится источником величайших культурных достижений, осуществляемых благодаря все дальше идущему сублимированию компонентов этого влечения. Ибо какие мотивы могли бы побудить людей давать другое применение сексуальным импульсам, если бы при каком-либо распределении их они могли бы получать полное счастье? Они не отошли бы от этого счастья и не делали бы дальнейших успехов.

Таким образом кажется, что благодаря непримиримому разладу между требованиями обоих влечений—сексуальными и эгоистическими—люди становятся способными на все высшие достижения, хотя постоянно подвергаются опасности заболеть неврозом, особенно наиболее слабые из них.

Цель науки—ни пугать, ни утешать. Но я и сам готов допустить, что такие общие заключения, как высказанные выше, следует построить на более широком основании, и что, может быть, некоторые направления в развитии человечества могут помочь исправить указанные нами в изолированном виде последствия.

ТАБУ ДЕВСТВЕННОСТИ.

Немногие детали сексуальной жизни примитивных народов производят такое странное впечатление на наше чувство, как оценка этими народами девственности, женской нетронутости. Ценность девственности с точки зрения ухаживающего мужчины кажется настолько несомненной и само собой понятной, что нами почти овладевает смущение, когда мы хотим оправдать и обосновать это мнение. Требование, чтобы девушка в браке с одним мужем не сохранила воспоминаний о сношениях с другим, представляет из себя не что иное, как последовательное развитие исключительного права обладания женщиной, составляющее сущность монополии, распространение этой монополии на прошлое.

Нам не трудно уже позже оправдать то, что казалось сначала предрассудком, нашим мнением о любовной жизни женщины. Кто первый удовлетворяет с трудом в течение долгого времени подавляемую любовную тоску девушки и при этом преодолевает ее сопротивление, сложившееся под влиянием среды и воспитания, тот вступает с ней в длительную связь, возможность которой не открывается уже больше никому другому. Вследствие этого переживания у женщины развивается «состояние подчиненности», которое является порукой ненарушимой длительности обладания ею и делает ее способной к сопротивлению новым впечатлениям и искушениям со стороны посторонних.

Выражение «сексуальная подчиненность» предложено в 1892 г. v. Krafft-Ebing'ом для обозначения того факта, что одно лицо может оказаться в необыкновенно большой зависимости и несамостоятельности по отношению к другому лицу, с которым находится в половом общении. Эта принадлежность может иной раз зайти так далеко, до потери всякого самостоятельного желания, до безропотного согласия на самые тяжелые жертвы собственными интересами; упомянутый

автор, однако, замечает, что известная доля такой зависимости «безусловно необходима для того, чтобы связь была длительной». Такая доля сексуальной подчиненности действительно необходима для сохранения культурного брака и для подавления угрожающих ему полигамических тенденций, и в нашем социальном общежитии этот фактор всегда принимается в расчет.

Krafft-Ebing об'ясняет возникновение сексуальной подчиненности «необыкновенной степенью влюбленности и слабости характера», с одной стороны, и безграничным эгоизмом, с другой стороны. Однако аналитический опыт не допускает возможности удовлетвориться этим простым об'яснением. Он показывает, что решающим моментом является величина сексуального сопротивления, которое необходимо преодолеть вместе с концентрацией и неповторяемостью процесса преодоления. Поэтому «подчиненность» гораздо чаще встречается и бывает интенсивней у женщины, чем у мужчины, а у последнего в наше время все же чаще, чем в античные времена. Там, где мы имеем возможность изучить сексуальную «подчиненность» у мужчин, она оказалась следствием преодоления психической импотенции при помощи данной женщины, к которой с того времени и привязался этот мужчина. Таким ходом вещей, повидимому, об'ясняются много странных браков и не одна трагическая судьба,—даже повлекшая к самым значительным последствиям.

Неправильно описывают поведение примитивных народов, о котором ниже идет речь, те, кто утверждает, что эти народы не придают никакого значения девственности, и в доказательство указывают, что дефлорация девушек совершается у них вне брака и до первого супружеского сношения. Наоборот, кажется, что и для них дефлорация является актом, имеющим большое значение, но она стала предметом табу, заслуживающим названия религиозного запрета. Вместо того, чтобы предоставить ее жениху и будущему мужу девушки, обычай требует того, чтобы именно он уклонился от этого [1]).

---

[1]) Crawley, „The mystic rose, a study of primitive marriage“, London 1902; Bartels-Ploss, „Das Weib in der Natur- und Völkerkunde“, 1891, различные места у Frazer'a, „Taboo and the perils of the soul“; и Havelok Ellis, „Studies in the psychology of the sex“.

В мои планы не входит собрать полностью литературные свидетельства, доказывающие существование этого запрета, проследить его географическую распространенность и перечислить все формы, в которых он выражается. Я довольствуюсь поэтому тем, что констатирую, что подобное устранение девственной плевы, совершаемое вне последующего брака, является чем-то весьма распространенным у живущих в настоящее время примитивных народов. Так Crawley говорит [1]): «Брачный обряд сводится к прободению девственной плевы определенным лицом, но не мужем, что очень распространено на низких уровнях культуры, особенно же в Австралии».

Если же дефлорация не должна иметь места при первом брачном сношении, то ее должен совершить раньше — каким-нибудь образом и кто-нибудь. Я приведу несколько мест из вышеупомянутой книги Crawley'я, в которой имеются сведения по этому вопросу, и которые дают нам основание для некоторых критических замечаний.

S. 191: «У диери и у некоторых соседних племен (в Австралии) распространен обычай разрывать девственную плеву, когда девушка достигает половой зрелости. У племен Портланда и Гленелга совершить это у невесты выпадает на долю старой женщины, а иногда приглашаются белые мужчины с целью лишить невинности девушек».

S. 307: «Преднамеренный разрыв плевы совершается иногда в детстве, но обыкновенно во время наступления половой зрелости... Часто он соединяется, как, например, в Австралии, с специальным актом оплодотворения».

S. 348: (по сообщениям Spenser'a и Gillen'a об австралийских племенах, у которых существуют известные эксогамические брачные ограничения): «Плева искусственно пробуравливается, и присутствующие при этой операции мужчины совершают в точно установленном порядке (необходимо заметить: по определенному церемониалу) половой акт с девушкой. Весь процесс состоит, так сказать, из двух актов разрушения плевы и последующего полового общения [2])».

---

[1]) l. c., p. 347.

[2]) Плева искусственно нарушается, и затем произведший операцию мужчина имеет сношение (церемониальное, заметим это) с девушкой по установленным правилам... Обряд состоит из двух частей — из разрывания плевы и сношения.

S. 349: «У мазаев (в экваториальной Африке) совершение этой операции составляет одно из самых главных приготовлений к браку. У закаев (Малайские острова), у баттов (Суматра) и альфуров (на Целебесе) дефлорация производится отцом невесты. На Филиппинских островах имелись определенные мужчины, специальностью которых была дефлорация невест в том случае, если плева не была еще в детстве разрушена старой женщиной, которой это специально поручалось. У некоторых эксимосских племен лишение невинности невесты представляется ангекоку или шаману [1])».

Замечания, о которых я уже упомянул, относятся к двум пунктам. Во-первых, приходится жалеть о том, что в этих указаниях нет более тщательного различия между одним только разрушением плевы без полового акта и половым актом с целью такого разрушения. Только в одном месте мы определенно слышали, что весь процесс распадается на два акта: на (ручную или инструментальную) дефлорацию и на последующий затем половой акт. Очень обильный материал у Bartels-Ploss'а оказывается почти непригодным для наших целей, потому что в их изложении психологическое значение акта дефлорации совершенно исчезает перед анатомическим его результатом. Во-вторых, очень желательно было бы узнать, чем отличается «церемониальный» (чисто формальный, торжественный, офицальный) половой акт при этих обстоятельствах от нормального полового общения. Доступные мне авторы или слишком стыдились об этом говорить, или опять-таки придавали слишком мало значения таким сексуальным подробностям с психологической точки зрения. Мы можем надеяться, что оригинальные сообщения путешественников и миссионеров более подробны и недвусмысленны, но при теперешней недоступности этой, по большей части иностранной, литературы, я не могу сказать ничего

[1]) Важным прелиминарием к бракосочетанию у мазаев является совершение этой операции у девушек (I. Thomson, op. sit., 258). Эта дефлорация производится отцом невесты у сакаев, батта и альфуров на Целебесе (Bartels-Ploss, op. cit. II, 490). На Филиппинских островах существуют мужчины по своей профессии лишающие невинности невест; если у старухи девственная плева не была разорвана в детстве, она могла производить ту же операцию над невестами. (Feathermann., op. cit., II, 474). Дефлорация невесты у некоторых эскимосских племен доверяется ангекоку (шаману) (ib. III, 406).

определенного. Впрочем, можно пренебречь сомнением по поводу этого второго пункта, принимая во внимание соображение, что церемониальный мнимый половой акт, вероятно, представляет собой замену и может быть сменил настоящий акт, который прежде совершался полностью [1]).

Для об'яснения этого табу девственности можно указать на разнообразные моменты, которым я дам краткую оценку. При дефлорации девушки обыкновенно проливается кровь; первая попытка об'яснения так и ссылается на страх примитивных народов перед кровью, так как они считают, что в крови находится жизнь. Это табу крови доказывается многими предписаниями, не имеющими ничего общего с сексуальностью; оно, очевидно, имеет связь с запрещением убивать и составляет защитительную меру против первичной кровожадности, сладострастия убийства первобытного человека. При таком понимании табу девственности приводится в связь с соблюдаемым почти без исключения табу менструаций. Примитивный человек не может отделить таинственный феномен месячного кровотечения от садистических представлений. Менструации, особенно первые, он истолковывает, как укус духообразного зверя, может быть, как признак сексуального общения с этим духом. Иной раз какое-нибудь сообщение дает возможность узнать в этом духе духа предка, и тогда нам становится понятным в связи с другими взглядами дикарей, что менструирующая девушка становится табу как собственность этого духа предка.

С другой стороны, нас предупреждают, чтобы мы не слишком переоценивали влияние одного только такого момента, как страха крови. Этот страх не мог, ведь, уничтожить такие обычаи, как обрезание мальчиков и еще более жестокое обрезание девушек (отсечение клитора и малых губ), которые отчасти в обычае у тех же самых народов, или прекратить значение других церемониалов, при которых также проливается кровь. Не было бы поэтому ничего удивительного в том, если бы этот страх преодолевался в пользу мужа при первом половом сношении.

---

[1]) Относительно многочисленных других случаев свадебных церемоний не подлежит никакому сомнению, что возможность распоряжаться невестой в половом отношении предоставляется не жениху, а другим лицам, например, помощникам и спутникам его („шаферам“ по нашему обычаю).

Второе об'яснение также не принимает во внимание сексуальное, но заходит гораздо дальше. Оно указывает на то, что примитивный человек является жертвой постоянно подстерегающего его чувства страха совершенно так, как, по нашему мнению, невротик страха, согласно психо-аналитическому учению о неврозах. Эта склонность к страху сильнее всего проявляется во всех случаях, каким-либо образом отступающих от обычного, привносящих нечто новое, неожиданное, непонятное, жуткое. Отсюда и происходит доходящая до самых поздних религий церемония, связанная со всяким новым начинанием, с началом всякого нового периода времени, с появлением всякого первенца у человека, животного и плода. Никогда опасности, которые угрожают боящемуся, по его мнению, не ожидаются им больше, чем в начале опасного положения, и тогда-то и является самым целесообразным защититься от них. Первое половое общение в браке по своему значению имеет все основания на то, чтобы ему предшествовали эти меры предосторожности. Обе попытки об'яснения как страхом перед кровью, так и страхом перед всем перворотным, не противоречат одна другой, а, наоборот, подкрепляют друг друга. Первое половое общение несомненно акт, внушающий опасение, тем более, что при нем проливается кровь.

Третье об'яснение,—Crawley отдает ему предпочтение,—обращает внимание на то, что табу девственности входит в одну большую связь явлений, охватывающих всю сексуальную жизнь. Не только первое половое общение с женщиной представляет из себя табу, но половой акт вообще, пожалуй, можно было бы сказать, что женщина в целом является табу. Женщина является табу не только в исключительных, вытекающих из ее половой жизни положениях—менструации, беременности, родов и послеродового периода, но и вне этих положений общение с женщиной подвержено таким серьезным и многочисленным ограничениям, что у нас имеются все основания сомневаться в означенной сексуальной свободе дикарей. Совершенно верно, что в определенных случаях сексуальность примитвных народов не знает никаких преград, но обычно она, повидимому, сильнее сдерживается запрещениями, чем на более высоких ступенях культуры. Как только мужчина предпринимает что-нибудь особенное,—экспедицию,

охоту, военный поход,—он должен держаться вдали от женщины, особенно же воздерживаться от полового общения; в противном случае его сила была бы парализована, и он потерпел бы неудачу. И в обычаях повседневной жизни открыто проявляется стремление к раз'единению полов. Женщины живут с женщинами, мужчины с мужчинами; семейной жизни в нашем смысле у многих примитивных племен нет, раз'единение полов доходит иной раз так далеко, что лицам одного пола запрещается произносить собственные имена другого пола, что у женщин развивается свой язык с особой сокровищницей слов. Сексуальная потребность вынуждает всякий раз вновь преодолевать эти преграды, созданные раз'единением полов, но у некоторых племен свидание даже супругов может иметь место только вне дома и втайне

Где примитивный человек установил табу, там он боится опасности, и нельзя отрицать, что во всех этих предписаниях избегать женщины выражается принципиальная перед ней боязнь. Может быть, эта боязнь об'ясняется тем, что женщина иная, не такая, как мужчина, всегда непонятна и таинственна, чужда и потому враждебна. Мужчина боится быть ослабленным женщиной, заразиться ее женственностью и оказаться поэтому неспособным. Ослабляющее и расслабляющее, вялое напряжение действий полового акта может быть образцом, оправдывающим такие опасения, а распространение этого страха оправдывается сознанием того влияния, которое женщина приобретает над мужчиной, благодаря половому общению, и внимания к себе, которое она этим завоевывает. Во всем этом нет ничего такого, что устарело бы, что не продолжало бы жить и среди нас.

Многие наблюдатели живущих в настоящее время примитивных народов пришли к выводу, что их любовные порывы сравнительно слабы и никогда не достигают той интенсивности, которую мы обычно находим у культурного человечества. Другие возражали против такой оценки, однако перечисленные обычаи табу указывают, во всяком случае, на существование силы, сопротивляющейся любви, так как она отвергает женщину, как чуждую и враждебную.

В выражениях, немногим только отличающихся от принятой в психоанализе терминологии, Crawley доказывает,

что каждый индивид отделяется от других посредством «taboo of personal isolation», и что именно мелкие различия при сходстве в других отношениях об'ясняют чувства чуждости и враждебности между ними. Было бы очень соблазнительно проследить эту идею и из этого «нарцизма мелких различий» вывести враждебность, которая, как мы видим, с успехом борется во всех человеческих отношениях с чувствами общности и одолевает заповедь всеобщего человеколюбия. Психоанализ полагает, что открыл главную из причин нарцистического, сильно пропитанного презрением, отрицательного отношения к женщинам тем, что указал на происхождение этого презрения из кастрационного комплекса и влияние этого комплекса на суждение о женщине.

Однако мы замечаем, что последние соображения далеко увели нас от нашей цели. Общее табу женщины не проливает никакого света на особенные предписания, касающиеся первого полового акта с девственным индивидом. Здесь мы должны удовлетвориться двумя первыми попытками дать об'яснение страхом перед кровью и страхом перед впервые совершающимся, но даже и об этих об'яснениях мы должны сказать, что они обнаруживают суть запрещения табу, о котором идет речь. В основе этого запрещения лежит, очевидно, намерение запретить именно мужу что-то такое или уберечь его от чего-то такого, что неотделимо от первого полового акта, хотя, согласно сделанному нами вначале замечанию, именно с этим связана особенная привязанность женщины к одному этому мужчине.

На этот раз наша задача состоит не в том, чтобы об'яснить происхождение и значение предписаний табу. Это я сделал в моей книге «Totem und Tabu»; там я дал оценку значения первичной амбивалентности для табу и защищал мнение о происхождении табу из доисторических процессов, приведших к образованию человеческой семьи. Из современных наблюдений над обычаями табу у примитивных народов нельзя заключить о таком первоначальном его значении. Пред'являя подобное требование, мы слишком легко забываем, что даже самые примитивные народы живут в условиях культуры, весьма отдаленной от первичной, во временном отношении такой же старой, как и наша, и также соответствующей более поздней, хотя и другой ступени развития.

В настоящее время мы находим табу у примитивных народов уже развившимся в весьма искусную систему, совершенно подобно тому, как наши невротики проделывают развитие своих фобий, и старые мотивы табу—замененными новыми гармонически согласованными. Не обращая внимания на эти генетические проблемы, мы хотим остановиться только на том взгляде, что примитивный человек создает табу там, где боится опасности. Эта опасность, вообще говоря, психическая, потому что примитивный человек не вынужден делать различий, которые нам кажутся неизбежными. Он не отличает материальную опасность от психической и реальную от воображаемой. Согласно его последовательно проводимому анимистическому миросозерцанию, всякая опасность исходит от враждебного намерения равного ему одушевленного существа—как опасность, которой угрожает сила природы, так и грозящая со стороны другого человека или зверя. С другой стороны, он привык свои собственные внутренние враждебные душевные движения проецировать во внешний мир, приписывать их об'ектам, которые он ощущает как неприятные или хотя бы даже как чуждые. Источником таких опасностей считает он и женщину, а первый половой акт с женщиной считается особенно большой опасностью.

Я полагаю, что нам удастся выяснить, какова эта повышенная опасность, и почему она именно угрожает будущему мужу, если мы более подробно исследуем поведение современных женщин нашего культурного уровня при подобных же условиях. В результате такого исследования я утверждаю, что подобная опасность действительно существует, так что примитивный человек защищается посредством табу девственности против кажущейся, но вполне правильной, хотя и психической опасности.

Мы считаем нормальной реакцией, когда женщина после полового акта на высоте удовлетворения обнимает, прижимает к себе мужчину, видим в этом выражение ее благодарности и обещание длительной верности. Но мы знаем, что это поведение обычно не распространяется и на случай первого полового общения; очень часто он приносит женщине, остающейся холодной и неудовлетворенной, только разочарование, и обычно должно пройти много времени, и нужно частое повторение полового акта для того, чтобы он давал удовлетворение также и

женщине. От этих случаев только начальной и скоро проходящей фригидности ведет непрерывный ряд к тем печальным случаям постоянной холодности, которые не могут преодолеть никакие нежные старания мужчины. Я полагаю, что эта фригидность женщины еще недостаточно понята, и за исключением тех случаев, когда нужно вину за нее вменить недостаточной потенции мужчины, требует об'яснения при помощи сродных ей явлений.

Столь частые попытки избежать первого полового общения я не хочу принимать здесь во внимание, потому что они имеют несколько об'яснений, и в первую очередь, если не безусловно, именно в них нужно видеть выражение общего стремления женщин к сопротивлению. Но зато я думаю, что свет на загадку женской фригидности проливают некоторые патологические случаи, в которых женщина после первого и даже после всякого повторного общения открыто проявляет свою враждебность к мужчине, ругая его, поднимая против него руку или даже действительно ударяя его. В одном замечательном случае такого рода, который мне удалось подвергнуть подробному анализу, это случалось, несмотря на то, что женщина очень любила мужа, обычно сама требовала полового акта и явно испытывала при этом большое удовлетворение. По моему мнению, эта странная противоречивая реакция является следствием тех же душевных движений, которые обычно могут проявиться как фригидность, т.-е. оказывается в состоянии подавить нежную реакцию, не имея возможности проявиться сама. В патологическом случае разлагается на оба компонента то, что при гораздо более частой фригидности сливается в одно задерживающее действие, совершенно подобно тому, как нам это уже давно известно в так называемых «двухвременных» симптомах навязчивости. Опасность, которая таким образом возникает благодаря дефлорации женщины, состоит в том, что актом дефлорации можно навлечь на себя ее враждебность, и именно у будущего мужа имеются все основания стараться избежать этой вражды.

Анализ дает возможность без всякого труда угадать, какие именно душевные движения у женщины принимают участие в описанном парадоксальном ее поведении, в котором я надеюсь найти об'яснение ее фригидности. Первый половой акт пробуждает целый ряд таких душевных движений, кото-

рым не должно быть места при желательной направленности женщины и часть которых и не возникает вновь при последующих общениях. В первую очередь тут приходится подумать о боли, которая причиняется девственнице при дефлорации, и, может быть, склонны будут считать этот момент решающим и не искать более других. Но нельзя приписывать такого значения боли, скорее можно это сделать нарцистической уязвленности, вытекающей из разрушения органа и рационально оправдываемой сознанием того, что дефлорация понижает сексуальную ценность. Но свадебные обычаи примитивных народов предупреждают и против такой переоценки. Мы слышали, что в некоторых случаях церемония протекает в два периода, что после разрыва плевы (рукой или инструментом) следует официальный, действительный или мнимый, половой акт с заместителями мужа, и это нам показывает, что смысл предписания табу не исчерпывается тем, что избегают анатомической дефлорации, что мужа необходимо уберечь от чего-то другого, а не только от реакции жены на болезненное поранение.

Другую причину разочарования в первом половом акте мы видим (по крайней мере, у культурной женщины) в том, что ожидания, с ним связанные, и осуществление не могут совпасть. До этого времени половое общение ассоциировалось с самым строгим запретом и легальный, разрешенный половой акт не воспринимается как таковой. Насколько тесной может быть такая связь, видно из почти комического старания многих невест сохранить в тайне новые любовные отношения от всех чужих и даже от родителей в тех случаях, где в этом нет никакой настоящей необходимости и не приходится ждать ни с чьей стороны протестов против этих отношений. Девушки так открыто и говорят, что любовь теряет для них цену, если другие о ней знают. В некоторых случаях этот мотив может разрастись до такой силы, что мешает вообще развитию способности любить в браке. Женщина снова находит свою нежную чувствительность только в запретных отношениях, которые нужно держать в тайне, и при которых она только чувствует уверенность в собственной, свободной от влияний, воли.

Однако и этот мотив недостаточно глубок; кроме того, связанный с культурными условиями, он лишен тесной связи с состоянием примитивных народов. Тем значительнее поэтому

следующий момент, обусловленный историей развития либидо. Благодаря стараниям психоанализа нам стало известно, как постоянны и сильны самые ранние привязанности либидо. Речь при этом идет о сохранившихся сексуальных желаниях детства, у женщины по большей части о фиксации либидо на отце или на заменяющем его брате, желания, которые довольно часто направлены были не на coitus, а на нечто другое или включали и его, но только как неясно сознанную цель. Супруг является всегда только так сказать заместителем, но никогда не «настоящим»; первым имеет право на любовь женщины другой, в типичных случаях отец; муж, самое большее, второе. Все зависит от того, насколько интенсивна эта фиксация и как крепко она удерживается для того, чтобы заместитель был отклонен как неудовлетворительный. Фригидность таким образом занимает место среди генетических условий невроза. Чем сильнее психический момент в сексуальной жизни женщины, тем устойчивее окажется ее распределение либидо против потрясений первого сексуального акта, тем менее потрясающе подействует на нее физическое обладание. Фригидность может тогда укрепиться как невротическая задержка или послужит почвой для других неврозов, и даже незначительное понижение мужской потенции приходится при этом принимать во внимание как вспомогательный момент.

Повидимому, обычай примитивных народов считается с мотивом прежнего сексуального желания, поручая дефлорацию старейшему, священнику, святому мужу, т.-е. заместителю отца (см. в.). Отсюда, как мне кажется, ведет прямая дорога к вызывавшему столько споров jus primae noctis средневекового помещика. A. J. Storfer[1]) отстаивал тот же взгляд, кроме того, об'яснил широко распространенный институт «Тобиясова брака» (обычая воздержания в течение первых трех ночей) как признание преимущественных прав патриарха, как и до него уже это сделал C. G. Jung[2]). В соответствии с нашим предположением мы находим среди суррогатов отца, которым поручена дефлорация, также и изображения богов.

---

[1]) „Zur Sonderstellung des Vatermordes", 1911 („Schriften zur angewandten Seelenkunde", XII).

[2]) Jung, „Значение отца в судьбе отдельного человека". См. вып. XI этой библиотеки.

В некоторых областях Индии новобрачная должна принести в жертву деревянному Lingam свою плеву, и, по сообщению святого Августина, в римском брачном церемониале имелся такой же обычай (в его время?) с тем только послаблением, что молодой женщине приходилось только садиться на огромный каменный фаллус Приапа [1]).

К более глубоким слоям возвращается другой мотив, который, как это можно доказать, является главным виновником парадоксальной реакции против мужа и влияние которого, по моему мнению, проявляется еще во фригидности женщины. Благодаря первому coitus'у у женщины, кроме описанных, оживают еще другие прежние душевные движения, которые вообще противятся женской функции и роли.

Из анализа многих невротических женщин нам известно, что они проделали раннюю стадию развития, в течение которой они завидовали брату в том, что у него имеется признак мужественности, и чувствовали себя из-за отсутствия этого признака (собственно, его уменьшения) обойденными или обиженными. Эту «зависть из-за penis'а» мы причисляем к «кастрационному комплексу». Если понимать под «мужским» желание быть мужчиной, то это поведение можно назвать «мужским протестом»,—название, придуманное Alf. Adler'ом, чтобы об'явить этот фактор вообще носителем невроза. В этой фазе девочки часто не скрывают своей зависти и вытекающей из нее враждебности по отношению к более счастливому брату: они пытаются мочиться, стоя прямо, как брат, чтобы отстоять свое мнимое половое равноправие. В упомянутом уже случае неограниченной агрессивности после coitus'а по отношению к любимому мужу, я мог установить, что эта фаза имела место до выбора об'екта. Позже только либидо маленькой девочки обратилось на отца, и тогда она стала желать вместо penis'а — ребенка [2]).

Я не был бы удивлен, если бы в других случаях временная последовательность этих переживаний оказалась обратной и эта часть кастрационного комплекса проявила свое действие только после состоявшегося выбора об'екта. Но

[1]) Ploss und Bartels, „Женщина", I, гл. XII. и Dulaure, „Des divinités génératrices, Paris 1885, p. 142 и сл.

[2]) См. выпуск III этой библиотеки, ст. II „О превращении влечений, в особенности анальной эротики", стр. 199.

мужская фаза женщины, во время которой она завидует мальчику из-за penis'а, исторически во всяком случае более ранняя и больше приближается к первоначальному нарцизму, чем к любви к об'екту.

Несколько времени тому назад случай дал мне возможность понять сон новобрачной, который оказался реакцией на ее дефлорацию. Он легко выдавал желание женщины кастрировать молодого супруга и сохранить себе его penis. Несомненно, было достаточно места и для более безобидного толкования, что желательно было продления и повторения акта, но некоторые детали сновидения выходили за пределы такого смысла, а характер и дальнейшее поведение видевшей сон свидетельствовали в пользу более серьезного понимания. За этой завистью из-за penis'а проявляется враждебное ожесточение женщины против мужчины, которое всегда можно заметить в отношениях между полами и самые явные признаки которого имеются в стремлениях и в литературных произведениях «эмансипированных». Эту враждебность женщины Ferenczi—не знаю, первый ли—приводит путем соображений палебиологического характера к эпохе дифференциации полов. Сначала, думает он, копуляция имела место между двумя однородными индивидами, из которых один развился и стал более сильным и заставил другой, более слабый, перетерпеть половое соединение. Ожесточение за это превосходство сохранилось еще во врожденных склонностях современной женщины. Не думаю, чтобы пользование подобными размышлениями заслуживало упрека, поскольку удается не придавать им слишком большого значения.

После такого перечисления мотивов, сохранившихся в фригидности следов парадоксальной реакции женщины на дефлорацию, можно, обобщая, формулировать, что незрелая сексуальность женщины разряжается на мужчине, который впервые познакомил ее с сексуальным актом. Но в таком случае табу девственности приобретает достаточный смысл, и нам понятно предписание, требующее, чтобы этих опасностей избег именно тот мужчина, который навсегда должен вступить в совместную жизнь с этой женщиной. На более высоких ступенях культуры значение этой опасности отступает на задний план в сравнении с обещанием «подчиненности», а также и перед другими мотивами и соблазнами;

девственность рассматривается как благо, от которого мужчине не надо отказываться. Но анализ помех в браке показывает, что мотивы, которые заставляют женщину желать отомстить за свою дефлорацию, не совсем исчезли из душевной жизни культурной женщины. Я полагаю, что наблюдатель должен заметить, в каком необыкновенно большом числе случаев женщина остается фригидной в первом браке и чувствует себя несчастной, между тем как после расторжения этого брака она отдает свою нежность и счастье второму мужу. Архаическая реакция, так сказать, исчерпалась на первом об'екте.

Однако табу девственности и помимо того не исчезло в нашей культурной жизни. Народная душа знает о нем, и поэты иногда пользовались им как сюжетом творчества. Anzengruber изображает в одной комедии, как простоватый деревенский парень отказывается жениться на суженой ему невесте, потому что она «девка, за которую первый поплатится жизнью». Он соглашается поэтому на то, чтобы она вышла замуж за другого, и хочет затем на ней жениться, как на вдове, когда она уже не опасна. Заглавие пьесы: «Яд девственности» напоминает о том, что укротители змей заставляют ядовитую змею сперва укусить платок, чтобы потом безопасно иметь с ней дело [1]).

Табу девственности и часть его мотивировки нашли могучее изображение в известном драматическом образе, в Юдифи из трагедии Hebel'я «Юдифь и Олоферн». Юдифь одна из тех женщин, девственность которой защищается табу. Первый ее муж был парализован в брачную ночь таинственным страхом и никогда больше не решался дотронуться до нее. «Моя красота—красота ядовитой ягоды,—говорит она:—

---

[1]) Мастерски сжатый рассказ A. Schnitzler'a („Das Schicksal des Freiherrn v. Leisenbogh"), несмотря на различие в ситуации, заслуживает быть здесь приведенным. Погибший от несчастного случая любовник многоопытной в любви артистки создал ей как бы новую девственность, заклиная смертным проклятием мужчину, который будет ею обладать первым после него. Находящаяся под запретом этого табу женщина в течение некоторого времени не решается на любовные отношения. Но после того, как она влюбилась в одного певца, она прибегнула к уловке подарить раньше ночь барону v. Leisenbogh, который уже несколько лет добивался ее. На нем и исполняется проклятие; он погибает от удара, узнав о причине своего нежданного любовного счастья.

«наслаждение ею приносит безумие и смерть». Когда ассирийский полководец осаждает ее город, у нее созревает план соблазнить его своей красотой и погубить; она пользуется таким образом патриотическим мотивом для сокрытия сексуального. После дефлорации могучим и хвастающим своей физической силой и беспощадностью мужчины она находит в своем возмущении силу отрубить ему голову и таким образом становится освободительницей своего народа. Отрубление головы известно, как символическая замена кастрации; Юдифь таким образом женщина, кастрирующая мужчину, лишившего ее невинности, как этого желало описанное мною сновидение новобрачной. Hebbel с явной преднамеренностью сексуализировал патриотический рассказ из апокрифов ветхого завета, потому что там Юдифь, возвратившись, хвастает, что она не обесчещена, и в библейском тексте также отсутствует какое бы то ни было указание на ее страшную брачную ночь. Вероятно с тонким чутьем поэта он почувствовал древний мотив, включенный в тот тенденциозный рассказ, и только вернул сюжету его прежнее содержание.

J. Sadger в прекрасном анализе показал, как Hebbel руководился в выборе сюжета собственным родительским комплексом, и как это случилось, что в борьбе между полами он всегда становился на сторону женщины и проникал своим чувством в самые потаенные душевные ее движения [1]). Он цитирует также мотивировку, указанную самим поэтом, об'ясняющую внесенные им изменения сюжета, и совершенно правильно находит ее искусственной и как бы предназначенной для того, чтобы внешне оправдать нечто для самого поэта скрытое в бессознательном его, а по существу скрыть это. Не хочу касаться об'яснения Sadger'а, почему овдовевшая, согласно библейскому сказанию, Юдифь должна была превратиться в девственную вдову. Он указывает на намерение детской фантазии отрицать сексуальное общение между родителями и превратить мать в незапятнанную деву. Но я продолжаю: после того как поэт утвердил девственность своей фантазии, его чувствительная фантазия остановилась на враждебной реакции, которая вызывается нарушением девственности.

В заключение мы можем поэтому сказать: дефлорация

---

[1]) „Von der Pathographie zur Psychographie“, Imago, I Bd, 1912.

имеет не одно только культурное последствие—привязать женщину навсегда к мужчине; она дает также выход архаической реакции враждебности к мужчине, которая может принять патологические формы, довольно часто проявляющиеся как задержка в любовной жизни брака, и этой же реакции можно приписать тот факт, что вторые браки так часто оказываются более удачными, чем первые. Соответствующее табу девственности, боязнь, с которой муж у примитивных народов избегает дефлорации, находят свое полное оправдание в этой враждебной реакции.

Интересно, что как аналитик можешь встретить женщин, у которых обе противоположные реакции, подчиненности и враждебности, нашли себе выражение и остались в тесной связи между собой. Встречаются женщины, которые как будто совсем разошлись со своими мужьями и все же могут делать только тщетные усилия расстаться с ними. Как только они пробуют обратить свою любовь на другого мужчину, выступает как помеха образ первого, уже больше не любимого. Анализ тогда показывает, что .эти женщины привязаны еще к своим мужьям из подчиненности, но не из нежности. Они не могут освободиться от них, потому что не совершили над ними своей мести, в ярко выраженных случаях не осознали даже своих мстительных душевных желаний.

ИНФАНТИЛЬНАЯ ГЕНИТАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.

(Дополнение к сексуальной теории.)

Трудность исследовательской работы в психоанализе как нельзя лучше характеризуется тем обстоятельством, что несмотря на беспрерывное, длящееся десятки лет наблюдение все же легко не заметить общих черт и типичных отношений, пока они, наконец, не бросятся в глаза с полной очевидностью; нижеследующими замечаниями я хотел бы исправить подобного рода недосмотр в области инфантильной сексуальной теории.

Читателю, знакомому с моими «тремя статьями по сексуальной теории» должно быть известно, что в последующих изданиях этого труда я никогда его не перерабатывал, а отмечал только добавлениями и изменениями текста последующее развитие наших взглядов. При этом нередко бывало, что прежнее и новое не вполне сливалось в одно свободное от всяких противоречий целое. Сначала все внимание сосредоточилось на описании основного различия в сексуальной жизни детей и взрослых, затем на первый план выплыли прегенитальные организации либидо и замечательный, чреватый последствиями факт двукратного начала сексуального развития. Наконец, наше внимание привлечено было инфантильным сексуальным исследованием и, исходя из него, нетрудно было установить, насколько конечное состояние инфантильной сексуальности (приблизительно в пятилетнем возрасте), приближается к окончательному формированию сексуальности у взрослого. На этом я остановился в последнем издании сексуальной теории (1922).

На 74 стр. этого издания я упоминаю, что «часто или всегда уже в детском возрасте совершается выбор об'екта таким образом, как мы его изобразили характерным для фазы развития в период наступления половой зрелости, а именно, что все сексуальные устремления направляются на одно лицо, на котором они хотят достичь своей цели. Это составляет тогда наибольшее приближение к окончательной форме сексуальной жизни после наступления половой зрелости, которая только возможна в детские годы. Отличие от этой формы заключается еще только в том, что об'единение частичных влечений (Partialtriebe) и подчинение их примату гениталий в детстве совершается очень неполно или даже совсем не происходит. Установление этого примата в целях продолжения рода составляет таким образом последнюю фазу,которую проходит сексуальная организация».

В настоящее время меня уже больше не удовлетворяет положение, что в раннем детском периоде примат гениталий совсем не устанавливается или устанавливается очень неполно. Близость детской сексуальной жизни к жизни взрослых заходит гораздо дальше и выражается не только в том, что происходит выбор об'екта. Если и не достигается настоящего об'единения частичных влечений под приматом гениталий, то все же на кульминационном пункте всего хода развития инфантильной сексуальности интерес к гениталиям и пользование ими приобретает господствующее значение, мало уступающее их значению в период половой зрелости. Основной характер этой «инфантильной генитальной организации» составляет одновременно ее отличие от окончательной генитальной организации взрослых. Он заключается в том, что для обоих полов играют роль только одни гениталии, мужские. Существует не примат гениталий, а примат phallus'а.

К сожалению, мы можем описать данное положение вещей только у мальчика, что касается соответствующих процессов у маленькой девочки, у нас нет еще определенного взгляда. Маленький мальчик несомненно замечает различие между мужчинами и женщинами, но пока у него нет еще повода привести это различие в связь с различием их гениталий. Для него вполне естественно предположение, что у всех других живых существ, людей и животных, имеются такие же гениталии, как и у него самого, и нам даже известно, что он ищет чего-то

аналогичного своему органу и у неодушевленных предметов[1]). Эта легко возбуждаемая, переменчивая, столь богатая ощущениями часть тела, в высокой степени занимает интерес мальчика и выдвигает беспрерывно новые задачи перед его влечением к исследованию. Он хотел бы увидеть ее и у других лиц, чтобы сравнить ее со своей собственной, и ведет себя так, будто предчувствует, что этот орган мог бы и должен был бы быть больше; движущая сила, которую позже в период наступления зрелости обнаружит эта мужская часть тела, в этот период жизни проявляется преимущественно как влечение к исследованию, как сексуальное любопытство. Много эксгибиционистских и агрессивных действий, совершаемых ребенком, которые в более позднем возрасте не задумываясь считали бы проявлением похоти, при анализе, оказываются экспериментами, сделанными с целью сексуального исследования.

В течение этого исследования ребенок приходит к открытию, что penis не составляет общего достояния всех сходных с ним существ. Толчком к этому служит то, что ребенок случайно заметил, как выглядит гениталий маленькой сестры или подруги. Наблюдательные дети уже до того, на основании своих наблюдений при мочеиспускании девочек, видя другое положение и слыша другой шум, начинают подозревать, что здесь имеется что-то другое, и стараются тогда повторить эти наблюдения с целью выяснения положения вещей. Известно, как они реагируют на это отсутствие penis'а. Они не приемлют этот недостаток, считают, что все-таки видят орган, маскируют противоречие между наблюдением и своей предвзятостью соображением, что орган еще мал и вырастет, и постепенно приходят к заключению, важному в аффективном отношении, что он по крайней мере имелся и затем его отняли. Отсутствие penis'а понимается как результат к а с т р а ц и и, и ребенок стоит перед задачей выяснить отношение кастрации к самому себе. Дальнейшее развитие слишком общеизвестно, чтобы нужно было здесь о нем повторять. Мне только кажется, ч т о з н а ч е н и е к а с т р а ц и о н н о г о к о м п л е к с а м о ж н о

[1]) Впрочем замечательно, в какой малой степени привлекает к себе внимание ребенка другая часть мужских гениталий, мошонка с ее содержимым. Опираясь на анализы, нельзя было бы никогда узнать, что гениталии состоят еще из чего-либо иного, чем penis.

вполне оценить только тогда, если принять во внимание также его развитие в фазе примата phallus'a.

Известно также, насколько большая доля унижения женщины, жуткого чувства перед ней, предрасположения к гомосексуальности проистекает из окончательного убеждения в отсутствие penis'a у женщины. Ferenczi недавно совершенно правильно об'яснил символ ужаса в мифологии—голову Медузы, впечатлением от лишенных penis'a женских гениталий [2]).

Но все же не следует полагать, что ребенок так скоро и легко обобщает свое наблюдение, что у некоторых женщин не имеется penis'a, этому препятствует уже предположение, что отсутствие penis'a, является следствием кастрации в наказание за что-то. Напротив, ребенок думает, что только недостойные женщины, которые вероятно виновны в таких же непозволительных душевных движениях, как и он сам, лишились своих гениталий. А уважаемые женщины, как мать, еще долго сохраняют penis. Для ребенка быть женщиной еще не значит не иметь penis'a [3]). Только позже, когда ребенок стремится разрешить проблему рождения детей и открывает, что рождать детей могут только женщины, лишается penis'a также и мать, и иногда строятся очень сложные теории для об'яснения обмена penis'a на ребенка. При этом никогда не открывают женских гениталий: ребенок живет в животе (кишках) матери и рождается через выход из кишечника. С этими последними теориями мы выходим за период инфантильной сексуальности.

---

[1]) Совершенно верно указывалось на то, что у ребенка возникает представление о нарцистическом повреждении от телесного урона при отнятии от материнской груди после кормления, при ежедневном выделении фекальных масс, и даже уже при отделении от материнского организма во время рождения, но о кастрационном комплексе можно говорить только тогда, если такое представление о потере связывается с мужскими гениталиями.

[2]) Internazionale Zetschrift für Psychoanal. 1923 Heft I. Я хотел бы прибавить, в массе имеются в виду гениталии матери. Афина, на панцыре которой имеется голова Медузы, становится именно по этому недоступной женщиной, вид которой убивает всякую мысль о сексуальном сближении.

[3]) Из анализа молодой женщины я узнал, что она, оставшись без отца, но, имея нескольких теток, в течение нескольких лет латентного уже периода продолжала думать, что у матери и теток имеется penis. Но слабоумную тетку она считала как и себя—кастрированной.

Важно еще отметить, какие превращения проделывает хорошо знакомая половая полярность во время детского сексуального развития. Первая противоположность вводится мементом выбора об'екта, предполагающего суб'ект и об'ект. На прегенитальной садистически-анальной организации о мужском и женском еще не приходится говорить, господствующим является противоположность между активным и пассивным [1]). На следующей затем ступени инфантильной генитальной организации хотя и существует мужское, но женского еще нет; противоположность здесь означают: мужские гениталии или кастрированный. Только с окончанием развития во время половой зрелости сексуальная полярность совпадает с мужским и женским. Мужское включает суб'ект, активность и обладание penis'ом, за женским остаются об'ект и пассивность. Вагина приобретает ценность как вместилище для penis'а, ей достается в наследство значение материнской утробы.

---

[1]) Смотри: „Три статьи по теории полов. вопроса“.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПСИХОЛОГИЯ.

Аркин, Е. Мозг и душа. (Популярно-науч. Б-ка.) Ц. 40 к.

Басов, М. Я. Опыт методики психологических наблюдений и ее применения к детям дошкольного возраста с 9 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Блонский, П. П. Очерки научной психологии. (Труды Московской Академии Социального Воспитания. Т. I.) Ц. 50 к.

Гефдинг, Г. Очерки психологии, основанные на опыте. Перев. с немец. Под ред. Я. Колубовского. 7-е изд. Ц. 2 р.

Дьюи, Д. Психология и педагогика мышления. Перев. с англ. Н. М. Никольской. Под ред. Н. Д. Виноградова. Изд. 2-е.

Ермаков, И. Д. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Ц. 1 р. 25 к.

Корнилов, К. Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения („реактология"). Ц. 1 р. 20 к.

Корнилов, К. Н., Рыбников, Н. А., Смирнов, В. Е. Простейшие школьные психологические опыты, с 23 рис. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

Кругликов, П. В поисках живого человека. Очерк I. Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе. Ц. 15 к.

Лазурский, А. Ф. Классификация личностей. Изд. 2-е. Под ред. М. Я. Басова и В. Н. Мясищева. Ц. 2 р.

Левитов, Н. Л. Психологическая лаборатория и школьная практика. Педагогическая работа Гамбургской психологической лаборатории. Ц. 60 к.

Сотонин, К. Темпераменты. Проблемы и гипотезы. Ц. 25 к.

Стаут, Дж. Ф. Аналитическая психология. Т. 1-й. Перев. с англ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Фрейд, З., Ионес, С., Хатинберг, Задгер. Психоанализ и учение о характерах. С пред. И. Д. Ермакова. Ц. 1 р.

МЕДИЦИНА

Бернштейн, А. Н. Клинические приемы психологического исследования душевно-больных. Опыт экспериментальной клинической семиотики интеллектуальных расстройств. Ц. 40 к.

Бехтерев, В. М. Общие основы рефлексологии человека. Руководство к объективно - биологическому изучению личности. Ц. 3 р. 75 к.

Дзержинский, В. Нервные болезни. Краткий учебник для студентов и врачей. Ц. 2 р.

К детской психологии и психопатологии. Сборник статей сотрудников Государствен. Медико - Педагогического Института Н. К. З. Под ред. проф. М. О. Гуревича, П. Н. Тутышкина, Н. С. Иванова, Д. И. Азбукина. Ц. 50 к.

Крепелин, Э. Введение в психиатрическую клинику. Перев. проф. В. А. Гиляровского Ц. 2 р.

Розенштейн, Л. М. Психические факторы в этиологии душевных болезней. Ц. 60 к.

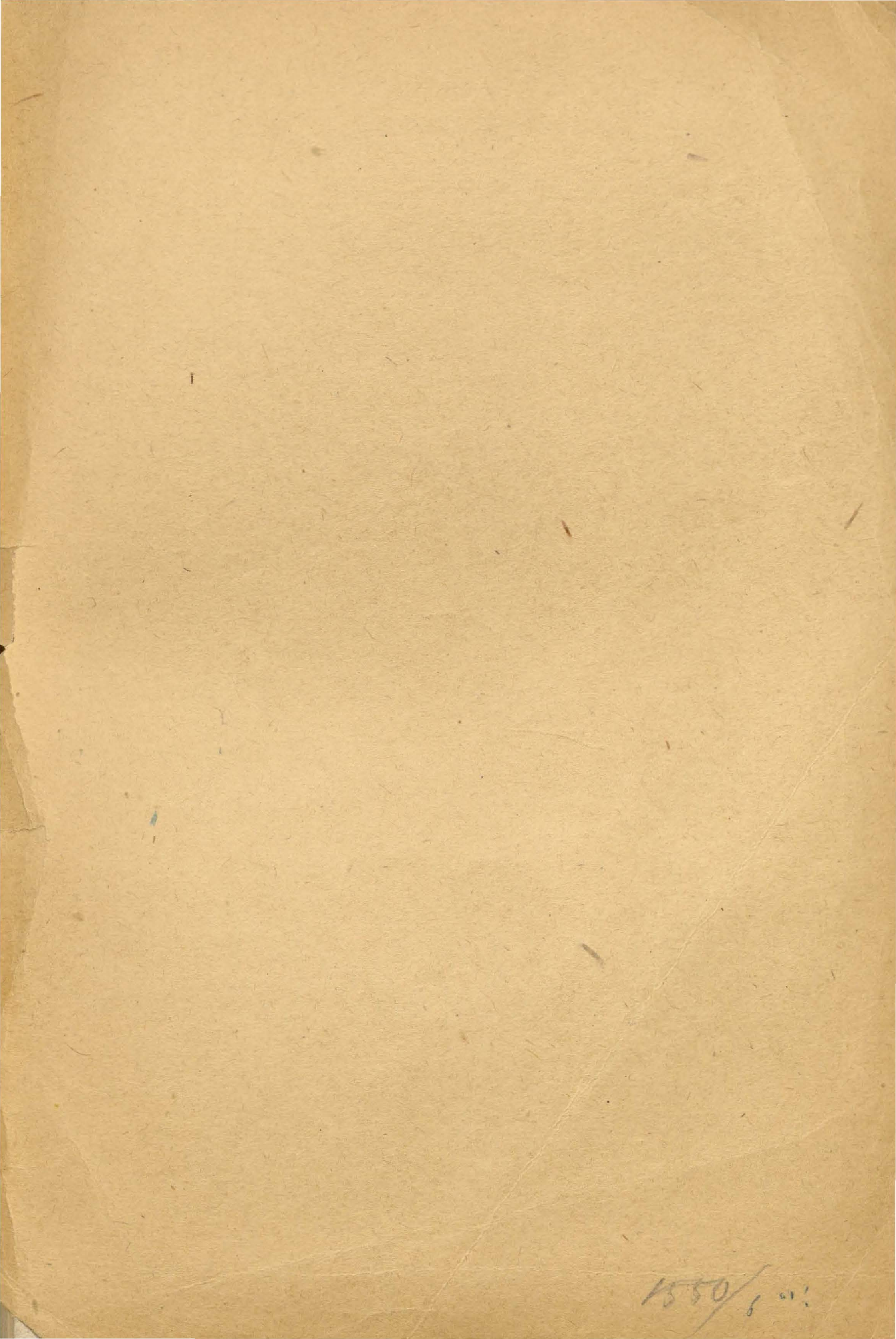
Россолимо, Г. И. Учебник нервных болезней. Ц. 4 р.

Сборник статей по невропатологии № I. Под редакц. профессоров Н. С. Минор, Г. И. Россолимо и В. К. Хорошко. Ц. 2 р.

Журнал психологии, неврологии и психиатрии. Под ред. проф. В. В. Крамера.

Психиатрия, неврология и экспериментальная психология. Периодический орган О-ва психиатров и невропатологов в Петрограде. Ответств. ред. проф. В. П. Осипов и М. И. Аствацатуров.

ВСЕ ЦЕНЫ УКАЗАНЫ В ЧЕРВОНЦАХ.

Издательство
„ТЕХНИКА ДЛЯ ДОМА"